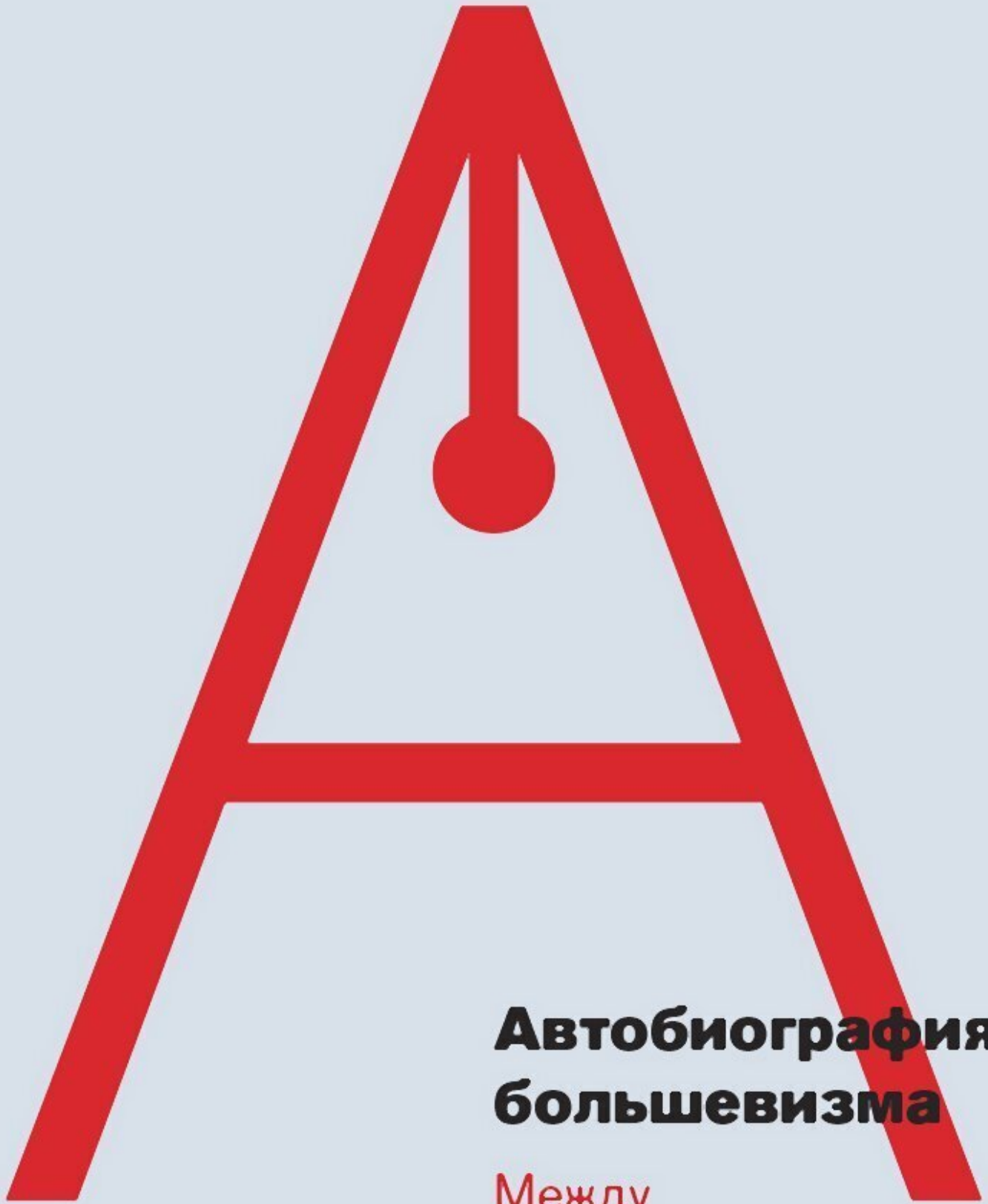

Игал Халфин

**Автобиография
большевизма**

Между
спасением
и падением

Игал Халфин

**Автобиография большевизма:
между спасением и падением**

2023

УДК 321.74(47+57)

ББК 66.1(2)53-194

Халфин И.

Автобиография большевизма: между спасением и падением /
И. Халфин — 2023

ISBN 978-5-4448-2123-7

Большевизм как квазирелигиозное мессианское движение ставил своей целью радикально преобразовать общество и создать рай на земле. Чтобы стать «новым человеком», каждый из его участников должен был перековать себя с помощью коммунистической этики, разобраться в своих изъянах и преодолеть свои сомнения. Ключевой практикой большевизма стал анализ собственного «я» — то, что Мишель Фуко называл «коммунистической герменевтикой». Разговоры о своих мыслях и намерениях, написание автобиографий, писем и дневников — все это призвано было дать нужную интерпретацию душевной жизни человека, скрытой от внешнего взора. Халфин прослеживает поэтику большевистских эго-документов, показывая, как последние воплощали в себе нарратив движения от тьмы к свету и обращения в новую веру. Со временем товарищеские суды и дискуссии о «прегрешениях» членов партии сменились реальными политическими процессами, в которых «неправильные» коммунисты, в особенности троцкисты, были объявлены контрреволюционерами. Соединяя в своем исследовании анализ автобиографий с изучением коммунистической психологии и социологии, а также политики большевистского самосовершенствования, автор убедительно показывает, как складывались предпосылки для последующего Большого террора.

УДК 321.74(47+57)

ББК 66.1(2)53-194

ISBN 978-5-4448-2123-7

© Халфин И., 2023

Содержание

Благодарности	7
Автобиография большевизма: между спасением и падением	8
Часть 1. От тьмы к свету	25
Глава 1	30
1. На товарищеском суде	46
2. Обсуждение кандидатур	54
3. Испытания	60
Глава 2	65
1. «Рабочие»	73
2. «Крестьяне»	85
3. «Интеллигенция»	104
Глава 3	139
1. Бунд	144
2. Анархисты	151
3. Меньшевики и эсеры	164
Конец ознакомительного фрагмента.	166

Игал Халфин
Автобиография большевизма.
Между спасением и падением

© Igal Halfin, 2023

© Д. Черногаев, дизайн обложки, 2023

© ООО «Новое литературное обозрение», 2023

Борису Лейбовичу Халфину

Благодарности

Книга эта получилась длинной. Не беда, она написана для моего отца, а у него времени много. Папа мой был коммунистом, членом ВКП(б) с 1946 года, и вместе с тем хорошим человеком. Общась с ним, помня его, я понимаю, что я не могу полностью отмежеваться от коммунистов, как бы мне ни хотелось. Их идеи о жизни сидят во всех нас, потому что это идеи современного, просвещенного общества. И если эти идеи приносят с собой в том числе убийство и смерть, то мы все, как современные люди, к этому причастны. Вот я и стараюсь всю жизнь разобраться с этим вопросом, соотнести мое «я» с отцовским. Мне интересно понять коммуниста изнутри, его манеру думать и чувствовать. Хочу услышать, что он говорил о себе и как он это делал. И этим вопросам посвящена моя исследовательская работа.

Книга эта – часть большого проекта, который я надеюсь довести до 1937 года, и работаю я над ним, так или иначе, вот уже 30 лет. За эти годы я получил помощь от многих. О своих израильских и американских друзьях я здесь писать не буду. Я уже их отблагодарил в своих англоязычных публикациях. А вот перед своими русскими друзьями и коллегами я в большом долгу. Помогали мне по мере сил очень многие, и главное, помогали не из чувства профессиональной солидарности или необходимости заработка, а из настоящего интереса и от всей души. Более того, иногда со мной делились самым дорогим – накопленным материалом. Без сомнения, мои друзья в Петербурге, Новосибирске и Москве видят в моей работе часть общего дела. Они явно не равнодушны ни к моей фактуре, ни к моей аргументации. Наконец, я почувствовал, что книгу ждет не маленький круг историков-профессионалов, а более широкий круг читателей, готовых открыть для себя тяжелые страницы истории своей страны.

На первом этапе моей работы мне помогали аспиранты Европейского университета в Санкт-Петербурге: Анна Вичкитова, Тимофей Раков, Федор Максимишин. Помогали и коллеги и в то же время друзья: Татьяна Борисова, Жанна Кормина, Юлия Чернявская, Анатолий Пинский, Сам Хирст, Марк Гамза, Александр Резник, Артем Кравченко, Анна Соколова, Борис Колоницкий. Сергей Ушакин помог с интерпретацией картинок. У него редкая эрудиция и готовность работать с визуальным рядом. Наверное, кого-то забыл – извиняюсь.

Необыкновенный вклад в книгу сделали два человека: Дмитрий Бутрин и Станислав Худзик. Дмитрий предлагал, исправлял, наконец, вдохновлял. Его талант к письму и чуткость к религиозным смыслам мне очень помогли. Ну а без Стаса книга просто была бы другой и гораздо хуже. Стас не только комментировал все, хотя делал и это. Он менял весь мой ракурс рассмотрения целого ряда проблем. Если бы не Стас, я бы упустил несколько важнейших аналитических ходов, многое бы упростил, недораскрыл, недопонял. В каком-то смысле эта книга и его проект.

Особенно я благодарен своим редакторам. Изначально рукопись была очень корявой и без помощи журналиста Полины Потаповой не стала бы читабельной. Полина вложила огромное количество времени, чтобы мой текст стал хотя бы немного приемлемым. Затем всю рукопись внимательнейшим образом вычитала и исправила замечательный новосибирский филолог Татьяна Савина, и теперь я уже осмелился показать текст издательству. И наконец третий редактор, питерский филолог Екатерина Богач, профессионализм и требовательность которой спасли меня от тысяч ошибок. Екатерина читала и перечитывала, и заставляла меня проверять и перепроверять. На этом последнем этапе редактуры меня спасли аспиранты Мати Френкельзон, Арсений Шнайрман и Анвар Миронов. Без их многочисленных походов в библиотеку в поиске номеров страниц и имен и отчеств авторов книга осталась бы недоделанной.

Наконец, я должен поблагодарить своих редакторов, Илью Калинина, который давным-давно привлек меня в этот проект, и Арсения Куманькова, который всячески помог отшлифовать рукопись и соотнести ее с высокими стандартами издательства.

Автобиография большевизма: между спасением и падением

Открыть себя, изменить себя, очистить себя – вот главная задача, которую русские революционеры ставили перед собой после 1917 года. Большевики старались понять смысл своего существования, свою историческую миссию, идеи, в свете которых они хотели жить. В поисках ответов они не перечитывали Священное Писание, как это было принято раньше, а обращали взгляд внутрь себя, рассчитывая на свой разум, знания, вдохновение. Традиция перестала иметь какое-либо значение, ведь ожидалось, что каждый советский гражданин поставит крест на прошлом и приступит к напряженной работе над собой. Процесс трансформации собственной личности поистине охватил всю страну: мы можем судить об этом по шквалу автобиографических сочинений в Советской России, в которых распространялось представление о «я», надеющемся обрести целостность здесь и сейчас¹.

Но большевик не только полагался на себя, желая найти свое место в истории, – в то же время он должен был действовать вопреки своей собственной воле, когда партия того требовала, ведь история понималась как коллективное действие. Новый строй призывал к устранению любых опосредующих инстанций между объективным и субъективным, так что совесть человека и эсхатологические цели революции естественным образом совпадали. «Я» новой эпохи возникало на стыке материалов личного происхождения, автобиографий, дневников, признаний и бесконечных перечней имен в партийных архивах. Тут не было противоречия – все это были эго-документы, все они пытались ответить на вопрос: что есть человек? С подчеркнутым воодушевлением и энтузиазмом большевики воспринимали партию не как отчужденную властную структуру, а как олицетворение их коллективного «я»².

Революционный дискурс служил важным рычагом для генерирования этого нового «я». Партийные архивы полны не только директив и отчетов, но и бесконечной череды обсуждений и споров о том или ином партийце, заявлениях, рекомендациях и доносах, где большевики говорят о себе открыто и в деталях. Количество бумаги – а ее очень недоставало в послереволюционные годы, – которую большевики истратили на описание самих себя, говорит о важности работы над собой. Нигде она не заметна более, чем в материалах партийных ячеек – институциональной базы партии и главного предмета данного исследования. Рассматривая борьбу за партбилет, можно отследить тот самый процесс, через который артикулировались новые идентичности. Мало кто отрицал, что продвигать по службе нужно рабочих и крестьян, что непролетарские элементы не очень желательны, что общество избранных надо периодически зачищать или что достижения Октября могут быть утрачены. Но как определить, кто есть кто? Надо ли судить по происхождению, по профессии или по уровню сознательности?

Каждое партийное собрание тщательно протоколировалось. Бдительный читатель сразу обратит внимание на новый особый язык, которым пользовались большевики в общении между собой³. Тонкие, на первых порах почти незаметные изменения в терминологии и правилах поведения постепенно вышли на передний план. Протоколы оставили красноречивый след, по которому мы можем судить о манере самопрезентации большевиков, их представлении о друзьях и врагах, их доверчивости и подозрительности – иногда может показаться, что перед

¹ *Hellbeck J.* Self-Realization in the Soviet System: Two Soviet Diaries of the 1930s // *Stalinismus vor dem Zweiten Weltkrieg* / ed. by M. Hildermeier. München: Oldenbourg Wissenschaftsverlag, 1998. P. 275–290.

² *Holquist P.* «Information Is the Alpha and Omega of Our Work»: Bolshevik Surveillance in Its Pan-European Context // *Journal of Modern History*. 1997. Vol. 69. P. 415–450.

³ *Колодецкий Б. И.* Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры Российской революции 1917 года. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001.

нами полевые заметки этнографа. Представляя богатый материал для пристального чтения, протоколы партийных собраний низовых ячеек демонстрируют нам свой упорядоченный, клишированный язык с очевидными увиливаниями и умолчаниями – все это является проявлением большевистского дискурса. Большевизм предстает здесь как смысловая структура, как поведенческий код. Политика оказывается борьбой за слова, за право толковать и олицетворять те или иные партийные понятия. Здесь интересны не «почему», а «что» и «как», не причинно-следственные связи, а смыслы.

Вот, например, короткий, но наполненный драматизмом документ из провинциального архива – протокол опроса молодого большевика, некоего Ковалева Петра Ефимовича⁴. 17 октября 1921 года Ковалев стоял перед членами партийной ячейки Смоленского технологического института и старался обосновать свое право на партийный билет. Это происходило на фоне чистки: уязвимой части революционного содружества, подозреваемой в мягкотелости, мелкобуржуазном интеллектуализме или просто в отсутствии должной пролетарской сноровки, указывали на дверь. В пользу Ковалева говорило то, что он был на фронте: «Вступил в партию в ячейке армейского госпиталя». Поручился за него сам военком, председатель ячейки, что было знаком доверия. Но большевиком Ковалев был «сырым»: он вступил в партию только в апреле 1920 года, уже после того, как Красная армия обеспечила себе победу в Гражданской войне и обладание партийным билетом больше ничем не угрожало. Ответчику ничего не оставалось, как сослаться на свое «революционное настроение» и клясться, что он не искал выгоды при вступлении в партию.

Кем был Ковалев с классовой точки зрения? Несмотря на то что анкета была заполнена, а короткая автобиография передана в бюро ячейки, ответ на этот вопрос оставался открытым. Ковалев мог охарактеризовать себя как крестьянина, ссылаясь на свое сельское происхождение, мог назвать себя и полупролетарием, так как добровольно участвовал в работе советских учреждений, но так или иначе на звание настоящего рабочего он не мог претендовать (ему бы не поверили) и в ряды интеллигенции тоже не записывался (его бы исключили).

Однако для маневра еще оставалось достаточно места: Ковалев слушал, как его характеризовали другие, сопоставлял одно определение с другим, подтверждал относительно благоприятные для себя ярлыки и отмежевывался от всего, что могло побудить товарищей исключить его из партии. Мнение товарищей по ячейке и горстки заводских рабочих, вызванных помогать им своим бдительным взором, можно было сравнивать с опытом эмиссаров, присланных центром для наблюдения за чисткой. Несмотря на неподдельный интерес к социальному происхождению, большевики, в конце концов, волновались более не о том, откуда пришел человек, а о том, куда он стремился. Октябрь означал перелом в сердцах людей, и Ковалев настаивал, что он оставил прошлое позади.

К сожалению, его автобиография обнажала и неудобные моменты: в 1916–1917 годах ответчик был слушателем семинарии, и за это он мог не только лишиться партбилета, но и угодить в лишенцы – молодое Советское государство отнимало у служителей культа право голоса. Несоответствие клерикального прошлого Ковалева и его революционного настоящего было обнаружено на самом раннем этапе слушания его дела. Его спросили: «Как смотришь на религию?» – «Отрицательно», – последовал ответ. Следующий вопрос был ловушкой: «По призванию ли вступил в духовную семинарию?» Неуверенный ответ – и Ковалева изобличили бы как лицемера, который в лучшем случае примыкал к победителям в погоне за выгодой, в худшем – старался саботировать решения партии изнутри. Сухая реплика Ковалева показала,

⁴ ВКР. 326. 9. Здесь и далее в книге аббревиатура ВКР относится к Смоленскому партийному архиву, вывезенному из СССР во время войны 1941–1945 годов и долгое время находившемуся в США (The National Archives of the United States. Records of the Smolensk Oblast of the All Union Communist Party of the Soviet Union, 1917–1941), и является немецкой транслитерацией аббревиатуры ВКП – «Всесоюзная коммунистическая партия».

что он свой: «Нет, мне нужно было платить за образование». Значит, он всего лишь стремился получать стипендию.

Если Ковалев и вправду переделал себя, он должен был столкнуться с религиозными чувствами своих родителей. Товарищи и в самом деле поинтересовались этим вопросом: «В каких отношениях находишься с родителями?» – «С семьей не порвал», – признал Ковалев. И быстро разъяснил: «В хороших отношениях, ибо мать необразованна и этого движения не понимает». Таким образом, связь с ней носила чисто эмоциональный характер. Идеология проходила больше по мужской линии, но тут ответчику повезло: «...отец же сочувствует [делу революции]».

Чтобы доказать, что он на самом деле человек нового мира, Ковалеву нужно было принять советскую политику в отношении церкви. Кто-то спросил: «Почему произошло отделение церкви от школы и школы от церкви?» – «Потому что нет необходимости содержать противные советской власти элементы», – последовал молниеносный ответ. Ответчик понимал всю пагубность религиозного дурмана. Закон Божий не должен быть частью школьного образования. Если верить Ковалеву, он порвал с религиозными предрассудками юности, проникся идеологией большевиков, искал смысл жизни в партии и через партию.

Тот, кто превратил революцию в свое личное дело, должен был показать, что он умеет ориентироваться в политике. У уполномоченного по чистке на этот счет были вопросы:

– Почему называемся мы коммунистами? Когда организовался 3-й Интернационал?

(Затрудняется в ответе.)

– Какая у нас верховная власть?

– В. Ц. И. К.

– Кто руководит политикой?

– Партия руководит.

– Как вы смотрите на расстрелы?

– Если заслужил, почему бы и не расстрелять.

– Постоянна ли Советская Власть?

– Она применяется к обстоятельствам.

«Задавался ряд вопросов, из коих собрание узнало о полной политической безграмотности тов. Ковалева», – сухо суммировала запись. Даже если ответчик и был честным большевиком, он плохо понимал, что такое советская власть, в чем ее превосходство по сравнению со старыми порядками. Непонятно ему было и в чем заключается особенность партии Ленина, чем она превосходит другие партии типа меньшевиков или эсеров.

Сомнения не убывали. Был ли Ковалев обыкновенным симулянтом? Мог ли он играть роль, превращать чистку в театр? Конечно, партийные протоколы не позволяют нам доискаться до «настоящего» человека, не обремененного властными отношениями. Думается, что вряд ли имеет смысл пытаться услышать «искренний» голос человека. Попытка убрать фильтр революционного языка заводит в тупик, так как большевики просто не могли осознать себя вне его рамок. Важно не то, был ли говорящий искренен, – стоит заметить, что «искренность» была излюбленным термином самих большевиков, которые ожидали друг от друга полной открытости, – а то, как и почему ритуал товарищеского дознания конструировал каждое высказывание как раскрытие сущности говорящего, его внутренней правды⁵.

⁵ Пинский А. Значение искренности: Федор Абрамов и первая «оттепель», 1952–1954 гг. // Человек и личность в истории России (конец XIX – XX век): материалы международного научного colloquiuma / под ред. М. В. Беглецово́й. СПб.: Нестор-История, 2013.

Вопрос о советской идентичности неотделим от вопроса о власти – формовка человека была тесно связана с насилием над собой⁶. Граждане молодой советской республики настраивали свои «я» на частоту победившего дискурса – политической игры, вызывающей к жизни набор возможных идентичностей. Этот набор лежал в основе типологии, классифицировавшей людей на наших, не наших и тех, кому есть место в обществе избранных. Тщательно взвешивая свои слова, Ковалев демонстрировал уважение к правилам игры. Взамен он требовал признания своих армейских заслуг, своего вклада в созидание нового мира. Хотя некоторые считали, что перед ними «лишний балласт партии, который ничего не хочет понять в политическом отношении, безактивный», другие нашли, что Ковалев «честно и аккуратно выполняет партийные обязанности» и что «ничего предосудительного за ним не числилось». В конце концов, молодой студент не должен был во всем разбираться прямо сейчас – ему все растолкуют на курсе политграмоты. Главным было желание работать над собой, а Ковалев уже был заведующим политическим клубом института.

В итоге ячейка пришла к компромиссу: Ковалева перевели из полных членов партии в кандидаты. Ему было разрешено продолжать использовать дискурсивные ресурсы большевизма и бороться за свое место в партии, но также было сказано, что за его поведением будут следить в семь пар глаз⁷.

Большевики мечтали о «новом человеке» – гордом гражданине бесклассового общества, которое они начали строить в 1917 году⁸. Непрерывные споры о его воплощении в жизнь, о том, как понимать взаимодействие между телом и духом, средой и сознанием, историческим законом и свободой, подчеркивали напряжение между этикой и наукой, столь присущее советскому марксизму. Марксистский нарратив предлагал свою артикуляцию времени и пространства, свою событийность, свою «эсхатологию» движения человека во времени от тьмы капитализма к свету коммунизма⁹. Все строилось вокруг двух мифологических событий: «первоначальной экспроприации» – начала истории, открывающего эксплуатацию человека человеком, и «экспроприации экспроприаторов», завершающей историю. Первое событие ассоциировалось с христианским понятием грехопадения, второе – с пришествием мессии. Обе модели, христианскую и коммунистическую, объединяла взаимозаменяемая структура сюжета: сходные агенты двигали сюжет вперед, сходные метафоры и фигуры использовались для описания исторических событий. Последовательность происхождения классов совпадала с развитием «драмы спасения», марксистские классовые категории выросли из мифо-религиозной истории¹⁰. Внедряя новые научные термины в традиционный эсхатологический словарь, большевизм заменял «верующих» «товарищами», «рай» – «бесклассовым обществом»¹¹. В роли мессии выступал пролетариат – соль трудящегося человечества, единственный класс, наделенный развитым чувством справедливости и универсальной точкой зрения на мир¹².

⁶ Яров С. В. Конформизм в Советской России: Петроград 1917–1920-х годов. СПб.: Европейский дом, 2006.

⁷ ВКР. 326. 19.

⁸ Антропология революции: сб. статей / под ред. И. Прохоровой, А. Дмитриева, И. Кукулина, М. Майофис. М.: Новое литературное обозрение, 2009; Россия 1917 года в эго-документах: Воспоминания / сост. Н. В. Суржикова, М. И. Вебер. М.: РОССПЭН, 2016.

⁹ Tucker R. Philosophy and Myth in Karl Marx. New York: Cambridge University Press, 1961; Tuveson E. L. The Millenarian Structure of The Communist Manifesto // The Apocalypse in English Renaissance Thought and Literature / ed. by C. Patrides, J. Wittreich. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1984; Rothbard M. N. Karl Marx: Communist as Religious Eschatologist // The Review of Austrian Economics. 1990. Vol. 4. № 1. P. 123–179.

¹⁰ Wessell L. Prometheus Bound: The Mythic Structure of Karl Marx's Scientific Thinking. Baton Rouge, LA: Louisiana State University Press, 1984. P. 103–104.

¹¹ Слезкин Ю. Л. Дом правительства: Сага о русской революции. М.: Corpus, 2019.

¹² Murvar V. Messianism in Russia: Religious and Revolutionary // Journal for the Scientific Study of Religion. 1971. Vol. 10. P. 277–338; Agursky M. L' aspect millénariste de la révolution bolchevique // Cahiers du Monde russe. 1988. Vol. 29. № 3–4. P. 487–513.

Марксисты артикулировали отношение между историческим человеком и идеальным «новым человеком» через термины «рабочие» и «коммунисты». До тех пор, пока существовал капитализм, две стороны одной эсхатологической монеты оставались обособленными: в то время как пролетариат обозначал самоотчужденную человеческую природу, большевики были носителями подлинного пролетарского духа, агентом, стремящимся реализовать спасительный потенциал рабочего класса. Партия являла собой орден, олицетворяющий идею и состоящий из активистов, ответственных перед миссией пролетариата, а не обыденную политическую организацию, представляющую интересы конкретных людей. Переименовав свою политическую организацию в Российскую коммунистическую партию, «единственную по-настоящему революционную пролетарскую партию в России», большевики стали посредниками между «я» рабочего, похороненным под ложными идентичностями («подданный», «гражданин» и т. д.), и его классовым самосознанием¹³. Карл Маркс писал, что вопрос не в том, что считает своей целью тот или иной пролетарий, а в том, что «у них нет никаких интересов, отдельных от интересов всего пролетариата в целом»¹⁴. РКП(б) не управляла обществом в угоду себе и не искала с ним компромиссов, а существовала лишь как образец полного подчинения частных интересов общим¹⁵.

Согласно большевикам, в объективном развитии капитализма не было ничего, что само по себе могло бы побудить рабочих к выполнению их миллениаристской задачи. Оставшись только со своими собственными орудиями труда, отчужденные и одурманенные, они превратились в шестеренки огромной капиталистической машины. Убежденный в том, что история, предоставленная сама себе, только усилит рабскую зависимость человека, большевик облачился в тогу пророка, который спасает человечество, пробуждая души эксплуатируемых к истине¹⁶. Большевик понимал человека, к которому он обращался, как свободного и способного себя переосмыслить. Ведь если бы источник революционного сознания был имманентен истории, коммунистическая идеология превратилась бы в банальную часть детерминированной цепочки событий, совершенно неспособную обеспечить «скачок из царства необходимости в царство свободы»¹⁷. Вот почему партийные теоретики проявляли крайнюю озабоченность реакцией человека на вызов партии. Человек должен был выбрать коммунизм по собственному почину, иначе его выбор не переломил бы ход событий. «Я» человека было в центре внимания, а не безличные экономические процессы.

В эсхатологии на большевистский лад не было недостатка в черно-белых оппозициях: пролетариат против буржуазии, прогресс против реакции, сознательность против несознательности, производство против вредительства¹⁸. Существенно здесь не манихейство само по себе – похожие биполярные понятия можно обнаружить и в других идеологических формациях, – а идея неуклонного продвижения вперед, которое через постоянно меняющиеся антитезисы ведет к конечной цели – всеобщему озарению¹⁹. Сохранив определенные элементы эсхатологического отношения к времени, большевизм одновременно до неузнаваемости трансформировал другие верования и практики. Именно просвещенческая идея мирового порядка как достижимой и, более того, неотвратимой цели породила неизвестную прежде политическую

¹³ История Гражданской войны в СССР: В 5 т. Т. 1. Подготовка великой пролетарской революции (от начала войны до начала октября 1917 г.) / под ред. М. Горького, В. Молотова, К. Ворошилова, С. Кирова, А. Жданова, А. Бубнова, Я. Гамарника, И. Сталина. М.: Госполитиздат, 1935. С. 24–25.

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений: В 50 т. Т. 4. М.: Издательство политической литературы, 1955. С. 437.

¹⁵ *Besançon A.* The Rise of the Gulag: Intellectual Origins of Leninism. New York: Continuum, 1981. P. 282.

¹⁶ *Voegelin E.* The New Science of Politics. Chicago: University of Chicago Press, 1952.

¹⁷ *Плеханов Г. В.* Основные вопросы марксизма. СПб.: Наша жизнь, 1908. С. 85.

¹⁸ *Carleton G.* Genre in Socialist Realism // *Slavic Review*. 1994. Vol. 53. P. 1002.

¹⁹ *Marcus J.* The World Impact of the West // *Myth and Mythmaking* / ed. by H. Murray. New York: Braziller, 1968. P. 221–223.

установку. В то время как милленаристские движения старого мира неизменно порывали с прежним обществом, красные революционеры были очень даже от мира сего, воздействуя на общество с целью достичь спасения здесь и сейчас²⁰. Воинствующий и богоборческий, марксизм преподнес социальную активность как необходимое условие спасения в этом мире и тем самым способствовал радикальному разрыву с традицией²¹.

Придя к власти, большевики отважились прочертить границы социалистического общества и гомогенизировать его структуру, используя в ходе этого процесса инструментарий социологического анализа. Тем самым они импортировали в Россию концепцию политики как системы правления, контролирующей не территорию, а население²². Общество подверглось интенсивной социальной инженерии. Сбор данных стал важным механизмом, гарантирующим совершенство политического тела и уничтожение буржуазных «микробов». Перепись 1926 года, а также масштабная кампания анкетирования не только собрали и обработали статистический материал, разделявший население на обособленные «элементы», – каждый со своими специфическими свойствами, – но и снабдили государство бесценной биографической информацией²³.

Даже если многие коммунистические практики являлись неотъемлемой частью модерности как таковой, большевики отличались радикализмом задействия человеческого «я», степенью вовлеченности людей в историю. После драматической социальной и политической встряски, связанной с революцией и Гражданской войной, подданные Российской империи оказались вписанными в новую структуру дискурсивных отношений²⁴. Человек, принявший революцию, учился ориентироваться в новом мире. Ему полагалось знать, в чем состоят институты советской власти и в чем заключается их превосходство над царскими или буржуазными институтами²⁵. Под покровом марксистской догмы, в зоне обмена между разнообразными, подчас весьма разнящимися этическими и психологическими понятиями обсуждалась коммунистическая идея о человеке. Новое «я» артикулировалось внутри гибридного поля, в котором пересекались современная на тот момент психология, идеология и политика. Каждый пропагандист добивался статуса ученого – естествоиспытателя революционной души²⁶. Перековка людей являлась ключом к их освобождению. Максим Горький отмечал в 1917 году, что «новый строй политической жизни требует от нас и нового строя души»²⁷. Герберт Уэллс чуть позже заметил: «Большевикам придется перестроить не только материальную организацию общества, но и образ мышления целого народа. <...> Чтобы построить новый мир, нужно изменить всю

²⁰ *Tuveson L.* Millennium and Utopia: A Study in the Background of the Idea of Progress. Berkeley, CA: University of California, 1949. P. ix – x; *Talmon J.* The Origins of Totalitarian Democracy. London: Sphere, 1955. P. 5–6, 249; *Idem.* Millenarism // The International Encyclopedia of the Social Sciences / ed. by D. L. Sills. New York: The Macmillan Company and The Free Press, 1968. P. 350.

²¹ *Bergman J.* The Image of Jesus in the Russian Revolutionary Movement // International Review of Social History. 1990. Vol. 35. P. 220–248; *Zelnik R.* «To the Unaccustomed Eye»: Religion and Irreligion in the Experience of St. Petersburg Workers in the 1870s // Russian History. 1989. Vol. 16. P. 297–326; *Steinberg M. D.* Workers on the Cross: Religious Imagination in the Writings of Russian Workers, 1910–1924 // Russian Review. 1994. Vol. 53. P. 213–239.

²² *Foucault M.* Governmentality // The Foucault Effects: Studies in Governmentality / ed. by G. Burchell et al. Chicago: University of Chicago Press, 1991. P. 91.

²³ *Байбурын А. К.* Советский паспорт: история – структура – практики. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. С. 84–90; *Hirsch F.* Towards a Soviet Order of Things: The 1926 Census and the Making of the Soviet Union // Categories and Contexts. Anthropological and Historical Studies in Critical Demography / ed. by S. Szreter, H. Sholkamy, A. Dharmalingam. Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 126–147.

²⁴ *Нарский И. В.* Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М.: РОССПЭН, 2001.

²⁵ *Шшикин В. И.* Проблемы социальной адаптации населения России: Историографические итоги и перспективы изучения // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск. 2010. № 4. С. 69–73.

²⁶ *Гольцман А. З.* Реорганизация человека. М.: Центральный институт труда, 1924; *Яковский М. О.* За нового человека. Л.: Красная газета, 1928.

²⁷ *Горький М.* Несвоевременные мысли: Заметки о революции и культуре. Рассказы. М.: Современник, 1991. С. 28.

их психологию»²⁸. «Незачем сперва менять психологию, а потом строить, – все можно делать одновременно», – рассуждал Ленин. Отличительными чертами «нового человека», по мнению Анатолия Луначарского, должны были стать «настойчивость, трудолюбие, дух солидарности»²⁹. И продолжил свою мысль: «Не может быть противопоставления телесного и духовного, точно так же, как не может быть разрыва между индивидуальностью и социальностью»³⁰. Надежда Крупская была убеждена, что советский строй воспитает человека с новыми качествами, умеющего действовать коллективно, школа создаст ребят с коллективистскими переживаниями, с коллективистской мыслью. «Модель трактора мы заимствовали у Америки, – писал Илья Эренбург. – Но наши трактористы – модели новых людей, которых не знает старый мир»³¹.

Характер нового сознания был вписан в заданный партией набор дискурсов и практик, значений и смыслов, которые партиец мог использовать для того, чтобы ответить на вопрос «Кто я?». Тут важно подчеркнуть, что изучение технологий субъективации проблематизирует их воздействие на индивида как извне, так и со стороны его самого³². Большевика следует рассматривать как активного участника процесса субъективации – не только в качестве того, кто подвергается воздействию, но и того, кто его осуществляет. Само обращение к себе с вопросом «Каково направление моего политического мышления? Согласен ли я с ЦК?» по определению предполагало существование внутреннего «я» – и тем самым конституировало его. Откровения на партсобраниях или в письмах в инстанции не только подтверждали наличие этого внутреннего «я», но и раскрывали его моральные качества.

Герменевтика подразумевала, что есть что-то скрытое в нас самих и что мы всегда пребываем в заблуждении относительно себя³³. Практики написания большевистской автобиографии или автобиографии наизнанку, «доноса», были направлены на то, чтобы вывести это сокровенное на поверхность. Большевики предполагали, что «нутро», «внутренность» или «сущность» определяют коммуниста. Они призывали к дешифровке самого себя. Признания производились на основе партийного устава – его хранители определяли приемлемое и неприемлемое поведение (именно в этой связи нужно понимать институт «контрольных комиссий» партии). Чтобы партиец мог понять, кто он такой на самом деле, ему был необходим авторитет: товарищ с дореволюционным стажем, председатель партийной ячейки – тот, кто мог выполнить функцию эксперта и предложить критерий для самодешифровки.

Главной практикой, определившей формирование субъекта начиная с XVI века, Фуко считает христианскую практику исповеди. Исповедь предполагала, что тот, кто каялся, постоянно следил за малейшими проявлениями своего внутреннего мира и говорил, производя истину о себе, пусть и под руководством наставника. Признание являлось ритуалом, где истина удостоверяла свою подлинность благодаря препятствиям, которые она должна была преодолеть, когда самый акт высказывания, «безотносительно к его внешним последствиям», облегчает тяжесть проступков, искупает вину и очищает³⁴. Большевики описывали свой путь к обретению выдержанности и сознательности через отказ от прежнего «я», что позволяет говорить о

²⁸ Уэллс Г. Россия во мгле / пер. с англ. В. Пастоева, И. Виккера. М.: Госполитиздат, 1958. С. 74.

²⁹ Луначарский А. В. Основные принципы единой трудовой школы. От Государственной комиссии по просвещению 16 октября 1918 г. // Народное образование. 1999. № 10. С. 54–57.

³⁰ Луначарский А. В. О воспитании и образовании: избранные статьи / под ред. А. М. Арсеньева. М.: Педагогика, 1976. С. 285, 276.

³¹ Цит. по: Дружников Ю. И. Доносчик 001, или Вознесение Павлика Морозова. М.: Московский рабочий, 1995. С. 139.

³² Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью: В 3 ч. Ч. 3 / пер. с фр. Б. М. Скуратова. М.: Практикс, 2006. С. 284.

³³ Сешет Р. Падение публичного человека / пер. с англ. О. Исаевой, Е. Рудницкой, В. Софронова, К. Чухрукидзе. М.: Логос, 2002. С. 170.

³⁴ Фуко М. Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / пер. с фр. С. Табачниковой. М.: Касталь, 1996. С. 158, 261.

сближении их ритуалов откровений с используемым в религиозной парадигме понятием исповеди, в рамках которой можно и нужно артикулировать прегрешения³⁵.

Большевики называли герменевтику души «выявлением лица»³⁶. Товарищеские суды, чистки и опросы в кабинетах партийных контрольных комиссий функционировали как способ отделения подлинных революционеров от выдающих себя за таковых³⁷. «Нужно, товарищи, обязательно вести борьбу за душу человека, – говорил Ворошилов. – Если не душу, так сознание, разум человеческий. Душа – это поповский термин, но он обозначает то же самое, фигуральное выражение. За сознание людей, за их разум, за их душу нужно бороться, чтобы они были нашими людьми»³⁸. На XII съезде партии в 1923 году Сталин требовал «каждого работника изучать по косточкам»³⁹. Харьковский бухгалтер Григорий Козьмин вторил: «Мы, коммунисты, [должны] каждого товарища исследовать не только с наружной стороны, но наибольшее значение мы должны придавать содержимому внутри товарища, вот тогда бы все члены партии были одинаковы как с наружной стороны, так и по содержанию внутри их. Неужели партия не может или боится раскатывать гнилые внутренности своих членов?»⁴⁰ Рядовые партийцы умели распознать «своим рабочим чутьем, своим нутром», кто есть кто⁴¹.

Герменевтика души отсылает к тому способу восприятия, в котором слова, использованные товарищем для объяснения своих поступков, выступают в качестве ключа к некоей более глубокой реальности – его моральной и политической предрасположенности. Большевики желали «выявить» товарища, «выяснить его физиономию»⁴². В силу того, что самоанализ неизбежно был связан с повествованием о себе, анализ автобиографий, дневников и других авторских документов стал решающим компонентом коммунистической герменевтики души. Составляя подробный рассказ о своей жизни, каждый товарищ был обязан показать, кто он по происхождению, как развивалось его «я» и что привело его в партию.

Не каждый был достоин вступления в «братство избранных». Только те, кто жертвовал телом и душой ради победы коммунизма, заслуживали этого права. Здесь будет полезно обратиться к рассуждениям Майкла Вальзера о праве членства в пуританской общине: «Конгрегация не включала в себя всех жителей округа, в которой находился приход. <...> Это сделало бы благочестие вопросом географии и превратило бы церковь в „постоялый двор, принимающий всех кого ни попадя“. Напротив, участие зависело от образа действий, причем действий, как ожидалось, совершаемых по воле Божьей». Пуритане требовали надлежащего испытания и заявляли о своем праве «исключать даже соседей и родственников, дабы поддерживать четкое разграничение между праведниками, которые вели благочестивый и воздержанный образ жизни, и грешниками, „погрязшими“ в нечистоте»⁴³.

Членство в коммунистической партии в равной степени было вопросом совести и помыслов. Писавшиеся и переписывавшиеся несколько раз в год автобиографии играли ключевую роль в становлении идеологической чистоты. Оценка автобиографии на партийном собрании

³⁵ Riegel K.-G. *Konfessionsrituale im Marxismus-Leninismus*. Graz; Wien; Köln: Styria, 1985.

³⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 408. Оп. 1. Д. 1175. Л. 91.

³⁷ Foucault M. *About the Beginning of the Hermeneutics of the Self // Political Theory*. 1993. Vol. 2. P. 198–227.

³⁸ Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. 1–4 июня 1937 г.: документы и материалы / сост. Н. Тархова, К. Абрамян, В. Арцыбашев и др. М.: РОССПЭН, 2008. С. 297, 364.

³⁹ Двенадцатый съезд РКП(б) 17–25 апреля 1923 г. Стенографический отчет. М.: Политиздат, 1968. С. 63.

⁴⁰ Г. А. Козьмин – М. И. Калинину // Письма во власть. 1917–1927: Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям / сост. А. Я. Лившин, И. Б. Орлов. М.: РОССПЭН, 1998. С. 447.

⁴¹ XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М.; Л.: Госиздат, 1926. С. 753.

⁴² ЦГА ОДМ. Ф. 67. Оп. 1. Д. 97. Л. 13; Ф. 80. Оп. 1. Д. 58. Л. 22; Ф. 1614. Оп. 1. Д. 40. Л. 1 об.

⁴³ Walzer M. *The Revolution of the Saints: A Study in the Origins of Radical Politics*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1965. P. 222, 224.

всем коллективом – не столько житейских фактов, сколько ее настроя и искренности – решала вопрос о приеме в «братство избранных».

Рассматривая поэтику этих документов, мы увидим, как кандидаты в партию рассказывали о том, кем они были изначально и кем стали. Рассказы эти варьировались в зависимости от социального происхождения, жизненных событий и аудитории. Подробности могли быть сокращены, приукрашены либо опущены с целью соблюсти большевистские литературные конвенции, но метафорика пути, духовного роста всегда присутствовала⁴⁴. Автобиографическое «я» не рождалось большевиком, но должно было изложить убедительный нарратив перехода, историю того, как оно стало таковым. Человек не равен самому себе, а в революционную эпоху тем более. Теоретик литературы и литературный критик Виктор Борисович Шкловский свидетельствовал: «... я не считаю себя виновным в том, что я пишу всегда от своего лица, тем более, что достаточно просмотреть все то, что я только что написал, чтобы убедиться, что говорю я от своего имени, но не про себя. <...> ... Тот Виктор Шкловский, про которого я пишу, вероятно, не совсем я, и если бы мы встретились и начали разговаривать, то между нами даже возможны недоразумения»⁴⁵. Так как такое «я» всегда пребывало в движении, всегда переосмыслялось, автобиографические нарративы заключали в себе множество сдвигов, нестыковок и непоследовательностей.

Большевизм дал толчок развитию автобиографического жанра. До 1917 года написание автобиографий было прерогативой достаточно узкого круга литераторов, подражавших западному стилю. Личный дневник и даже воспоминания существовали вне государства, воспринимались как приватный жанр. Новшество советского времени заключалось не только в содержании автобиографий, но и в том, что они были востребованы партией. Было бы интересно сравнить автобиографии, написанные до и после 1917 года, и изучить произошедшие жанровые изменения.

Мне удалось выявить только один случай большевистской партийной автобиографии, которая имела дореволюционный вариант, – жизнеописание Федора Федоровича Раскольников (Ильина), заместителя председателя Кронштадтского совета, активного участника Октябрьского восстания, члена коллегии Наркомата по морским делам, с 1921 года находившегося на дипломатической работе в Афганистане. Во время написания первой автобиографии в 1913 году для «Критического словаря русских писателей и ученых» профессора С. А. Венгерова Раскольников числился студентом Императорского археологического института. Возвращаясь к истории своей жизни десять лет спустя, Раскольников уже герой Гражданской войны, участник редакционных коллегий престижных журналов «Молодая гвардия» и «Красная новь». Некоторые сюжеты автобиографии Раскольникова повторяются в обеих версиях, тогда как в других местах ощущается изменение шкалы ценностей. Особенно бросается в глаза то, что к 1923 году автор изменил свой тон в отношении старого режима. Если в советское время он рисовал себя ярким антимонархистом, то до революции его взгляд на царскую власть был более умеренным.

В раннем варианте автобиографии точкой отсчета служило происхождение и Раскольников описывал себя как попovichа и как интеллигента из разночинцев. Возвращаясь к своей биографии в 1923 году, Раскольников уже избегал сословных категорий. Используя на этот раз иной язык репрезентации, он подчеркивал, что является профессиональным революционером. Любое изменение социального положения требовало создания нарратива, который включал бы старую идентичность, историю ее преодоления и объяснение того, как автор пришел к новой жизни. Раскольников взялся за эту работу: «Материальные условия жизни нашей семьи были

⁴⁴ Clark K. *The Soviet Novel: History as Ritual*. Chicago: Chicago University Press, 1981. P. 42, 47.

⁴⁵ Шкловский В. Б. *Гамбургский счет: Статьи – воспоминания – эссе (1914–1933)* / сост. А. Ю. Галушкин, А. П. Чудаков. М.: Советский писатель, 1990. С. 381.

довольно тяжелыми», – писал он и сетовал на «недостаток средств». «В 1901 г. умер отец, и мать моя осталась с двумя сыновьями. Получавшееся ею жалование в размере 60 руб. в месяц целиком уходило на текущие жизненные расходы, а между тем нужно было давать образование мне и моему младшему брату»; «Залезая в долги, матери удалось, однако, дать мне окончить среднюю школу. Точно так же первое время ей приходилось платить за меня в Политехническом институте. В последующие семестры, ввиду тяжелого материального положения, совет профессоров иногда освобождал меня от платы за учебу. В общем, наша семья в это время нуждалась». Однако читатель автобиографии 1913 года находил совсем другое описание материального положения семьи – Раскольниковы жили в относительном достатке, отчасти благодаря помощи властей: «Мать служит продавщицей казенной винной лавки... Оклад ее содержания – 750 рублей в год; кроме того, она пользуется казенной квартирой в 3 комнаты, имея готовое освещение и отопление».

Каким-то образом надо было коснуться и щекотливой темы религии. Поповичи – вышеупомянутые Ковалев и Раскольников – должны были объяснить, как они перебороли религиозный дурман и стали атеистами. Автобиография Раскольникова 1923 года ничего не говорит об отце-священнослужителе и только отмечает: «я воспитывался у матери». Ранняя автобиография более подробна в отношении социального происхождения героя: «Я – внебрачный сын протодиакона Сергиевского всей артиллерии собора и дочери генерал-майора, продавщицы винной лавки, Антонины Васильевны Ильиной. Узами церковного брака мои родители не были соединены потому, что отец, как вдовый священнослужитель, не имел права венчаться вторично. Оба были люди весьма религиозные и все 19 лет совместной жизни прожили крайне дружно». В этой версии своего прошлого Раскольников не смущала набожная атмосфера его детства. Наоборот, духовная близость родителей дала ему эмоциональную стабильность, уверенность в себе.

В 1913 году Раскольников писал об отце-священнике как о человеке, обладавшем «мягким характером и выдающимся голосом». Ласковость эта тем более удивительна, что обстоятельства его смерти были трагичны. «Отец скончался 12 апреля 1907 года; он покончил жизнь самоубийством, вскрыв себе бритвой сонную артерию. Причиной смерти послужила боязнь обыска и опасение судебного привлечения и широкой публичной огласки компрометирующего свойства вследствие подачи его прислугою жалобы в СПб. окружной суд об ее изнасиловании отцом. По признанию отца и лиц, его окружавших, жалоба была неосновательна. <...> По мнению адвокатов, исход дела был безнадежен для предъявительницы обвинения вследствие полного отсутствия улик и очевидцев-свидетелей. Но отец не дождался судебного разбирательства и на 62-м году порвал счеты с жизнью».

Родители были обязательным топом автобиографии и в советское время. Все или почти все автобиографы, о которых мы будем говорить в этой книге, посвящали пару предложений, иногда даже абзац, благосостоянию, профессии, мировоззрению своих родителей. Однако в 1913 году Раскольников писал не о классовом положении или о политических пристрастиях своего отца, а о добродетели и достоинстве в их старорежимном понимании. Особенно важным для молодого автора было его происхождение. Сначала он настаивал на своей независимости: «Что касается истории рода, то хотя и интересуюсь генеалогией своего родословного древа, но деятельностью предков никогда не кичусь, помня золотые слова Сумарокова (или Хераскова): „Кто родом хвалится – тот хвалится чужим“. Предпочитаю направлять свою личную и общественную деятельность таким образом, чтобы она сама и ее результаты, а не доблестные деяния родоначальников служили предметом счастливого самоудовлетворения и упоительной гордости». Принимая во внимание эти заверения, можно только удивляться тому, насколько подробно Раскольников описывает свою родословную: «Со стороны отца предки ничем не прославились, так как свыше 200 лет священнослужествовали в Петропавловской церкви села Кейкино, Ямбургского уезда, Петербургской губернии. <...> Предшественники отца, как рас-

сказывают, происходят из рода дворян Тимирязевых, впоследствии получили фамилию Острожных и лишь в сравнительно недавнее время были переименованы в Петровых, по имени одного из святых, которым посвящен Кейкинский храм». Еще более подробно он рассказывает о предках матери: «...мой род с материнской стороны, фамилию которого я ношу, более знаменит в истории России. По женской линии наш род ведет свое происхождение от князя Дмитрия Андреевича Галичского. В XV и XVI столетиях мои предки занимали придворные должности и служили стольниками, чашниками, постельничими и т. п.». Раскольников в автобиографической редакции 1913 года вел разговор о свои предках, испытывая терпение читателя, желавшего услышать наконец о жизни его самого. «Мой прапрадед, Дмитрий Сергеевич Ильин, отличился в царствование Екатерины II во время Чесменского сражения 1770 года тем, что геройски потопил несколько турецких судов. В честь его был назван минный крейсер береговой обороны Балтийского флота „Лейтенант Ильин“... Мой прадед, Михаил Васильевич Ильин, был подполковник морской артиллерии, оставивший после себя несколько научных специальных исследований, о которых упоминается в... энциклопедическом словаре и во многих других изданиях...» и т. д. и т. п.

Такая нарратологическая стратегия не означала, что Раскольников был носителем традиционных семейных ценностей. Он отвергал то, что для его родителей было важнее всего, – православие. В автобиографии 1913 года звучал пренебрежительный тон по отношению к религии: «Формально я крещен по обряду православного вероисповедания, но фактически уже около 10 лет являюсь безусловным и решительным атеистом. Разумеется, никогда не говею и никогда не бываю в церкви». Повествование о «личном образовании» подчеркивало внутреннюю дистанцию от клерикальной идеологии. В реальном училище принца Петра Григорьевича Ольденбургского «я был полным пансионером и домой приходил лишь по субботам, чтобы в воскресенье возвратиться в училище». И далее: «В нем я провел восемь лет своей жизни, окончив с наградой курс весной 1908 года». Советская версия была не только более подробна в отношении школьных лет, но и датировала этим периодом обращение в марксизм. В этом тексте православие описывалось через понятия, типичные для мировоззрения безбожника: авторитаризм, промывка мозгов, даже некоторый садизм. «В этом кошмарном училище, где еще не перевелись бурсацкие нравы, где за плохие успехи учеников ставили перед всем классом на колени, а поп Лисицын публично драл за уши, мне пришлось пробыть пансионером в течение восьми лет. <...> В седьмом классе я сделался атеистом».

В варианте 1913 года Раскольников стал революционером под влиянием Первой русской революции: «Громадное, поистине колоссальное влияние оказало на меня революционное время 1905–1906 годов, заставшее меня в пятом классе училища. Я немедленно окунулся в гущу политической жизни и по своему общественному направлению примкнул к течению марксизма». В советской автобиографии события 1905 года тоже рассматривались в контексте обращения героя: «Здесь необходимо вкратце остановиться на формировании моих политических взглядов». Однако теперь акцент делался не на освободительном движении и роли городской интеллигенции в нем, а на личном участии в стачечном движении: «Еще в 1905–1906 гг., в 5 и 6 классах реального училища, я дважды принимал участие в забастовках, причем один раз был даже избран в состав ученической делегации и ходил к директору училища с требованием улучшения быта, за что едва не был исключен из училища. Революция 1905 г. впервые пробудила во мне политический интерес и сочувствие к революционному движению, но так как мне было тогда всего 13 лет, то в разногласиях отдельных партий я совершенно не разбирался, а по настроению называл себя вообще социалистом». Иными словами, до социал-демократических воззрений юноша еще не дорос, но, добавлял он, «политические переживания во время революции 1905 г. и острое сознание социальной несправедливости стихийно влекли меня к социализму».

Обращение завершилось после поступления на экономическое отделение Санкт-Петербургского политехнического института. Молодой студент много читал: «Большое воздействие в сфере укрепления моего мировоззрения оказали литературные произведения Г. В. Плеханова и М. В. Бернацкого» (последний – ученый-экономист, сотрудник легальных марксистских изданий). Более поздняя автобиография повторила те же мотивы, но октавой выше. «На первом курсе мне довелось познакомиться с литературными работами Г. В. Плеханова, которые сделали меня марксистом. Летом 1910 г. я проштудировал „Капитал“. В декабре того же года я вступил в партию. После выхода первого номера легальной большевистской газеты „Звезда“ я отправился в редакцию и, заявив свою полную солидарность с направлением газеты, отдал себя в распоряжение редакционной коллегии». Раскольников привел сведения, доказывающие его большевистские пристрастия в то время: «В эпоху „Звезды“ и „Правды“ я, кроме того, вместе с В. М. Молотовым работал в большевистской фракции Политехнического института и по ее поручению поддерживал связь с Партийным Комитетом».

О структуре большевистской автобиографии мы подробно поговорим в первой части этой книги, а сейчас важно отметить влияние революции на данный жанр. Десять лет разделяют две автобиографии Раскольникова. Структура текста остается та же, но детали, акценты расставляются иначе. По-разному оцениваются происхождение, образование и даже сам монархический строй. Раскольников всегда требовал социальной справедливости, тем не менее в 1913 году он выражал благодарность властям за помощь в предоставлении жилья, в финансировании образования. При этом в обоих текстах Раскольников отказывался от религии, становясь марксистом. Но если в 1913 году речь шла о теоретических предпочтениях и автор выступал в основном как ученый и публицист, то десять лет спустя он уже революционер, собственноручно свергающий монархию. Первая автобиография опиралась на традицию. Автобиограф помнил, что его предки сделали для славы России в далеком, да и не в столь далеком прошлом. Вторая автобиография ничего не говорила о роде Ильиных, зато фиксировала умонастроение самого Раскольникова, подробно останавливалась на формировании его революционного сознания. Если протагонист 1913 года гордился родом, то в 1923 году он смотрел дальше, считая, что любое социальное происхождение – даже поповское – преодолимо и не должно тянуть в прошлое. Не оглядываясь на прошлое, Раскольников советского периода – оптимистичный строитель нового мира.

Нет смысла задаваться вопросом, какая версия биографии Раскольникова ближе к истине. Также будет ошибочным считать, что эти тексты каким-то образом дополняли друг друга. Оба документа создавались в определенном контексте, писались на языках разных культур и должны рассматриваться как продукты своего времени. Автор не приравнивался к обстоятельствам – вполне вероятно, что в разное время он понимал себя по-разному. Коммунистическую автобиографию нужно анализировать как локус дискурса, а не как отражение аутентичной индивидуальности. Автобиография не только выражала «я» – она его создавала. В первой версии Раскольников представлял себя как прогрессивного литератора, который стремится стать ученым. Десять лет спустя он человек действия, а автобиография его пишется назидание молодым. Налицо активизация субъекта, обозначившаяся после 1917 года⁴⁶.

Самопрезентация революционеров изменялась потому, что каждый исторический скачок вызывал желание переосмыслить жизнь, пересказать ее по-новому, более правильно. Эсхатологическое прочтение времени играло тут ключевую роль – чем ближе к концу, тем пристальнее взгляд. То, что черно-белая палитра, к которой пришел сталинизм, не была исконным свойством большевистского «я», станет ясно, если мы сфокусируем внимание на дискурсе о чело-

⁴⁶ Раскольников Ф. Ф. О времени и о себе: Воспоминания, письма, документы / сост. И. П. Коссаковский. Л.: Лениздат, 1989. С. 19–21; Раскольников, Федор Федорович (автобиография) // Деятели СССР и революционного движения России. Энциклопедический словарь Гранат / ред. Ю. Ю. Фигатнер. М.: Советская энциклопедия, 1989. С. 618–620.

веке времен новой экономической политики (НЭП), проводившейся с 1921 года⁴⁷. На экономическом уровне НЭП представлял собой метод организации народного хозяйства. Под угрозой голода и восстаний большевики были вынуждены отступить от жесткой уравниловки времен Гражданской войны и разрешить, в определенных рамках, восстановление частного предпринимательства. Однако новая экономическая политика, как объяснял Ленин, имела и широкие последствия в отношении чистоты партийных рядов. Чуждые классы «окружают пролетариат со всех сторон мелкобуржуазной стихией, пропитывают его, развращают его, вызывают постоянно внутри пролетариата рецидивы мелкобуржуазной бесхарактерности...»⁴⁸. По мнению партийных обозревателей, «победа Красной армии на всех фронтах усилила повсеместный наплыв в партию... чуждых ей по своему социальному положению и по всей своей политической психологии элементов». X съезд впервые вступил на путь создания «рогаток» при вступлении в партию, куда доступ до сих пор был почти совершенно свободный⁴⁹.

Большевики боялись, что с учреждением НЭПа революционный дух пойдет на убыль. Понятие «упадок» указывало на подверженность пролетариата слабостям, которые нельзя описать ни как чисто физические, ни как чисто моральные, но которые следует характеризовать как гибрид тех и других. Дискурс об «упадке» транслировал тревогу за здоровье политического тела революции: считалось, что частичное восстановление капитализма отбросило советское общество в эпоху экономической конкуренции, которая ассоциировалась с животной стадией существования человечества⁵⁰. При этом, как ни тревожны были настроения переходного времени, сомнений в исторической роли революции 1917 года быть не могло. Мировая история уже вошла в свою заключительную фазу; НЭП был «воротами» в коммунизм, шарниром, соединяющим времена рабской зависимости с эпохой свободы. В эсхатологической перспективе этому периоду предстояло стать временем испытаний и окончательного отделения зерен от плевел, а посему были предприняты последние попытки, направленные на то, чтобы переделать сердца людей. Распределив индивидов по шкале чистоты, большевики разделили общество на пролетариев, которые, предположительно, достигли света коммунизма, мелкобуржуазное болото, расположенное где-то на полпути к спасению, и, скорее всего, потерянные для будущего осколки классов-эксплуататоров.

В поэтике большевистской автобиографии любая отправная точка на пути к свету была возможна, однако каждая требовала своей трактовки, своего литературного оформления. Тем, кто находился ближе к рабочему классу, требовалось совершить над собой минимум усилий, они могли написать короткую, небогатую событиями историю своей жизни. Зато автор, когда-то близкий к буржуазии, должен был тысячу раз каяться и отречься от прошлого. Ему полагалось подробнейшим образом рассказать о своем преображении – часто длительном и полном разного рода драм – в большевика. Либо само собой разумеющееся, либо мучительное и труднодоступное обращение являлось существенным элементом автобиографии – этот ключевой момент в тексте играл роль моста между узкоклассовым умонастроением и универсальным сознанием.

Важной ареной революционирования человеческой психики были высшие учебные заведения (вузы) – главный источник материала для анализа, предпринятого в этой книге. Большевизированные во время Гражданской войны, вузы воспринимались в 1920-х годах как место обретения пролетариатом своего сознания. В то же время образ жизни студентов, их распорядок дня, нагрузка на нервную систему толковались как источник повышенной опасно-

⁴⁷ Ball A. *Russia's Last Capitalists: The Nepman, 1921–1929*. Berkeley, CA: University of California Press, 1987. P. 10–11.

⁴⁸ Ленин В. И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме // Ленин В. И. Полное собрание сочинений: В 55 т. Т. 41. М.: Политиздат, 1981. С. 27.

⁴⁹ Попов Н. Н. О социальном составе РКП(б) и о Ленинском призыве // Красная новь. 1924. № 3. С. 310–311; Rigby T. *Communist Party Membership in the U. S. S. R., 1917–1967*. Princeton: Princeton University Press, 1968. P. 103.

⁵⁰ Лившиц А. Я. Настроения и политические эмоции в Советской России, 1917–1932 гг. М.: РОССПЭН, 2010. С. 6.

сти. Самсонов, красный партизан, слушатель Коммунистического университета им. Свердлова в 1920 году, забыл недавние революционные победы в боях и спился: «...только в Красной армии не пил, – каялся он, – был человеком, а теперь скотина, спасите меня, ведь я гублю не себя только, а и дело революции, за которую бился»⁵¹. Артемкин А. с медицинского факультета МГУ в сентябре 1926 года просил поддержки у «родной партии» в стихотворной форме: «Я работал, пока были силы, а теперь не пойму, отчего мои нервы и мышцы занули. Ко всему отпал интерес, ко всему отпала охота. Вот уже вижу, слетает с небес тяжкая предсмертная дремота. <...> За свои слова не отвечаю, родная партия, я больной, чувствую, что бредить начинаю. <...> Я желал бы забыть свои муки, что терзают душу мою, но никто не протянет мне руки, бесславно умру не в бою»⁵². «Меня убивает разбросанность и погоня за куском хлеба, – жаловалась казанская студентка в середине 1920-х. – Здоровье в последнее время сильно „хромает“: к малокровию и неврастении, бывших у меня ранее, прибавляется в последнее время и бронхит, и, по-видимому, не в шутку»⁵³. Весной 1928 года студент Политехнического института Андрей Юров в письме товарищу сообщал о безразличии, отвращении к «общественной жизни» – «многочасовой говорильне». «Сгореть в огне революционной работы, положить голову на поле брани – согласен, но медленно погибать от нищеты – не согласен. Лучше смерть. Руки тянутся к револьверу, будущее не радует, а пугает»⁵⁴.

Волнуя новую власть, университеты стали объектами усиленного надзора и вмешательства. Согласно Павлу Сакулину, студенты были колеблющимися душами. В годы учебы, считал он, все смешивалось в их головах и «они еще не совсем освоили разницу между добром и злом»⁵⁵. Другие социологи также полагали, что студенты не идеальное сырье для партии. В отношении рабочих коммунистическое сознание могло быть делом будущего, так как существовала уверенность, что позже оно разовьется благодаря влиянию физического труда и насаждаемого коллективизма. Что касается студентов, коммунистическое сознание должно было быть уже сформированным и четко выраженным, так как разлагающая университетская жизнь вряд ли могла его сформировать. Возникал парадокс: с одной стороны, студенты находились в «нездоровых» с точки зрения классового анализа учреждениях; с другой – партия требовала от них высшего уровня сознательности. Студенты, писавшие свои автобиографии, должны были быть образцовыми авторами и в совершенстве владеть правилами коммунистической самопрезентации, если хотели стать членами братства избранных, – именно этот факт делает анализ написанных ими автобиографий особенно интересным⁵⁶.

Основная масса материалов для данного исследования взята из протоколов, которые велись партийными ячейками высших учебных заведений в Петрограде (Ленинграде), Томске и реже Смоленске. Петроград – бывшая столица, второй центр образования после Москвы, Томск называли сибирскими Афинами, но в то же время он был окружен сельскохозяйственными районами. Если партия верила в революционную сознательность ленинградских студен-

⁵¹ Скорик А. П., Тикиджьян Р. Г. Красные партизаны в советской действительности 1920–1930-х годов (на материалах Юга России) // Российская история. 2009. № 4. С. 107.

⁵² Булдаков В. П. Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920–1930. М.: РОССПЭН, 2012. С. 123.

⁵³ Амалиева Г. Г. «Сочувствую РКП(б), так как она дала мне возможность учиться в вузе...» Социальная поддержка и контроль студентов Казанского университета в 1920-е годы // Советская социальная политика 1920–1930-х годов: Идеология и повседневность / под ред. П. В. Романова, Е. Р. Ярской-Смирновой. М.: ЦСПГИ; ООО «Вариант», 2007.

⁵⁴ Андреевский Г. В. Москва, 20–30-е годы. М.: Информполиграф, 1998. С. 321–322.

⁵⁵ Сакулин П. Н. Социологический метод в литературоведении. М.: Мир, 1925. С. 117.

⁵⁶ Рябченко О. Л. «Считаю себя имеющим право учиться...», или О чем могут рассказать письма студентов 1920-х гг. // Голос минувшего. 2009. № 1–2. С. 83–97; Андреев Д. А. Советский студент первой половины 1920-х: особенности самопрезентации // Социологический журнал. 2007. № 2. С. 156–166; Рожков А. Ю., Мамонтова О. А. Письма «во власть» как исторический источник изучения социальных проблем студенчества в Советской России 1920-х гг. // Общество: философия, история, культура. 2019. № 1. С. 85–93.

тов, то преобладание крестьянских элементов в Томске постоянно вызывало тревогу. Кроме того, эти регионы отличались и в политическом отношении: Петроград был «колыбелью революции», тогда как Томск – территорией, занятой белыми в годы Гражданской войны. Но даже в отношении Петрограда высказывались опасения: в дореволюционное время студенты не однажды проявляли симпатию к кадетам, меньшевикам и другим мелкобуржуазным партиям⁵⁷.

Большевики считали «студенческую молодежь» подверженной упадничеству и склонной к участию в безответственной оппозиции. Оторванные от станка и здорового рабочего окружения, оказавшиеся в среде интеллигенции, исповедующей затворнический образ жизни, они были склонны впадать в «индивидуализм», «мещанство» и «умничанье». Особенное внимание нужно было обращать на упадочные тенденции тогда, утверждал Николай Бухарин, когда они носят резко выраженный политический характер. Бухарин брал на прицел различные маленькие группировки, кружки, двойки, тройки с анархическими настроениями и платформой. «Кружковщину» в противовес товариществу он осуждал, потому что туда идет «упадочная часть» молодежи и там «процветает пустое резонерство и звонкая фраза „под Троцкого“»⁵⁸. Тот факт, что вузовские партийные ячейки активнее других поддержали Троцкого зимой 1923 года, также способствовал росту негативного отношения к студентам, студенческие общезиятия считались рассадником инакомыслия. Умственный труд воспринимался как опасный конкурент физическому: чрезмерное погружение в книжный мир грозило испортить настрой даже выдавших виды рабочих, превратить их в слабовольных буржуа.

Более того, в университете большевики видели локус извращенной сексуальности. Самый очевидный, по-видимому, симптом упадка – неумеренная половая активность отвлекала, по их утверждению, драгоценную энергию от производительного труда. Она изнуряла молодые организмы студентов, ввергая их обратно в бездну «животного» существования. Тело, таким образом, политизировалось, сексуальное отклонение приравнивалось к идеологическому уклону. Половая распущенность свидетельствовала об утере партийной стойкости и выдержанности – именно в этом на первых порах обвиняли оппозиционеров.

Действие целого ряда повестей и романов середины 1920-х годов, инспирированных большевистской моралистической литературой, разворачивается в университетской среде, охваченной противостоянием низменных интересов и универсалистского сознания. Подробно выписывая образы целомудренных большевиков и противопоставленных им развратных антигероев-оппозиционеров, эта литературная продукция, равно как и социологические и сексологические трактаты, разбирала связь половой жизни студентов с разными политическими болезнями. Превратившиеся в обязательный ритуал разъяснительные диспуты вокруг таких литературных произведений обеспечили яркую драматургию, с помощью которой клеймились уклоны и извращения в вузах.

В то время как литераторы и ученые, ратовавшие за усовершенствование человеческого рода, оценивали моральные качества населения, коммунистические руководители заимствовали из современной им науки модели, подкреплявшие герменевтику души. Социологические и психологические воззрения играли далеко не последнюю роль в становлении партийной характерологии.

Фундаментальная общность интересов, объединявшая различные профессиональные и политические группы, действовавшие в Советском Союзе на протяжении 1920-х годов, открыла дискурсивное пространство, в котором разворачивались баталии об этических качествах коммунистического «я». Пролетарские писатели и публицисты, партийные теоретики, марксисты-естественники, психологи и сексологи – все они сотрудичали в деле наполнения понятия «уклон» содержанием и разработки техник его лечения и исправления.

⁵⁷ Лейкин А. Я. Против ложных друзей молодежи. М.: Молодая гвардия, 1980.

⁵⁸ Кашин Н. О дружбе и товариществе в комсомоле. Л.: Красная газета, 1927. С. 30.

Будучи гораздо серьезнее, чем просто теоретический спор или несогласие с верхами, инакомыслие воспринималось как серьезный недуг, если не сознательный бунт против генеральной линии партии⁵⁹. Студенческая оппозиция важна здесь не как политическая платформа, а как состояние души. В центре внимания оказывается не столько политическая борьба в верхах, сколько работа партийного герменевтического дискурса, то есть система самооценок и диагнозов, которая придавала смысл постепенной демонизации оппозиции. На протяжении всей истории большевизма победившие точки зрения ретроспективно приветствовались как истинно пролетарские, тогда как другие исключались и объявлялись еретическими. В 1920 году Лев Троцкий, в ту пору высокопоставленный член Политбюро, обрушился на Александра Шляпникова и Сергея Медведева как на «так называемую рабочую оппозицию», чтобы три года спустя самому получить такой же ярлык от сторонников большинства в ЦК⁶⁰. Два признанных столпа ортодоксальной «тройки», боровшихся со ставшим теперь архипозиционером Троцким на XIII съезде партии (1924), Лев Каменев и Григорий Зиновьев к моменту созыва XIV съезда (1925) также очутились в стане оппозиционеров. Среди всех этих менявшихся политических платформ вне зависимости от того, насколько точно они устанавливали политическую идентичность, оппозиционность превратилась в выражение болезненной сущности студента-партийца, его так называемого «загнившего нутра».

С официальной точки зрения «оппозиционность» представляла собой тревожное явление. Марксистская истина, согласно учению партии, должна была говорить одним голосом. Поскольку путь к бесклассовому будущему был один и только одна платформа этот путь указывала, в любых так называемых партийных дискуссиях – на пленумах и совещаниях, предшествовавших партийному съезду, – кто-то из участников прений должен был так или иначе оказаться «в оппозиции» к истине. Вожди партии утверждали, что даже постоянные чистки не слишком высокая цена за сохранение истины учения: «Единство – великое дело и великий лозунг! Но рабочему делу нужно *единство марксистов*, а не единство марксистов с противниками и извратителями марксизма»⁶¹. «Может быть только один марксизм и, следовательно, только одна партия»⁶².

Учитывая этот набор идеологических предпосылок, партийному аппарату надо было приложить немалые усилия, чтобы объяснить, как в душе коммуниста может зародиться инакомыслие. Изучив, как оппозиционность диагностировалась официальным герменевтическим дискурсом, мы сможем оценить изоциренный идеологический аппарат, задействованный коммунистами с целью обосновать истоки и смысл отступничества внутри вузовских партийных ячеек. Необходимость объяснить этиологию политических уклонов породила целый набор систем знания, обосновывающих их патологизацию. Были ли они вызваны отсутствием сознательности или же присутствием злой воли? Должна ли партия «прорабатывать» и «лечить» оппозиционеров, или же судить их, переведя на завод для перековки, или вообще исключить из своих рядов?

В начале 1920-х годов меры воздействия на отступников были еще относительно мягкими. IX партийная конференция (1920) оговорила в качестве особого пункта, что репрессии в отношении товарищей, поддерживающих по определенным вопросам позицию меньшинства, недопустимы. На этой ранней стадии оппозиционность еще не превратилась в

⁵⁹ Schapiro L. The Communist Party of the Soviet Union. New York: Random House, 1959; Deutscher I. The Prophet Unarmed: Trotsky, 1921–1929. Oxford: Oxford University Press, 1959; Daniels R. The Conscience of Revolution: Communist Opposition in Soviet Russia. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1960; Service R. The Bolshevik Party in Revolution, 1917–1923: A Study of Organizational Change. London: Palgrave Macmillan, 1979.

⁶⁰ Девятый съезд РКП(б). Март – апрель 1920 г. Протоколы. М.: Госполитиздат, 1960. С. 77, 350; Двенадцатый съезд РКП(б). С. 343.

⁶¹ Ленин В. И. Единство // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 25. М.: Политиздат, 1969. С. 79.

⁶² Зиновьев Г. Е. Сколько «марксизмов» существует на свете? // Большевик. 1928. № 16. С. 28.

неизменную сущность, допускалось, что товарищ мог уклоняться по одним вопросам и придерживаться ортодоксальных взглядов по другим⁶³. Трактую оппозицию как «психологический кризис», Ленин рекомендовал проявлять к оппозиционерам «внимательно-индивидуализирующее отношение, часто даже прямое своего рода лечение» и писал, что «надо постараться успокоить их, объяснить им дело товарищески»⁶⁴. Диагноз студенческой оппозиции как результата слабости характера не предполагал обличения оппозиции как неисправимого зла. Хотя студенты внезапно и подпали под нэповское мелкобуржуазное влияние, их еще можно было вернуть в стан единомышленников при помощи надлежащей дозы убеждения. Вот почему в 1920-х годах линия защиты, возлагавшая вину на пораженное болезнью тело, которое временно лишило сознание его верховной власти, была для многих кающихся оппозиционеров приемлемым выходом из положения. Однако в конце 1920-х дискурсивные акценты изменились. Уже отнюдь не безвредные товарищи, временно сбившиеся с пути, а контрреволюционеры-оппозиционеры были объявлены «зловным псевдообществом», по словам Роберта Такера.

⁶³ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК: В 16 т. Т. 2 / под общ. ред. А. Г. Егорова, К. М. Боголюбова. М.: Политгиздат, 1983. С. 300; *Стецовский Ю. И.* История советских репрессий: В 2 т. Т. 2. М.: Знак-СП, 1997. С. 160.

⁶⁴ *Ленин В. И.* Проект постановления Политбюро ЦК РКП(б) // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 41. С. 394.

Часть 1. От тьмы к свету

Каковы исторические корни коммунистической автобиографии? Ученые, связывающие происхождение этого жанра с распространением современной идеи «я», подчеркивают, что возникшее в Англии слово «автобиография» вошло в обращение только в первое десятилетие XIX века⁶⁵. Между тем более древние жанры, такие как исповедь или мемуары, имеют близкое сходство с тем, что позднее стало известно как автобиография. Коммунистический «театр индивидуального духа», где переживается пророческое исполнение последних спасительных исторических событий, несомненно, является идеей с христианскими корнями. Блаженный Августин был первым, кто описал непрерывную борьбу между «двумя волями» – субъективным эквивалентом сил Христа и Антихриста, завершающуюся духовным Армагеддоном. В момент окончательного триумфа благой воли является милость Божья, ветхий человек Августин умирает и рождается его новое «я» («Исповедь», Книга VIII)⁶⁶.

Утверждая, что история души связана с общим ходом священной истории, Августин установил христианскую парадигму внутренней жизни. Одновременно он впервые попытался описать субъективное время – время, определяемое не столько объективным ходом событий, сколько тем, как человек его ощущает, – и использовал устойчивые исповедальные приемы, которые пытались это время ухватить⁶⁷. В большевистской автобиографии также преобладало субъективное время, определяемое не только объективным ходом событий, но и тем, как человек их переживал. По сути автобиография рисовала не историю человека, а историю развития его сознания.

Борьба между пролетарским коллективизмом и соблазном индивидуализма напоминает постоянный конфликт между милостью Господней и дьявольскими искушениями в душе верующего. Ключевое отличие, однако, заключается в том, что у коммунистов грядущий Божий суд был заменен оценкой здесь и сейчас, а не в потустороннем мире⁶⁸. В то время как христианское «я» было смиренным и боязливым, коммунистическое «я» – самонадеянным и оптимистичным⁶⁹. Христианин опасался себя, ибо не существовало такой души, которую не мог бы использовать дьявол, дабы ввести верующего в гордыню, поэтому его истинное «я» проявлялось в умерщвлении себя и самоумалении. Коммунисты тоже сдирали с себя семь шкур в многократных ритуалах самобичевания, но вместо упования на божественную власть они привязали этические проблемы к научному исследованию, деятельности, подтверждавшей всеобщность человечества.

Если христианин вступал в диалог с Богом, автобиограф Нового времени разговаривал с собой. Руссо, вероятно, стал первым, кто поместил источник целостности, которую Августин находил только во Всевышнем, внутрь собственного «я». Руссо был автономным субъектом,

⁶⁵ *Mascuch M.* Origins of the Individualist Self: Autobiography and Self-Identity in England, 1591–1791. Stanford: Stanford University Press, 1996; *Weintraub K. J.* The Value of the Individual: Self and Circumstance in Autobiography. Chicago: University of Chicago Press, 1978.

⁶⁶ *Brown P.* Augustine of Hippo. A Biography. Berkeley, CA: University of California Press, 1969. P. 169.

⁶⁷ *Vanc E.* Augustine's Confessions and the Grammar of Selfhood // Genre. 1973. № 6. P. 1–28; *Безрогов В. Г.* Историческое осмысление персонального опыта в автобиографии // Формы исторического сознания от поздней Античности до эпохи Возрождения / под ред. И. В. Кривушина. Иваново: Изд. Ивановского государственного ун-та, 2000; *Зарецкий Ю. П.* Автобиографические Я от Августина до Аввакума. М.: ИВИ РАН, 2002.

⁶⁸ *Бердяев Н.* Истоки и смысл русского коммунизма. Париж: YMCA-PRESS, 1955; *Besançon A.* The Rise of the Gulag; *Barkun M.* Disaster and the Millennium. New Haven, CT: Yale University Press, 1974.

⁶⁹ *Bernauer J.* Michel Foucault's Ecstatic Thinking // The Final Foucault / ed. by J. Bernauer, D. Rasmissen. Cambridge, MA: MIT Press, 1988. P. 53, 63; *Todorov V.* Red Square, Black Square: Organon for Revolutionary Imagination. Albany, NY: State University of New York Press, 1995. P. 29–42; *Clark K.* Utopian Anthropology as a Context for Stalinist Literature // Stalinism: Essays in Historical Interpretation / ed. by R. C. Tucker. London: Routledge, 2017. P. 180–198.

ищушим истину в себе. «Я один знаю собственное сердце и знаком с человеческой природой, – писал он в предисловии к своей «Исповеди». – Я не похож на тех, кого встречал, и смею думать, что отличаюсь от всех живущих ныне людей. Если я и не лучше других, то я, по крайней мере, иной. <...> Я показал себя таким, каким был – презренным и низким, когда поступал низко, добрым, великодушным и высоким, когда поступал хорошо...»⁷⁰ Если обращение в истинную веру было ниспослано Августину милостью Всевышнего, то Руссо открыл себя заново с помощью предельного усилия собственной воли. Человек эпохи Просвещения отбросил христианское раздвоенное «я», одна половина которого училась устраиваться в этом мире, а другая готовилась к миру иному. Из соискательницы спасения в мире ином душа превратилась в «я», призванное с головой погрузиться в мир дольний.

Вместо того чтобы спрашивать, кем им предназначено быть и где их истинное место во вселенной, большевики спрашивали себя о том, кого они хотят из себя сделать. Идентичность стала податливой и гибкой – проектом, а не данностью⁷¹. Если, сбрасывая свое ветхое «я» и беря другое, обращенный в истинную веру христианин принимал «я», уже сформированное для него традицией, то современный автобиограф не только приспособлялся к новому образцу, но и сам его проектировал⁷². Итак, не отрицая ее возможные христианские корни, коммунистическую автобиографию следует поместить в контекст формирования субъекта Нового времени, который воспринимает себя как объект своего же собственного созидания⁷³.

Активный субъект в российской культуре связан с появлением интеллигенции. Составными частями интеллигентского этоса были безоговорочная преданность общественному благу и отрицание своекорыстных интересов. Интеллигент не противопоставлял личность социуму, а искал опору для самосознания в осмыслении своей роли в обществе. Он высоко ставил идеал самопожертвования ради общего блага, самосовершенствовался ради улучшения окружающего мира. На становление этого этоса влияли добродетели, необходимые, по мнению православных мыслителей XIX века, для спасения души. Хотя семинарская ученость в России развивалась под влиянием католического богословия и немецкого пиетизма, церковные публицисты все чаще подчеркивали отличие православия от западного христианства. Лидеры социально-пастырского движения 1860-х годов заявляли, что человек наделен свободой воли и в значительной степени способен самостоятельно достичь избавления. Церковники – сторонники более оптимистичной оценки мира и природы человека – готовы были утверждать, что спасение достигается не столько через таинство, сколько через личный вклад каждого человека в улучшение земного бытия, и эти мотивы просматриваются в автобиографиях поповичей, сыгравших столь важную роль в становлении революционной культурной парадигмы⁷⁴.

В русском языке само слово «автобиография», по всей видимости, впервые было использовано в 1817 году в письме Александра Тургенева Петру Вяземскому⁷⁵. Но по-настоящему активно нарратив о себе начал формироваться в среде Белинского, Герцена, Станкевича (написание этого понятия как «авто-биография», «авто-биограф» и т. п. в книгах, напечатанных в 1840–1850-х годах, предполагает относительную новизну этих сложных по составу терминов).

⁷⁰ Руссо Ж.-Ж. Исповедь / пер. с фр. Н. А. Бердяев, О. С. Вайнер. М.: Захаров, 2004. С. 5.

⁷¹ Пинский А. Предисловие // После Сталина: позднесоветская субъективность (1953–1985): сб. статей / под ред. А. Пинского. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018. С. 10–14.

⁷² Taylor C. Sources of the Self: The Making of Modern Identity. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1989. P. 188–189.

⁷³ Калугин Д. Я. Проза жизни: Русские биографии XVIII–XIX вв. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. С. 108–109.

⁷⁴ Манчестер Л. Поповичи в миру. Духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России / пер. с англ. А. Ю. Полунова. М.: Новое литературное обозрение, 2015. С. 11, 76.

⁷⁵ Clyman T. Autobiography // Handbook of Russian Literature / ed. by V. Terras. New Haven, CT: Yale University Press, 1985. P. 28. О долге советской автобиографии перед русской литературной традицией XIX века см.: Машинский С. О мемуарно-автобиографическом жанре // Вопросы литературы. 1960. № 6. С. 129–145.

Лидия Гинзбург показала эволюцию автобиографии как «человеческого документа», который начинался с формы дружеских писем и личных дневников, развивался через жанр мемуаров и отразился в русском психологическом романе Толстого и Достоевского⁷⁶. Однако жанр автобиографии не полностью растворился в художественной прозе. С середины XIX века и вплоть до революции 1917 года в России то и дело появляются отдельные автобиографии и воспоминания, при этом многие авторы начинают рефлексировать над самим жанром (например, предисловие к своей автобиографии хирурга Н. И. Пирогова).

Более того, возникает понимание времени как чего-то, что господствует над человеком, из чего следует необходимость вписать себя в эпоху. Так, Аполлон Григорьев пишет в своих мемуарах «Мои литературные и нравственные скитальчества» (1862) следующее: «Я намерен писать не автобиографию, но историю своих впечатлений; беру себя как объекта, как лицо совершенно постороннее, смотрю на себя как на одного из сынов известной эпохи, и, стало быть, только то, что характеризует эпоху вообще, должно войти в мои воспоминания; мое же личное войдет только в той степени, в какой оно характеризует эпоху»⁷⁷. Примечательно рассуждение Достоевского, которое он вкладывает в уста своего персонажа в «Записках из подполья» (1864): «Замечу кстати: Гейне утверждает, что верные автобиографии почти невозможны, и человек сам о себе наверно налжет. По его мнению, Руссо, например, непременно налгал на себя в своей исповеди, и даже умышленно налгал, из тщеславия. Я уверен, что Гейне прав; я очень хорошо понимаю, как иногда можно единственно из одного тщеславия наклепать на себя целые преступления, и даже очень хорошо постигаю, какого рода может быть это тщеславие»⁷⁸.

Конечно же, говоря о попытках построить нарратив о себе, нельзя не вспомнить Толстого. В 1847 году, в возрасте восемнадцати лет, Толстой начал вести дневник. Вслед за Августином и Руссо он таким путем пытался лучше понять самого себя, проанализировать собственные поступки. Ведя дневники большую часть своей жизни, он не только описывал события, но и разговаривал с самим собой, рассуждал о собственных моральных качествах, вырабатывая правила, по которым намеревался жить. Принимая вызов Достоевского, Толстой считал величайшей ценностью говорить о себе правду без утайки. Писатель преследовал в самом себе любой оттенок фальши, всякий намек на неискренность, потому что без этого условия – откровенности с самим собой – нечего и думать о том, чтобы исправить свой характер. Стремясь к полной текстуализации себя и своих поступков, Толстой фиксировал каждую нравственную ошибку, совершенную за день, дабы не повторить ее в дальнейшем. В то же время описание собственной жизни представлялось фрагментом в описании эпохи – Толстой осознавал себя исторически, и в этом у него было много общего с коммунистическим самописанием⁷⁹.

По всей видимости, традиционные и современные черты коммунистических автобиографических нарративов так же нераздельны, как христианские и научные компоненты морального универсума революции. Руссо показал, что субъект может проявлять интерес к себе вне религии, его герой (как и герои Толстого и Достоевского) – это человек, который изучает себя, скрупулезно себя анализирует. Все эти элементы есть и у большевиков, но, судя по всему, отличие последних в том, что именно наука дает им ответ на вопросы «как быть?» и «что делать?». Руссо или Толстой сомневаются. Новый человек – это тот, кто знает, что делать. Сомнения разрешились. Большевики, достойные этого звания, считались «дисциплинированными», «выдержанными», «хладнокровными». Псевдонимы революционеров – Сталин, Камен-

⁷⁶ Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. Л.: Художественная литература, 1977.

⁷⁷ Григорьев А. А. Воспоминания. М.: Директ-Медиа, 2014. С. 26.

⁷⁸ Достоевский Ф. М. Записки из подполья // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 5 / под ред. В. Г. Базанова, Г. М. Фридендера. Л.: Наука, 1972. С. 122.

⁷⁹ Паперно И. «Кто, что я?» Толстой в своих дневниках, письмах, воспоминаниях, трактатах. М.: Новое литературное обозрение, 2018; Зорин А. Л. Жизнь Льва Толстого: Опыт прочтения. М.: Новое литературное обозрение, 2020.

нев подразумевали именно такой твердый характер, равно как и прозвище главы ВЧК Дзержинского – железный Феликс.

Динамика использования понятия «автобиография» в русском языке указывает на резкий рост интереса к интроспекции в конце XIX века. Та же тенденция прослеживалась среди радикально настроенных интеллигентов начала следующего века, для которых революция начиналась с себя. Интерес к самоописанию только возрастает, встречаясь с новым культурным течением – модернизмом. Теперь поэты и писатели активно вводят черты исповедального и автобиографического жанра в свои тексты, беллетризируя их. Эти тенденции сохранятся и в новой советской литературе, несмотря на манифестируемый радикальный разрыв с Серебряным веком. Так, основными вехами творчества Горького в тот период стали автобиографические произведения «Детство», «В людях», «Мои университеты», «Заметки из дневника. Воспоминания». На первое место выступили нравственные, психологические проблемы, и Горький стал интересоваться скрытыми мыслями, чувствами, движениями человеческой души. «Нет ничего лучше, сложнее, интереснее человека», – заявлял он. Вспомним также беллетризованную «автобиографию» Маяковского «Я сам» 1922 года, которая была дополнена в 1928 году. Автор отмечает наиболее важные события, которые повлияли на его формирование. Примечательно, что начиная с 1916 года Маяковский дает подзаголовки только в виде календарных дат. Если до этого были «Москва», «Гимназия», «Социализм», то теперь «16-й год», «26 февраля, 17-й год» и т. д.⁸⁰

В 1920-х годах Вера Фигнер, одна из руководителей террористической организации «Народная воля», попросила своих бывших товарищей-народников написать автобиографии. Специальное издание словаря «Гранат» превратилось в коллективную автобиографию деятелей революционного движения в России, где мемуаристы пытались ответить на вопрос «Как я стал революционером?». Фигнер давала рекомендации, как можно объяснить «обращение», так как считала, что революционерами становятся в том случае, если в детстве человек пережил какое-то сильное чувство или потрясение, которое привело его к тому, что он перестал мириться с существующим строем и стал участником освободительного революционного движения.

Возникли сложные отношения между ходом истории и стремлением автобиографа показать, что тот же самый путь он прошел в глубине собственной души. Так, одержимость лирического героя Маяковского неустанным пересозданием себя, внутренним очищением от всех и всяческих пороков доходила до того, что его единственной устойчивой идентичностью был жизненный проект:

*Я
себя
под Лениным чищу,
чтобы плыть
в революцию дальше⁸¹.*

Большевики отчаянно стремились узнать, удалось ли им переделать себя, и потому постоянно подвергали себя эпистолярным испытаниям. Большинство авторов довоенных дневников все еще чувствовало, что они и не спасены, и не обречены, а находятся в «подвешенном» состоянии. В октябре 1932 года Степан Подлубный писал в своем дневнике: «Мысль, которая не покидает меня никогда, которая высасывает из меня кровь, как из березы сок, это о моей

⁸⁰ Время создания этих текстов – 1922, 1928 годы. См.: *Маяковский В. В. Сочинения: В 2 т. / под ред. А. Метченко. М.: Правда, 1987–1988.*

⁸¹ *Маяковский В. В. Владимир Ильич Ленин // Там же. Т. 2. С. 233.*

психологии. Неужели я буду отличаться от других? От этого вопроса у меня волосы становятся дыбом, и тело прерывается мелкой дрожью. Я сейчас средний человек, не принадлежащий ни к одному, ни к другому, и который легко может скатиться в ту или иную сторону. Но уже больше есть шансов на положительное, с примесью отрицательного. Как эта примесь мучает чертовски»⁸². Настоящий большевик должен был подчиниться линии партии не только внешне, но и внутренне, избавиться от сомнений и колебаний. Только когда диалектика внутреннего и внешнего «я» находила свое окончательное разрешение, возникала сущность настоящего партийца.

⁸² *Hellbeck J.* Fashioning the Stalinist Soul: The Diary of Stepan Podlubnyi (1931–1938) // *Jahrbucher für Geschichte Osteuropas*. 1996. Bd. 3. S. 344–373.

Глава 1 «Я» большевика

Всем студентам, желавшим вступить в партию, предстояло доказать, что они являются состоявшимися, вполне сознательными коммунистами. Одним из способов это сделать было написание автобиографии, которая должна была продемонстрировать революционное мировоззрение кандидата и послужить пропуском в ряды избранных. Краткие автобиографии (1–5 страниц) создавались по правилам «коммунистической поэтики»: они позволяли студентам переписать свое «я» в коммунистическом духе⁸³.

Ни одна коммунистическая автобиография не дает исчерпывающий портрет ее автора. В равной степени некорректно говорить и о полном разрыве между идентичностью и дискурсом, под который он постоянно подделывается. Силы, формирующие «нового человека», не действовали сверху вниз (оптика тоталитарной теории) или снизу вверх (ревизионистский акцент на лояльности или сопротивлении социума по отношению к режиму), но конституировали поле игры, разграниченное совокупностью убеждений и практик. Каждая автобиография сообщает нам нечто о том, как авторы усваивали, использовали и оспаривали официально предписанный шаблон идентичности. Поскольку меня интересует в первую очередь дискурс, который создавал коммунистическое «я», последующий анализ показателен в отношении субъекта, сконструированного этим дискурсом. Подобно тому как поступок – это момент биографии, так и автобиографический персонаж – это не реальная личность, а субъект, возникающий в процессе написания автобиографии. Вместе с тем следует отметить определенный зазор между тем, как автор выглядит, и тем, как он хотел бы выглядеть; в противном случае биография будет лишь отражена, а не проанализирована. Необходимо симптоматическое чтение, «чтение против шерсти»⁸⁴. Это чтение интерпретирует недомолвки, искажения, намеки. Попытка выявить задействованную автором повествовательную стратегию, поймав его на слове, может оказаться продуктивной, поскольку коммунистическая автобиография неизменно обнаруживает определенные «пробуксовки» в представлении идентичности.

В шаблонах для потенциальных автобиографий недостатка не было. На политических митингах, лекциях, в стенгазетах и на «вечерах воспоминаний» советских студентов знакомили с жанрово нормализованными жизнями революционеров, воспитывали через обращение к рассказам «с моралью», учившим студентов коммунистической добродетели. Партия постоянно цитировала слова старых большевиков и героев, павших на полях Гражданской войны, приводя их в качестве примера людей, которые жили безупречной жизнью, достойной подражания⁸⁵. Коммунистический публицист А. Фильштинский писал в 1923 году: «Не всегда давались подробные указания, как писать автобиографии, поэтому многие писали их произвольно». В то же время, например, кандидаты в партию, учившиеся в Свердловском университете, вызывались на собрание, где их инструктировали по поводу правил написания автобиографии. Рекомендуемая схема предлагала кандидату начинать с описания его семьи и профессиональной деятельности: «1) Общие сведения. Фамилия, возраст, место жительства, национальность. 2) Социальное и материальное положение моих родителей. 3) Склад мыслей и взгляды на жизнь старших членов семьи. 4) Наблюдались ли среди членов семьи болезни: туберкулез, алкоголизм, венерические болезни, психическая неуравновешенность и т. д.? 5)

⁸³ Harris J. G. *Autobiography: Theory and Praxis // Autobiographical Statements in Twentieth-Century Russian Literature* / ed. by J. G. Harris. Princeton: Princeton University Press, 1990. P. 16–17.

⁸⁴ Kittsteiner H. D. *Walter Benjamin's Historicism // New German Critique*. 1986. № 39. P. 179.

⁸⁵ Памятник борцам пролетарской революции, погибшим в 1917–1921 годах: В 3 т. / под ред. Л. Лежавы, Г. Русакова. М.: Госиздат, 1922–1925; Герои и мученики пролетарской революции. Вып. 1. М.: Московский рабочий, 1924.

Где, в какой обстановке и как протекало мое детство (счастливо, безрадостно)? 6) Как шло мое учение. 7) Моя профессия (основная и побочная). 8) Удовлетворяла ли меня моя профессия и почему? 9) Если нет, то какую бы другую профессию я бы хотел избрать».

Но главным в автобиографии был анализ духовного развития автора. Факты и события имели значение не сами по себе, а как индикаторы состояния сознания. Схема продолжалась следующим образом: «10) Как сложилось мое мирозерцание (толчками, душевная ломка, постепенно). 11) Когда и как я стал революционером и коммунистом (влияние среды, близких товарищей, книг или важных событий). 12) Как и когда я отрешился от религиозных предубеждений. 13) Были ли у меня столкновения со старшими в семье на почве различия в убеждениях? 14) Мое участие в гражданской войне. 15) Особо важные моменты и случаи в моей жизни. 16) Какую общественную и партийную работу я выполнял за время революции и приходилось ли ее менять?»⁸⁶

Эта схема выделяла темы, главные для автобиографий: социальное происхождение, деятельность во время революции и Гражданской войны, развитие мировоззрения. Особенно важным было описание обращения к коммунизму и выявление его глубинных причин. Написание автобиографии, получение партбилета только закрепляли то, что человек уже знал о себе. Клименков Гурий Тимофеевич из Смоленского политехнического института «вступил в партию по внутреннему голосу»⁸⁷. Покладов Марк Федорович из того же вуза какое-то время «был коммунистом в душе, но без партбилета»⁸⁸.

Биографические подробности, прямо не относившиеся к этой схеме, опускались. Только события, способствовавшие раскрытию коммунистических идеалов, заслуживали включения в жизнеописание главного героя, поэтому следует различать биографический текст и хронологию жизни кандидата. «Любой текст можно рассматривать как нагромождение утверждений, – подчеркивает Л. Минк. – Истинное значение текста в таком случае является простой производной от индивидуальных утверждений, взятых отдельно... Неадекватность этой модели, однако, состоит в том, что она не является моделью повествования, взятого в целом». Это скорее модель хроники, построенная по принципу «а потом... а потом... а потом». Автобиография же должна была быть правдива «не только на уровне каждого своего утверждения, взятого отдельно, но и на уровне нарратива, взятого в целом»⁸⁹.

Коммунистические автобиографии, конечно, не дают точную и подробную историю жизни автора. Вместо этого они представляют комплексное повествование, значимость которого может быть раскрыта только при его анализе как литературного целого. Для начала рассмотрим подробно один характерный случай. Материалы, поданные в ячейку Ленинградского государственного университета (ЛГУ) неким Бубновым Н. Н., сохранились почти полностью. Его автобиографию предваряло короткое «заявление», излагающее мотивы, по которым автор хотел стать коммунистом. В то время как в автобиографии рассказчик описывал свое личное развитие, в заявлении он уделял больше внимания нынешнему состоянию своего сознания. Это был скорее портрет души, нежели ее история.

Перед нами заявление Бубнова в ячейку, первая страничка заведенной на него папки:

Происходя из недр трудовой крестьянской массы, я, с самого раннего возраста, был пропитан, отчасти сам того не сознавая, ненавистью к поработителям класса трудящихся. Восприятие сущности Марксизма еще

⁸⁶ *Фильштинский А.* Приемные испытания в Свердловском университете // Записки Коммунистического университета имени Свердлова: В 2 т. М.: Изд. Коммунистического ун-та им. Я. М. Свердлова, 1923. Т. 1. С. 300.

⁸⁷ *ВКР. 326. 13.*

⁸⁸ *ВКР. 326. 12.*

⁸⁹ *Mink L.* Narrative Form as a Cognitive Instrument // *The Writing of History: Literary Form and Historical Understanding* / ed. by R. Canary, H. Kozicki. Madison, WI: University of Wisconsin Press, 1978. P. 143–144.

более укрепило во мне это чувство, открыв вместе с тем и выход для него, выражающийся в полном согласии с целями, открывавшимися после Великой Октябрьской Революции, руководимой Российской Коммунистической Партией большевиков⁹⁰.

Диахрония присутствует в этом заявлении в полной мере, но ее функция вторична и направлена на описание нынешнего состояния дел. Бубнов хотел стать коммунистом здесь и сейчас потому, что партия разделяла его жизненные цели, – вот основной пафос текста. Заявление – это схематичный текст, подтверждающий автобиографию, но не заменяющий ее.

Старательно отделяя себя на момент сочинения от себя в прошлом, рассказчик стирал зазор между двумя своими «я» только в развязке. Представления о том, что «четкое обозначение автора, рассказчика и протагониста обязательны для жанра» автобиографии⁹¹, вполне распространяются и на текст Бубнова.

Бубнов излагал свою жизненную историю довольно пространно⁹². Это исповедь, которая пытается показать, как и когда Бубнов пришел к «коммунистическому сознанию». Ключевая проблема этого жизнеописания – духовное преображение Бубнова во время Первой мировой войны и революции. В начале читателю сообщалось, что автор родился в 1896 году, по профессии был журналистом, читал на французском, немецком и грузинском языках. Однако это ничего не говорит о социальном происхождении Бубнова. Анкета указывает, что его родители были «крестьянами», однако классическая тема социального происхождения не обсуждается автором подробно. Рассказ начинается с сообщения об образовании главного героя – «когда я учился в Вологодском Реальном училище, я ежегодно освобождался от платы за обучение», из чего становится ясно его стремление продемонстрировать свое скромное социальное происхождение. Бубнов пытался отделить себя от богатых крестьянских детей, которые составляли большинство учеников школы.

Первая мировая война началась вскоре после того, как Бубнов окончил учебу. Избрав военную карьеру, он поступил во Владимирское военное училище и получил звание прапорщика. Очень показательны то, как он объясняет свой выбор: «Я не знал, что мне остается предпринимать [по окончании училища], а в это самое время была объявлена Империалистическая война. И вот скорей ли желание сделаться самостоятельным в своем существовании, ложный ли патриотизм, старательно внимаемый школой того времени... заставили меня согласиться с предложением Вологодского военного начальства поступить в военное училище». Бубнов проецировал в прошлое большевистскую интерпретацию войны. Ему хотелось убедить читателя, что он всегда осознавал действительность через призму большевизма, несмотря на то что служба в царской армии была несовместима с ленинской тактикой пораженчества. Не случайно использовалась пассивная форма, это была попытка автора объяснить выбор своей карьеры внешними причинами. Солдатчина была случайностью, непреднамеренным шагом. Бубнов просто «не знал, что остается предпринимать». Не менее интересны дополнительные причины вступления в царскую армию, которые автор выдвигает в своей биографии, а именно «избыток энергии и сил молодости».

Бубнов был бы, наверное, не против описать свою армейскую службу так, как это сделал примерный ленинградский большевик Николаев Николай Николаевич: «...на службе в армии я ознакомился с революционными идеями. В результате знакомства для меня стал ненавистным монархический строй. <...> Вполне понятно, почему у меня пробивались революцион-

⁹⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 1. Д. 188. Л. 29. Здесь и далее в отдельных случаях цитаты из архивных материалов подверглись незначительной стилистической, орфографической и/или пунктуационной правке, так чтобы содержание их не искажалось, а смысл был более ясным и однозначным.

⁹¹ *Lejeune P. Le pacte autobiographique. Paris: Seuil, 1975. P. 6.*

⁹² ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 1. Д. 188. Л. 18–23.

ные фразы в кадетском корпусе»⁹³. Или позаимствовать пару абзацев у студента из Томска Черных Л. Г., который писал: «...будучи офицером с Германской войны, я с первых моих дней службы был разочарован во всем командном составе армии, видя со стороны последних жестокое, нечеловеческое отношение к солдатам... Я, по своей идеологии, был близок к солдату и был его всегдашним заступником перед ними – это подтверждается моим выбором в Февральскую революцию в число полкового комитета»⁹⁴. Таким, как Бубнов, хотелось пропеть со студентами-большевиками:

*Правда, прежде, при царизме,
Дезертиром, помню, был,
Но зато при коммунизме,
Прежний соль-хлеб отплатил*⁹⁵.

Но на самом деле Бубнов знал, что худшее еще впереди – он стал офицером в старой армии в ходе «Империалистической войны» и, следовательно, в глазах большевиков был угнетателем интернационального пролетариата. Оправдывая себя, Бубнов спешил добавить, что он присоединился к офицерскому корпусу не как курсант военного училища, а «ввиду гибели командного состава» во время войны. Это смягчало вину Бубнова, потому что его продвижение в чинах было результатом обстоятельств, а не сознательным личным выбором.

Лейтмотивом всего нарратива является развитие автобиографического «я». Сначала большевизм Бубнова давал слабину, если не сказать – отсутствовал вовсе. Сознание автора «хромало» на обе ноги, над ним преобладали телесные импульсы, которые автор называет «энергия и сила молодости». Настроения монархического патриотизма, который «был внушен», а значит, навязан извне, захватили его сознание. Однако направление его развития постепенно улучшалось. Автор намекал, что его юношеское желание порвать с родителями должно пониматься именно как начало поиска истинного мировоззрения.

Наложение прежнего и настоящего «я» ориентировало читателя в противоречивом описании «ложного патриотизма» Бубнова, проявленного во время Первой мировой войны. Этот литературный прием помогал предвидеть итог его душевного развития еще в начале рассказа. Бубнов фиксировал прежний характер своего сознания и одновременно отрекался от него. «Ложное сознание» нуждалось во внешней перспективе, на основании которой оно могло оцениваться как таковое. Марксистский анализ, основанный на различии между сущностью и явлением, служил Бубнову этой перспективой и управлял его повествованием. Противоречие между двумя Бубновыми становилось возможным благодаря раздвоению его личности. С одной стороны, мимолетный и субъективный патриотизм, с другой – объективное отрицание империалистической войны. Первое – временное – состояние сознания отступало в прошлое. Второе – и истинное – было так же неизменно, как теория Маркса.

Постигнув истину о Первой мировой войне постфактум, Бубнов исправлял прошлые ошибки, совершенные его «несознательным» прежним «я». Постигая истину, хотя и поздно, он стремился доказать, что переосмыслил свое прошлое. Ни о каком «я» нельзя было судить до завершения автобиографического описания. Рассказчик явно рассчитывал на убедительность своих более поздних поступков, искупающих ошибки юности. Постепенно читатель узнавал, что офицер Бубнов был ранен, демобилизован, лежал в военном госпитале с ранением в голову. Временное выпадение из активной жизни позволило ему пропустить обязательные автобиографические сюжеты, относящиеся к темам «Я и Февральская революция», «Я и Октябрь».

⁹³ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 4488. Л. 9.

⁹⁴ ГАНО. Ф. 1053. Оп. 1. Д. 867. Л. 23–24.

⁹⁵ Из цикла рабочих песен // Знамя рабфаковца. 1922. № 3–5. С. 70.

Во время этих важнейших событий Бубнов был без сознания в буквальном смысле. Ранение оправдывало неучастие в революции.

Повествование Бубнова возобновлялось с 1918 года. Он предстал перед читателем как секретарь «комбеда» и как делегат Первого съезда комитетов крестьянской бедноты в Петрограде. Послужив поворотным пунктом в его автобиографии, ранение в голову сотворило чудо. После выздоровления Бубнов совершал только «правильные» большевистские поступки: организовал трудовую артель для изготовления сельскохозяйственных орудий труда, был командирован в аппарат ВСНХ, вступил добровольцем в Красную армию. На момент написания автобиографии Бубнов «состоял членом секции рабочего просвещения при университете, по поручению института произвел этнографическо-экономическое обследование Черевковского района и организовал там краеведческий кружок». Он также являлся сотрудником коммунистических газет и журналов «Деревенская беднота», «Красная звезда» и других. Текущая деятельность упоминается главным образом для того, чтобы убедить критически настроенных товарищей в том, что автор действительно пережил обращение и что это обращение произошло именно тогда, когда Бубнов о нем пишет.

Однако достичь этого не удалось. Кандидатуру Бубнова отклонили как «непригодную для партии» уже на уровне партбюро – по всей видимости, дело вообще не дошло до широкого обсуждения на собрании ячейки.

Но эта неудача не умаляет риторических способностей автора. Рассказ Бубнова о своей жизни подкрепляет наше утверждение о том, что коммунистическая автобиография есть нечто большее, чем случайное нагромождение фактов, сведения о прошлом кандидата. Как пишет Хейден Уайт, нарративное изложение всегда является «метафоричным изложением»: «Исключить этот метафоричный элемент из рассмотрения нарратива – значит упустить... риторические приемы, при помощи которых хроника превращается в нарратив. <...> Без тропов и фигур речи, без нарративизации реальных событий трансформация хроники в рассказ не могла бы осуществиться»⁹⁶.

Поэтому отказаться от анализа принципов организации автобиографии – значит полностью упустить коммунистическое представление о «я». Поэтика автобиографии не есть нечто вспомогательное, это не просто эстетический ответ на идеологический диктат, который можно было бы определить и в других терминах. Автобиография Бубнова любопытна именно своими тропами и фигурами, без которых автор не смог бы превратить реальные события своей жизни в автобиографический нарратив и трансформировать хронику в рассказ.

Текст превращался в коммунистическую автобиографию при тщательном отделении морально значимого (то, что выдвигается на первый план) от морально нейтрального (то, что мелко и поэтому должно быть отставлено в сторону). Исследование морали обычно принимало именно нарративную форму. «Ориентация в моральном пространстве, – утверждает Чарльз Тейлор, – оказывается сходной с ориентацией в пространстве физическом. Мы определяем, где мы находимся, соотнося узнаваемые ориентиры на местности с нашим движением к ним»⁹⁷. Повествование в коммунистических автобиографиях не ограничивалось пестрым собранием поступков, оно шло дальше, образуя конструкцию, объединенную моральной оценкой. Все, что ускоряло пробуждение субъекта коммунистической автобиографии, было истинным, все, что препятствовало ему, – ложным. Не вдаваясь в описания всех вершин и падений, имевших место в прошлом, Бубнов уделял внимание лишь тем событиям, которые повышали его способность проводить различие между пролетариатом и буржуазией (ключевые слова, которые Бубнов здесь использует, – «сознательный» и «несознательный»).

⁹⁶ White H. The Content of the Form. Narrative Discourse and Historical Representation. Baltimore, MD: The Johns Hopkins University Press, 1987. P. 48.

⁹⁷ Taylor C. Sources of the Self. P. 91–92.

Достигнув коммунистического просветления, автобиограф выпадал из времени. В этом отношении нам может помочь сравнение биографии Бубнова с «Исповедью» Августина. Первые девять глав этого канонического автобиографического текста состоят из повествования, описывающего грехи главного героя, совершенные до того, как он узрел Бога. Но как только Августина озаряет духовный свет, диахроническое измерение его воспоминаний исчезает, последующие главы носят метафизический характер, в них отсутствует какое бы то ни было временное измерение⁹⁸. Сходным образом и Бубнов уделяет совсем немного места конкретным жизненным событиям, которые имели место после его обращения, – его жизнь как коммуниста вышла за границы нарративного развертывания.

Духовный путь Бубнова завершился. Раньше он пребывал в разладе с собой, был нетерпелив и порывист, вечно стремился к чему-то недостижимому. Теперь же новообращенный стал «светлым» и «спокойным». «Уравновешенность» автобиографического «я» свидетельствовала о его самообладании. Она проистекала из невозмутимости, с какой он смотрел как в прошлое, так и в будущее, – в прошлое, из которого можно провести траекторию освобождения, сколь бы скачкообразным ни был этот маршрут, и в будущее, содержащее в себе окончательную победу революции.

Бубнов начинал автобиографию, давая понять, что его классовое положение уже не имело значения. Он обращался к партии с призывом признать, что, поскольку его духовное развитие по существу завершено, отправная точка на его пути к свету не столь уж и важна – автор ее как бы преодолел. К этому его вдохновляли июньское постановление Центрального комитета 1923 года: «Совершенно недопустимо, чтобы после принятия... товарищей в партию, на них продолжали смотреть с недоверием из-за их происхождения»⁹⁹ и разъяснение 1925 года: «... социальное положение коммуниста определяется на основе его личного дела, до его вступления в партию... Переход члена партии с одной работы на другую не меняет его социального положения»¹⁰⁰.

Покаяние коммуниста также происходило в духе исповеди. В текстах, призванных конструировать новое «я» кандидата, поражает обилие оправданий и всевозможных самокритичных высказываний¹⁰¹. «В этом письме, – так начинал свой рассказ Кириенко из Ленинградского института инженеров путей сообщения, – мне придется изложить многое, чего не было в автобиографии и что необходимо мне передать вам и всем, кто это пожелает, для облегчения и очищения моей души. А пока, посему, прошу меня извинить, что вам придется читать слишком много и долго»¹⁰².

В партию принимались лишь те, чья автобиография ничего не скрывала, кто «говорил от сердца». Обычно от исповедующегося ожидали полного признания в неправильных поступках, «без утайки рассказать о суде над собой под пристальным оком внутренней совести»¹⁰³. Такие выражения, как «примите мои чистосердечные заверения» или «я искренне признаю свои политические ошибки», которые использовали студенты, являются типичными примерами исповедальных мотивов в автобиографиях.

Коммунистическая поэтика непосредственно заимствовала христианские модели автонарративизации. Литературный критик Г. Гусдорф одним из первых обратил внимание на родство современной автобиографии и традиционной исповеди. Оба жанра фиксируют внимание на движении души к нравственному совершенствованию: «Под видом представления себя

⁹⁸ Spengemann W. The Forms of Autobiography: Episodes in the History of a Literary Genre. New Haven, CT: Yale University Press, 1980. P. 25, 31–32; Vance E. Augustine's Confessions and the Grammar of Selfhood // Genre. 1973. № 6. P. 24.

⁹⁹ Двенадцатый съезд РКП(б). С. 704.

¹⁰⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. 3. Оп. 1. Д. 841. Л. 1–12.

¹⁰¹ Harris J. G. Autobiography: Theory and Praxis. P. 32.

¹⁰² ЦГАИПД СПб. Ф. 1085. Оп. 1. Д. 26. Л. 240.

¹⁰³ Confession // Chambers Twentieth Century Dictionary / ed. by C. Zchwarz et al. Edinburgh: Chambers, 1983.

таким, какой я был, я осуществляю право взять в свои руки собственную жизнь... <...> Человек, который в воспоминаниях намеревается открыть себя, не предается пассивному созерцанию своей личной жизни. Правда – это не скрытое сокровище, которое каждый может обнаружить простым воспроизведением ее такой, какая она есть. <...> Исповедь принимает характер открытого переосмысления ценностей и осознания себя самим собой»¹⁰⁴. Этот императив мог показаться парадоксом, если принять во внимание, что целью коммунистической исповеди было не столько воссоздание прошлого автора, сколько истолкование его настоящего. Но коль скоро нарратив направлялся сознанием исповедующегося автора, то казалось неопровержимым, что он управлял и своей жизнью.

Авторы, достигшие классового сознания, часто чувствовали себя странным образом отчужденными от своего несовершенного прошлого. Засев за свою автобиографию, Троцкий столкнулся со следующей трудностью: он никак не мог представить себе, какое отношение имеет его мелкобуржуазное еврейское детство к коммунистической зрелости. Едва узнавая себя в подростковом возрасте, он никак не мог заставить себя писать от первого лица. «При первом наброске этих воспоминаний, – признавался Троцкий, – мне не раз казалось, будто я описываю не свое детство, а старое путешествие по далекой стране. Я пытался даже вести рассказ о себе в третьем лице»¹⁰⁵.

Подобного рода трудности встречались всем, кто приступал к написанию исповеди. Автор был обязан узнать себя в (несознательном) другом, которым он когда-то был, откровенно сознаться в проступках этого другого и в то же время поддерживать чувство радикального разрыва с этим решительно вытесненным прежним «я». Коммунистическая автобиография являлась свидетельством обретения ценностей и преодоления заблуждения. Покаяние влекло за собой усвоение прошлых ошибок – как осознание их рассказчиком, так и принятие на себя ответственности за них.

Каждый коммунист знал, кем он прежде был, признавал прошлые искушения и, если необходимо, публично свидетельствовал против себя. Прозрачность приравнивалась к добродетели, непрозрачность – к злу. «Сплетня любит темноту и безыменность», – заметил Ленин¹⁰⁶. Вот как описывалась контрреволюция: «В углу ожидающего зала трое мужчин сидят вокруг сложенных в кучу корзин и узлов. Они наклонили головы друг к другу. Разговаривают вполголоса, не спеша. Выражение их лиц сходно. Это лица грубо насмешливые, с оттенком странной, постной наглости. Их разговор невозможно услышать. Если вы приближаетесь к ним, они сразу подозрительно замолкают и холодно смотрят на вас в упор»¹⁰⁷.

Тот факт, что сокрытие прегрешения считалось страшнее самого прегрешения, доказывает, что не внешнее поведение, а чистота внутреннего «я» стояла в центре ритуалов вступления в партию. Восхваляя одни поступки и осуждая другие, коммунистические автобиографы восстанавливали космологическое различие между светом и расколдованной тьмой (злом). Вербализация являлась ключом, несущим на себе печать истины. Разница между праведными и злыми помыслами, считает Фуко, в том, что «злые мысли невозможно выразить без труда, поскольку зло таится и не формулируется»¹⁰⁸.

В основе автобиографического повествования лежало коммунистическое обращение. Хотя этот момент мог быть выражен по-разному, он одновременно и венчал рассказ об исправ-

¹⁰⁴ *Gusdorf G. Conditions and Limits of Autobiography // Autobiography: Essays Theoretical and Critical / ed. by J. Olney. Princeton: Princeton University Press, 1980. P. 44.*

¹⁰⁵ *Троцкий Л. Д. Моя жизнь. Опыт автобиографии: В 2 т. М.: Книга, 1990. Т. 1. С. 18.*

¹⁰⁶ *Ленин В. И. 1921 г. Ю. Х. Лутовинову. 30 мая // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 52. М.: Политиздат, 1970. С. 224.*

¹⁰⁷ *Беломорско-Балтийский канал им. Сталина: История строительства / под ред. М. Горького, Л. Авербаха, С. Фирина. М.: История фабрик и заводов, 1934. С. 42.*

¹⁰⁸ *Foucault M. Technologies of the Self. Amherst, MA: University of Massachusetts Press, 1988. P. 29–49.*

лении «я», и преподавал моральный урок. В обращении, согласно классическому определению Уильяма Джеймса, «я», будучи до этого расколотым, становилось «единым и сознательно справедливым, высшим и счастливым вследствие того, что оно твердо придерживалось догматов»¹⁰⁹. Автор сбрасывал свое прежнее буржуазное «я» и становился приверженцем новой истины. К опыту обращения кандидатов в партию отсылали как отдельные слова (такие, как «переход», «перековка»), так и словосочетания, например, «душевный перелом», «мировоззренческий поворот» или «перемена политических убеждений».

В каком-то смысле дата приобщения к большевизму была самым важным событием жизни. Так, например, на могилах большевиков начала 1920-х годов в Александро-Невской лавре в Петрограде наряду с датой смерти указана не дата рождения захороненного, а дата его вступления в партию. Стремление отделить себя в смерти от остальных людей ярко свидетельствует о рождении заново, с которым связывалось вступление в партию¹¹⁰.

Обращение в коммуниста сопровождалось осознанием того, что новая, зрелая конфигурация «я» неявно присутствовала во всех его предыдущих «реинкарнациях»¹¹¹. Но элемент слома был не менее важен, чем исповедальные мотивы, придающие «я» чувство непрерывности. Поскольку сокровенное свое невозможно было предъявить без того, чтобы одновременно его не отвергнуть, откровение означало отказ от «я» и сопровождалось сложным чувством радикального насилия над собой¹¹². Жан Старобинский настаивает: «Вряд ли у кого-то появился бы достаточный для написания автобиографии повод, если бы какие-то радикальные перемены не произошли в его жизни – обращение, вступление в новую жизнь... <...> Если такая перемена не повлияла на жизнь рассказчика, он мог описать себя раз и навсегда, и все последующие изменения трактовались бы как внешние исторические события... <...> Внутреннее изменение личности и особенности этой трансформации обособляет нарративный дискурс, в котором „я“ является и субъектом, и объектом»¹¹³. Момент обращения придавал автобиографическому сюжету завершенность: биография могла быть рассказана как история с началом (включавшим обсуждение классового происхождения, определившего развитие) и с концом (осознание исторической справедливости партии, которая говорит от имени рабочего класса).

Поскольку коммунистические ритуалы обращения драматизировали разрыв между миром, в котором студент жил, и миром, в который он вступал, их можно причислить к классическим обрядам инициации. Сочиняя автобиографию, студент отбрасывал свое индивидуалистическое «я», умирал как рядовой гражданин и рождался заново в качестве члена «братства избранных»¹¹⁴.

Иногда автор описывал процесс своего обращения и осознания важности партии для обретения смысла жизни. Чаще, однако, этот момент не проговаривался – об обращении сигнализировало изменение поэтики рассказа. Чтобы достигнуть внутреннего озарения, надо было говорить о прорыве, который является открытием коммунизма. Прорыв мог быть резким, как в случае Бубнова, который, должно быть, пережил встречу с откровением, превратившим его из царского офицера в большевика. Этот тип обращения известен по типологии Уильяма Джеймса как кризисное обращение (*crisis conversion*). В то же время прорыв мог быть мягким, естественным завершением нарастающего процесса, как в случае тех, кто представлял себя как протобольшевиков чуть ли не с рождения. Для таких автобиографов путь к большевизму

¹⁰⁹ James W. Varieties of Religious Experience: A Study in Human Nature. London: Routledge, 2002. P. 150; Nock A. Conversion: The Old and the New in Religion from Alexander the Great to Augustine from Hippo. London: Oxford University Press, 1993. P. 7.

¹¹⁰ Соколова А. «Нельзя, нельзя новых людей хоронить по-старому!» // Отечественные записки. 2013. № 5. С. 191–208.

¹¹¹ Girard R. Deceit, Desire, and the Novel. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 1965. P. 294.

¹¹² Foucault M. Technologies of the Self. P. 46–49.

¹¹³ Starobinski J. The Style of Autobiography // Autobiography: Essays Theoretical and Critical / ed. by J. Olney. P. 78–79.

¹¹⁴ Van Gennep A. The Rites of Passage. London: Routledge and Kegan Paul, 1960.

был плавным, а обращение являлось не более чем формальной регистрацией приверженности коммунистической идее, всегда им свойственной. Такой процесс Джеймс называет «медленно протекающим обращением» (*lysis conversion*), обращением, которое «развивается» или «завершает» длительный процесс¹¹⁵. Если пережившие кризисное обращение забрасывали грязью ложный и теперь уже отброшенный образ своего «я», то адепты медленного обращения сводили к минимуму самобичевание, создавая, напротив, последовательно положительный портрет себя.

Конечно, если смотреть на все это диалектически, дихотомия Джеймса оказывается не столь уж радикальной. Время от времени в жизни молодой республики происходили резкие, но закономерные перемены, так что коммунистические авторы умели сочетать описания скачков с медленным развитием. Взаимодействие последовательности и разрыва, в котором нуждалась автобиография, они обнаруживали у Маркса. Обращенное «я» являлось «трансцендентной версией» прежнего, несознательного «я». Оба «я» были одновременно тождественны и радикально отличны. Когда противоречия в жизни рабочего достигали точки кипения, происходил качественный скачок, в результате которого рождался Новый Человек.

Такое впечатление, что социалистический реализм – литературный жанр, вызревший в 1920-х годах, – был специально предназначен для освещения рассматриваемых проблем. Часть автобиографии, посвященная периоду до обращения, описывалась через поэтику реализма, а другая часть, посвященная периоду после обращения, уже изобиловала героическими мотивами. Социалистический реализм не следует путать с тем, что обычно понимают под реализмом как таковым (критическим или психологическим реализмом). Жизнеутверждающий реализм советской литературы 1920-х годов имеет мало общего с будничным, серым модусом классического реалистического романа. То, что большевистское литературоведение называло героическим реализмом, являлось, согласно историку советского искусства Игорю Голомштоку, попыткой сконструировать идеальный мир, очищенный от старомодных нюансов настроения и проникнутый «одной-единственной мощной эмоцией – усердным рвением, лучезарной экзальтацией, героическим сопротивлением»¹¹⁶.

В контексте XIX века реалистическое «я» – это «я», которое детерминировалось окружающей средой. По формулировке Р. Бултмана, такое «я» определялось «историческими, экономическими и социальными условиями, его окружением, и это не только относится к его судьбе, но также касается его мыслей, желаний и морали». И далее: «... человек сам по себе не предстал здесь как неизменная личность. Неизменна была лишь его телесная природа с ее импульсами и страстями, борьбой за земное благополучие»¹¹⁷. Мы встречали эту репрезентацию «я» в изображении коммунистическим автобиографом влияния среды, определяющей его развитие, вырабатывающей его навыки, наклонности. На этой стадии материалистический детерминизм был основой рассказа. Отправная точка эволюции по направлению к коммунизму описывалась как плачевное состояние сознания/души, являющееся результатом воздействия неблагоприятной среды. Чтобы проиллюстрировать это утверждение, использовались реалистические тропы, создававшие впечатление, что «я» освобождалось от ответственности за действия, произведенные до обращения. Автор «дрейфовал» или «плыл по течению».

Однако романтические корни марксизма рано или поздно всегда заявляли о себе. Вернемся к Бултману на сей раз в связи с романтическим «я» и романтизмом, где «человек не рассматривается как определяемый своим прошлым». «Будущее, – пишет Бултман, – представляется как находящееся в его руках... потому, что у человека есть возможность выбора:

¹¹⁵ James W. *The Varieties of Religious Experience*. P. 45; Hawkins A. *Archetypes of Conversion*. Lewisburg, PA: Bucknell University Press, 1985.

¹¹⁶ Golomstock I. *Totalitarian Art in the Soviet Union, Fascist Italy, and the People's Republic of China*. London: Collins Harvill, 1990. P. 44.

¹¹⁷ Bultmann R. *History and Eschatology*. Edinburgh: University Press, 1957. P. 103–109.

оставаться таким, какой он есть, или преодолевать себя». Романтическая личность обладала способностью исправлять человечество благодаря воздействию силы воли. Горький считал, что надо писать о романтизме, и уточнял: «...я говорю не о том романтизме уstraшенных действительностью и бегущих от нее в область фантазий, а о... романтизме людей, которые умеют встать выше действительности, смеют смотреть на нее как на сырой материал и создавать из плохого данного хорошее желаемое. Это – позиция истинного революционера, и это его право»¹¹⁸.

Расщепление между «тем, что есть» и «тем, что должно быть» составляло основу коммунистической автобиографии¹¹⁹. И когда пишущий пересекал границу и вступал на территорию «того, что должно быть», романтический аспект социалистического реализма неизменно заявлял о себе: автор избавлялся от буржуазных влияний и утверждал свою революционную волю. В момент обращения коммунист постигал тайну действительности и освобождался от ее власти, обретая тем самым способность формировать ее по своему усмотрению. Как мы видели, активное «я» появилось в рассказе Бубнова, как только он вступил добровольцем в Красную армию и стал энергично создавать действительность по большевистскому образу и подобию. До своего обращения Бубнов был пассивным и грешным, после обращения он тотчас стал активным и праведным. С одной стороны, понимание, что обращение – это стержень автобиографического рассказа, побуждает нас искать «скачок» в описании его автобиографического «я». С другой стороны, выявление перехода от реалистического к романтическому стилю в тексте помогает установить недоговоренный момент обращения.

При сопоставлении двух других автобиографий участников Первой мировой войны с биографией Бубнова можно увидеть, что чем раньше герой принимает большевистскую тактику пораженчества в войне, тем скорее встречаются романтические тропы в его повествовании. Автобиография студента Ленинградского комвуза Шумилова С. Л., родившегося 7 октября 1892 года в деревне Каракш Казанской губернии, затрагивала тему отношения к Первой мировой войне¹²⁰. Нищенские условия жизни в разорившейся семье ускорили обращение Шумилова к коммунизму. Рожденный, по всей вероятности, в семье деревенского священника, он подчеркивал принадлежность к «бедному крестьянству» и рассматривал ранние годы жизни как период выковки борца против старого порядка.

Автобиограф начинал рассказ в сухом реалистическом стиле: «К крестьянской работе приучен уже с детства, 12-ти лет мог браться за соху». Однако речь шла не о неграмотном крестьянине: «Грамоте начал обучаться с шести с половиной лет», – пишет он и гордо утверждает, что проявил известную независимость очень рано. «За шаловливый характер учитель назвал меня „неугомонный“», – говорит Шумилов, подразумевая, что зерно большевистской непреклонности было посеяно уже в детские годы. «Через 3 года отец поместил меня в Чебоксарское духовное училище. В 1906 году был изгнан за участие в ученической забастовке». Шумилов делал все возможное, чтобы создать впечатление, что он уже в юности был своего рода большевиком, способным противостоять окружающей социальной среде. Он рассматривал ученические годы как ключевые в своем революционном развитии: «Ничего хорошего я не вынес из этой школы кроме некоторого навыка бороться с окружающей жизнью и проклятия по адресу религиозно-духовно-нравственного воспитания». Автор подводил итог: «... этот период отрочества остался в моей памяти мрачным пятном», но спешил добавить, что он «не падал духом» – ранний бунтарь был также и ранним романтиком.

¹¹⁸ Горький М. 260. Ф. В. Гладкову. 23 августа 1925, Сорренто // Горький М. Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. Т. 15. М.: Наука, 2012. С. 255–256.

¹¹⁹ Mathewson R. The Positive Hero in Russian Literature. Stanford: Stanford University Press, 1975. P. 5.

¹²⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. 197. Оп. 1. Д. 71. Л. 55–56.

Шумилов вернулся в деревню и «среди житейских и полевых работ» на некоторое время умерил свою непримиримость. Проявляя свою независимость, он, однако, отделился от своего отца, который «ругал его за непослушание начальству» и считал своего сына «чуть ли не пропавшим». Мать Шумилова была его «защитницей». Отвергая религиозное образование и демонстрируя еще один признак революционности, автор не отказывался от образования в целом. «Моим лозунгом было – учиться, во что бы то ни стало».

Хотя Шумилов окончил педагогическое училище, «учительствовать ему не пришлось». После призыва в армию в 1913 году он сначала подчинился военной дисциплине: «Военщина сразу подавила всякие... юношеские порывы и забрала в свои руки ум и волю. Насколько она сурова была и бесчеловечна, знает каждый, побывавший в старой армии». Шумилов, как и Бубнов, упоминал «юношеские порывы», но значение этого выражения у него совершенно иное. Естественные порывы Бубнова были самолюбивыми и реакционными, свойственными зажиточным крестьянам. Естественные порывы Шумилова, родившегося в обездоленной семье, были, наоборот, коллективистскими. Их «подавление» царской армией и объясняло участие Шумилова в империалистической войне.

Во многом непохожий на Бубнова, который должен был увидеть свет большевистской истины, прежде чем разделить взгляды «пораженчества», Шумилов был скорее неотесанным радикалом, который с очень раннего возраста выступал против царской власти. Упоминание Шумилова о начале войны – «открылась человеческая бойня» – указывало на его антивоенный пыл и являлось анахронической вставкой, пересекающей с рассказом Бубнова. Автобиограф изображал себя как жертву 1914 года: «Мы не успели окончить учебную команду, как очутились на фронте в Восточной Пруссии. При наступлении меня подстрелили, как зайца». Оказавшись в плену после всего лишь месячного пребывания на фронте, Шумилов быстро идеологически переродился. Рано приученный к физическому труду и получивший светское образование, он стал противником войны намного быстрее, чем Бубнов, который продвинулся в офицерские ряды. Невзгоды, которые автобиограф испытал в этот период жизни, сыграли заметную роль в его духовном перерождении. Шумилов пишет, что, пока немцы держали его в плену в Бессарабии, он прошел все стадии мытарств и там же произошло его духовное перерождение. Сильное влияние на его ум и волю оказывала как лагерная среда, где были военнопленные всех воюющих держав, так и разнообразные работы, выполняемые у немцев. «Во второй же год пребывания в неволе раскрылась передо мною истина бытия. Веровавший, доселе, в какую-то глупую религию перестал веровать. Здесь же читал я порядочно нелегальной литературы. Из Швейцарии к нам слали много книг марксистского течения. Говорили еще тогда, что шлет их сам Ленин». Открытия Шумилова были сделаны «несмотря на холод и голод» – ссылка на традиционный эпический рассказ, в котором герой обнаруживает свое мужество в борьбе против разрушительных сил природы¹²¹. В этот момент в повествование с очевидностью вторгается романтический стиль: главный герой – большевик, то есть субъект, который активно воздействует на общество, формирует его, а не наоборот.

Метаморфозы автобиографического «я» подошли к концу после пяти с половиной месяцев нахождения в лазарете и еще двух лет, проведенных с баварскими крестьянами, «этими трудолюбивыми эксплуататорами», которые в его сознании смешались с «баварскими горами и башнями». Если для Бубнова катализатором перерождения была Гражданская война, то для более развитого Шумилова поворотным духовным моментом была уже Первая мировая. К 1917 году Шумилов был готов присоединиться к революции: «Грянула русская революция. Наши мечты – на волю, в свободную Россию – сбылись».

Анфалов Ф. из Ленинградского комвуза был революционером почти с рождения, он является примером сознательного и немедленного отрицания империалистической войны, в

¹²¹ Clark K. The Soviet Novel. P. 73–74.

чем обнаруживается его превосходство над Шумиловым и тем более над Бубновым. В его автобиографии почти не упоминается о детстве и юности. Все, что говорит ее автор о себе, – родился в 1896 году в деревне Хороброво Вологодской губернии в крестьянской семье, окончил земское одноклассное училище, работал в хозяйстве отца до 1915 года. Из анкеты Анфалова мы узнаем, что он был «крестьянином-хлебопашцем» по профессии и «служащим» по социальному положению. Отправленный на фронт, Анфалов занял активную антивоенную позицию и в марте 1917 года вступил в ряды РКП – он был принят ячейкой 16-го Особого полка. Таким образом, Анфалов представлял свое обращение в большевики как естественный результат жизненного пути. Ему не нужно было отказываться от своей предыдущей идентичности, чтобы создать новую. Все, что ему нужно было сделать, – проявить наклонности, которые находились в глубинах его «я» со дня его рождения.

Пока Бубнов все еще воевал в рядах империалистической армии, а Шумилов надрывался в немецком плену, Анфалов, уже сознательный «пораженец», делал все возможное, чтобы помешать военным планам Временного правительства: «По поручению ячейки я тогда вел агитацию среди солдат своего полка против наступления, на котором настойчиво настаивала Керенщина и поддерживавшее ее офицерство, и наряду с агитацией, распространял большевистскую литературу, листовки и газету „Окопная правда“. Позднее принимал активное участие в проведении выборов командного состава, организации ротных и полкового солдатских комитетов». Благодаря своей работе агитатора он заслужил уважение солдат, которые избрали его в ротный комитет для участия в Армейском съезде в Двинске.

Читатель едва ли удивится, узнав, что Анфалов завершает повествование описанием своего участия в демобилизации старой армии и организации Красной гвардии. Романтическая революционность явно прослеживается на всем протяжении его рассказа¹²².

Автобиографии являются классическим примером «эго-документа». Объединяя разные жанры – мемуары, дневники, письма, – эго-документы являются теми источниками, в которых исследователь сталкивается одновременно как с пишущим субъектом, так и с присутствующим в тексте объектом его описания. Что особенно важно в нашем контексте, они могут включать как тексты, написанные по требованию официальных органов, административных или партийных (прошения, протоколы допросов и т. п.), так и приватные «излияния души»¹²³. В большевистских эго-документах этический, субъективный смысл слова «сознание», связанный с понятиями «совесть» или «суд над внутренним „я“», смешивался с другим пониманием сознания, которое после Декарта стало обозначать осознание чего-то объективного, данного вне «я». Опираясь двусмысленностью латинского *conscientia*, имевшего как этический, так и эпистемологический смысл, партийный дискурс смешивал познание внешнего мира с познанием внутреннего морального императива. Большевики считали, что человек может познать мир, только очистив свою душу, но при этом уверяли, что такое очищение достигается не копанием в самом себе, а изучением мирового устройства. Объективное и субъективное, мир и «я» считались двумя сторонами одной реальности. Граница между субъективным и объективным была проницаема – объективный мир был проекцией трудящегося человечества, и наоборот¹²⁴.

Поскольку коммунистический автобиограф по определению предъявлял себя как пролетария, участие в эпосе освобождения человечества совпадало в его письме с лирикой индивидуальной жизни. Не было ли здесь противоречия? Иными словами, могла ли большевистская автобиография оставаться научной? Именно этот вопрос ставил Александр Богданов, когда

¹²² ЦГАИПД СПб. Ф. 197. Оп. 1. Д. 71. Л. 69–71.

¹²³ Mascuch M. R., Baggeman A. Egodocuments and History: A Short Account of the Longue Durée // The Historian. 2016. Vol. 78. P. 1.

¹²⁴ Hepworth H., Turner B. Confession. Studies in Deviance and Religion. London: Routledge & Kegan Paul, 1982. P. 85, 93.

задумался над тем, изъять ли собственный, идиосинкразический голос из своего автобиографического эссе 1925 года.

Личность – маленькая клетка живой ткани общества, ее субъективизм выражает только ее ограниченность. Я вел против него борьбу, когда встречал его в других людях; естественно, что я стремился его преодолеть и в самом себе. Когда-то я мечтал, что, заканчивая путь своей жизни, напишу книгу, в которой все виденное изложу вполне объективно; и представлял это таким образом, что меня самого там не будет, а будет только социально-действительное и социально-важное, изображенное именно так, как оно было.

Мечта эта оказалась наивная, иллюзорная:

В ней две ошибки. Неверно то, что устранить себя из повествования возможно; неверно то, что для объективизма это требуется. Можно, конечно, и не упоминать о себе; но ничего, кроме лишних трудностей – искусственности и фальши из этого не получится; а все равно останется главное: человек изображает то, что он видел, и так, как он понимал; видел же он своими глазами, понимал сообразно своему способу мышления; ни того, ни другого устранить нельзя, хотя бы местоимение «я» было отовсюду вычеркнуто. Даже историк, пишущий о самых отдаленных временах, не может избежать того, что материал он выбирает, подчиняясь своим преобладающим интересам, оформляет и освещает своими привычными методами. Несмотря на это, его изложение может быть научным, то есть, для своего времени, объективным. Значит, оба личных момента не обязательно ведут к субъективизму, к искажениям на основе личной ограниченности. И для вспоминающего не исключена возможность быть беспристрастным наблюдателем и научным истолкователем, возможность объективного отношения к своему предмету и своему делу.

Таким образом, Богданов исходит из неустранимости того, что человек смотрит на мир со своей точки зрения, оперирует своими методами описания. Но в каком смысле все это субъективно «свое»? Сам он принадлежит коллективу – классу или социальной группе, либо нескольким коллективам, жизнь которых в разной мере и степени дала содержание его практической деятельности и мышлению. Личность не более чем центр приложения социальных сил, один из бесчисленных пунктов их пересечения. Ее точка зрения и способ понимания принадлежат ей в том только смысле, что в ней они находят свое воплощение; было бы правильнее сказать, что именно личность принадлежит этим социальным силам, а не наоборот. Точка зрения и способ понимания могут быть объективными, считал Богданов, «тогда, когда их основой является самый прогрессивный коллектив и самый широкий опыт; потому, что тогда это именно та точка зрения и тот способ понимания, которым предстоит победить, предстоит завоевать жизнь». Задача марксистского автобиографа поставлена: «То, что я видел и знаю – события, людей, вещи, мысли, – я хочу представить с наибольшей возможной объективностью, но также и показать, в чем сама объективность заключается, на что опирается точка зрения, из чего исходит способ понимания, мною руководящие, – где силы, которые должны дать им победу в жизни. И неустранимый из воспоминаний момент „личного“ сам должен быть уложен в те же рамки, объяснен на том же пути, подчинен той же объективности. В этом нет ничего невозможного и ничего особенного. Метод больше человека»¹²⁵.

¹²⁵ Богданов (Малиновский) А. А. Статьи, доклады, письма и воспоминания 1901–1928 гг.: В 3 кн. / сост. Н. С. Антонова, Н. В. Дроздова. М.: АИРО-XX, 1995. Кн. 1. С. 23–24.

Погружаясь в историю коммунистического освобождения, большевистское «я» перестраивается. Фундаментальным становилось не его индивидуальное существование, а его вклад, сколь бы мал он ни был, в освобождение человечества. Такой упор на коллективизм заставлял большевиков отказаться от либерального индивидуального этоса с его утверждением бесконечного личного совершенства. Коммунистическая автобиография сильно отличалась от либеральной автобиографии именно наличием четкой конечной цели – построения бесклассового общества. Либеральному самопониманию большевики открыто противопоставляли свое, поскольку либеральная концепция «я» противопоставляет его обществу как дифференцированной массе. Либерализм превозносит качества, отличающие одну персону от другой, рассматривая их не как случайные вариации нормы, а как основу человеческого существования. «Когда человек начинает понимать, что его „я“ представляет собой уникальную форму человеческого существования, целью жизни становится проявить, выразить эту неповторимую личность». Автобиография, написанная с либеральных позиций, совершит ужасное преступление против мира, если субъект повествования, по К. Вайнтраубу, «не будет верен себе, если он сфальсифицирует себя. Человек, делающий нечто подобное, обедняет мир, оставив одно из его проявлений невыраженным»¹²⁶.

Сложно было представить что-то более далекое от ценностей большевиков. Сама мысль о том, чтобы отличаться от своих товарищей, повергала их в ужас¹²⁷. Говоря об отчужденности, личной автономии, сочинитель коммунистической автобиографии обычно писал только о дореволюционном периоде. Но переходя к послеоктябрьскому периоду, коммунист с энтузиазмом отдавал свое сокровенное «я» партии. Автономное «я» было «я» несовершенным, таким, какое было необходимо преодолеть. Тот, кто сохранил часть себя для себя, не вписывался в новую жизнь, считался «отщепенцем». Александр Богданов призывал к товарищескому сотрудничеству, где процветало бы «коллективное обсуждение, коллективное решение и затем коллективное исполнение того, что принято»¹²⁸. «Товарищество» в его определении – это «центр мироотношения, это высшая точка зрения, с которой оцениваются формы сознания, а природа перестает быть безразличной и враждебной средой, становится полем общественного действия – опоры гордого сознания силы (без оптимизма) опять определяемого товариществом»¹²⁹. «Когда я говорю о товариществе, – подчеркивал в том же духе выпускник Ленинградского комвуза Большаков, – я имею ввиду, разумеется, не беспринципное обывательское товарищество за кружкой пива, а ту высоко принципиальную, не терпящую никаких отклонений от генеральной линии атмосферы, которая роднила нас и делала своими»¹³⁰.

В своем заявлении в партию от 3 января 1924 года студент второго курса Ленинградского государственного университета Виктор Николаев-Лопатников сожалел о потере чувства слитности с партией, присущего ему в годы Гражданской войны: «В бытность свою в рядах Красной армии я мог, руководствуясь указаниями и советами товарищей-комиссаров, выполнить ту или другую работу на культурном фронте, но после демобилизации я сделался мелкой единицей, которая хочет что-то сделать, но не может». Бездна раскрылась между Лопатниковым и пролетарским коллективом вследствие «отсутствия руководителя и естественного недоверия к моей работе со стороны партийных товарищей». «Руководителем моей работы может быть только коллектив РКП. Кроме того, знал программу партии коммунистов, которая соответствует моим политическим взглядам, я уже с 1922 года, хотел вступить в ее ряды». Подчерки-

¹²⁶ Weintraub K. *Autobiography and Historical Consciousness* // *Critical Inquiry*. 1975. Vol. 1. № 11. P. 838–839.

¹²⁷ Козлова Н. «Заложники слова»? // *Социологические исследования*. 1995. № 9. С. 134.

¹²⁸ Богданов А. А. *Элементы пролетарской культуры в развитии рабочего класса: Лекции, прочитанные в Московском Пролеткульте весной 1919 г.* М.: Госиздат, 1920. С. 43–44.

¹²⁹ РГАСПИ. Ф. 259. Оп. 1. Л. 86.

¹³⁰ *Записки Всесоюзного коммунистического сельско-хозяйственного университета им. И. В. Сталина*. Л.: б. и., 1935. С. 57.

вая, что он ничто без партии, кандидат в члены партии обязывался «подчиняться всем решениям и постановлениям партийных органов»¹³¹.

Если история была большевистским эпосом, то автобиография являлась его проекцией на конкретную жизнь. В то время как обещание всеобщего освобождения пропитывало каждый автобиографический рассказ, индивидуальное обращение в большевика предвосхищало всеобщее освобождение. Такие параллели объясняют сходство между завершением всемирной истории и кульминацией большевистских автобиографий. Григорий Осипович Винокур объяснял в 1927 году, что отдельная жизнь должна быть перестроена как жизнь, посвященная революции: «История превращается в контекст, который формирует личную жизнь человека. Переживая историческое событие, личность присваивает его себе, делает частью собственной биографии... становясь предметом переживания, исторический факт получает биографический смысл. <...> Пережить что-либо – значит сделать соответствующее явление событием в своей личной жизни»¹³².

Белокоостеров отдавал себе отчет в том, что принятие в партию зависит от способности представить свою автобиографию как отклик на большевистский метанарратив¹³³. С самого начала жизнь этого студента Смоленского политехнического института и революционный процесс шли рука об руку. Белокоостеров уделял много внимания своим переживаниям, подчеркивал, что обращение в коммунизм – объективное событие и перелом в его душе. «Я – сын крестьянина, на 2 году жизни лишился отца, который стал жертвой режима и условий царской армии, – начал он свою автобиографию. – После смерти отца мать уходит в город на заработки, а я остаюсь у родителей матери и оканчиваю там сельскую школу, и после этого мать берет меня к себе в город». Перед читателем возникает типичный образец крестьянской миграции из сельскохозяйственной провинции в городской центр. «Я все-таки учился, с трудом существуя, работал летом в деревне. <...> Первые шаги в городе заставили меня или работать, или голодать. <...> Я тогда едва ли мог, что-либо делать, кроме как быть на побегушках. <...> Здесь, в городе на первых порах встретившись с самой постыдной эксплуатацией, так сильно оскорбившей мою тогда еще не окрепшую душу, я стал всей своей душой ненавидеть и презирать, тогда еще бессознательно, существующий в то время строй. <...> К этому времени назревает революция». Объективное противостояние капитала и рабочих набирало обороты, пролетарское сознание автора кристаллизовалось.

Автобиография Белокоостерова полна описаний оскорблений, нанесенных его молодой душе «капиталистическими кровопийцами», вызывавшими ненависть к царизму. Хотя указания на внешние социальные условия являлись обязательной частью нарратива, параллельно им четко подмечались и внутренние переживания. Автор подробно описывал то, как его «душа» была оскорблена «постыдной эксплуатацией» и как он стал «презирать» царский режим. На первом этапе он, правда, испытывал эти чувства на «бессознательном» уровне. Но как только лобовое столкновение рабочих и их эксплуататоров «назрело», раскрылась и «сущность» Белокоостерова. Параллель между развитием пролетариата из объективно данной экономической категории, «класса в себе», в класс, обладающий самосознанием, «класс для себя», и ростом революционной сознательности героя являлась смыслообразующей для всей рассматриваемой автобиографии.

Белокоостеров нигде не кичился своей оригинальностью. Открытие своего «я» было только толчком для прояснения более важного дела – роста коммунистического движения. С наступлением Октября глаза автобиографа открылись, он осознал себя как сына рабочего класса и вступил в партию в ноябре 1918 года. Его судьба и судьба революции соединились.

¹³¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 1. Д. 72. Л. 17.

¹³² Винокур Г. О. Биография и культура. М.: ЛКИ, 2007. С. 8–9, 37–39.

¹³³ ВКР. 26. 61. 124–126.

Доказывается это тем, что в момент, когда революция была в опасности, Белокоостеров был готов пожертвовать жизнью, защищая ее. «Наступает грозное время, враги со всех сторон теснят советскую республику, кольцо врагов, Колчак, Юденич, Деникин. Я... уйду на фронт». Автобиограф ушел на фронт «вместе с ячейкой РКП», что еще раз указывает на его единство с партией¹³⁴.

Партия ожидала от своих членов полного растворения в коллективе. Когда видный большевик Дмитрий Мануильский на XI партийном съезде говорил о том, что «Скрышника мы все знаем как старого заслуженного революционера, но мы также все знаем, что по целому ряду вопросов он имеет свое своеобразное мнение», он не считал это комплиментом¹³⁵. Критикуя представления о независимости индивидуального сознания от условий своей эпохи, Горький отрицал свою «исключительность» или «оригинальность». Большевистский писатель мерил себя в понятиях коллективистского мировоззрения коммунизма, с присущим ему презрением к «я», которое мнит себя вершиной творения. Его многочисленные автобиографические нарративы старались заменить лирического субъекта автобиографического жанра эпическим, уделяя основное внимание не индивидуальному «я» героя, а окружающему его миру¹³⁶.

Так как коммунистический автобиограф с радостью расставался с личной автономией, такую модель «я» можно обозначить как «нелиберальную» (*illiberal*)¹³⁷. Главные ценности либерализма, связанные в основном с акцентом на личности, ее неповторимости и неприкосновенности, в коммунистической автобиографии превращались в прегрешения. Революционер не жаловался на отсутствие возможностей придерживаться своих убеждений, не страдал от подавления своего личного пространства¹³⁸. «Каждый коммунист, каждый участник революции, – заявлял Виктор Серж, – ощущает себя как покорного слугу великой цели. Нет для него высшей похвалы, чем услышать в свой адрес, что у него нет „частной жизни“, что он совершенно слился с историей»¹³⁹. «Можно заметить, что мне не очень интересно говорить о себе лично, – добавлял он. – Но трудно отделить личность от всего общественного, от идей, событий, в которых она участвует, которые важнее ее самой и придают ей значимость. Отнюдь не ощущаю себя индивидуалистом, скорее „персоналистом“ в том смысле, что человеческая личность представляется мне высочайшей ценностью, но – неотделимой от общества и от истории. Только в таком смысле опыт и мысль одного человека заслуживают сохранения»¹⁴⁰. Мы «научились подчинять... объективному ритму свои субъективные планы и программы, – вторил этой позиции Троцкий. – [Мы] научились не приходить в отчаяние от того, что законы истории не зависят от наших индивидуальных вкусов или не подчиняются нашим моральным критериям»¹⁴¹.

Герой большевистской автобиографии действовал в соответствии со своей исторической ролью. Важна была не личность как таковая, а присутствие в ней коммунистической истины. Так как коммунистическая истина была одна и неделима, то чем более сознательным был коммунист, тем менее своеобразным он был. От коммуниста требовалось связать историю своего личного перехода с общим пробуждением пролетариата так, чтобы к концу автобиографи-

¹³⁴ ВКР. 326. 61. 124–126.

¹³⁵ Одиннадцатый съезд РКП(б). Март – апрель 1922 г. Стенографический отчет. М.: Госполитиздат, 1961. С. 115.

¹³⁶ *Тагер Е. Б.* Автобиографические рассказы Горького 20-х годов // Горьковские чтения / под ред. Н. Ф. Корицкой, А. Я. Тарараева, И. Н. Успенского. М.: АН СССР, 1954. С. 283–286.

¹³⁷ *Хелльбек Й.* Революция от первого лица: Дневники сталинской эпохи / пер. с англ. С. Чачко. М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 15.

¹³⁸ *Weintraub K.* Autobiography and Historical Consciousness. P. 837.

¹³⁹ *Serge V.* The Year One of the Russian Revolution. New York: Holt, Reinhart, and Winston, 1972. P. 367.

¹⁴⁰ *Серж В.* От революции к тоталитаризму. Воспоминания революционера / пер. с фр. Ю. В. Гусевой, В. А. Бабинцева. М.: Праксис, 2001. С. 455.

¹⁴¹ *Троцкий Л.* Их мораль и наша // Бюллетень оппозиции. 1938. № 68–69. С. 19.

ческого повествования его жизнь и жизнь партии стали едиными. Николай Скрыпник писал на последней странице своей автобиографии: «Моя работа после Февральской революции, как и работа каждого члена партии, принимавшего участие во всех событиях революционной борьбы, настолько сплелась с этой революцией, что если бы мне описывать эту мою работу, пришлось бы писать о самой революции»¹⁴². Александр Шляпников тоже завершал свою автобиографию полным преодолением расстояния между собой и партией. «Вот суммарные сведения о моей работе до 20-го года, – писал он. – Детализировать их – это означало бы перечислить значительную долю революционных событий того времени, участником которых я был. Сообщать о себе подробнее после 20-го года, это значит изложить частичку истории партийной и общественной борьбы в нашей советской стране, на что у меня, в настоящее время, нет ни времени, ни возможности»¹⁴³.

Рассуждая о сущности дневника, Троцкий ставил во главу угла не себя самого, а объективный ход истории: «Дневник – не тот род литературы, к которому я питаю склонность: я предпочел бы ныне ежедневную газету. Но ее нет. <...> Отрезанность от активной политической жизни заставляет прибегать к таким суррогатам публицистики, как личный дневник. В начале войны, запертый в Швейцарии, я вел дневник в течение нескольких недель. <...> Затем короткое время в Испании, в 1916 г., после высылки из Франции. Это, кажется, и все. Приходится прибегнуть к политическому дневнику снова. Надолго ли? Может быть, на месяцы. Во всяком случае, не на годы. События должны разрешиться в ту или другую сторону и прикрыть дневник». Троцкий смотрел на свое «я» как на часть революционного движения. Жизнь шла, подчиняясь объективному историческому процессу, поэтому вполне логичен вывод, к которому приходит Троцкий: «...не мудрено, если мой дневник будет походить по форме на обзор периодической печати»¹⁴⁴.

В коммунистических автобиографиях самые интимные моменты жизни должны были иметь общественное значение. Исторические события никогда не подавались как нечто второстепенное или внешнее, отвлекавшее человека от самого себя. Напротив, они вписывались в автобиографию, становясь ее движущими пружинами. Победы буржуазии пробуждали в авторе классовую ненависть, победы пролетариата наполняли его душу энтузиазмом. Ход истории был центральным мотивом в жизни коммуниста¹⁴⁵.

Отказ от поиска неповторимости и оригинальности не значит, что большевики не признавали никакой самобытности. Так как каждый партиец искал свой личный путь к свету, рассказывая о характерных для него вызовах и ответах, автобиографии большевиков все же отличались друг от друга. Поскольку никакая модель «я» не могла конкретизировать все аспекты человеческого существования, мы увидим, что автобиографический субъект всегда находил место особенностям своей персоны в общей структуре жанра. Те, кто механически вставлял официальные клише, не наделяя текст описанием своего собственного неповторимого опыта, рисковали быть разоблаченными как «прячущиеся за формулами», неискренние, таящие за лояльной внешностью темные намерения.

1. На товарищеском суде

Субъект коммунистической автобиографии находился в отношениях герменевтического истолкования не только с собой, но и со своим читателем или слушателем. Автобиографии часто зачитывались и обсуждались публично. Любые моменты автобиографии, даже самые

¹⁴² Скрыпник, Николай Алексеевич (автобиография) // Деятели СССР и революционного движения России. С. 673.

¹⁴³ Шляпников, Александр Гаврилович (автобиография) // Деятели СССР и революционного движения России. С. 770.

¹⁴⁴ Троцкий Л. Д. Дневники и письма / под ред. Ю. Г. Фельштинского. М.: Издательство гуманитарной литературы, 1994. С. 79.

¹⁴⁵ Weintraub K. Autobiography and Historical Consciousness. P. 832–833.

интимные, выносились на общественное рассмотрение. В правильно организованном коммунистическом содружестве «то, что именуется „личным делом“, „частным интересом“, ставится под организованный контроль коллектива», проповедовал писатель и критик Сергей Третьяков. «Лозунг – контроль и забота каждого о всех и всех о каждом. <...> ...[Необходимо] устраивать периодически обсуждения деятельности каждого из членов коллектива, касаясь не только деловых итогов, но и всех мелочей, из которых складывается характер, манера говорить и действовать и т. д.»¹⁴⁶ Отчет Высшей военной школы за 1924 год присоединялся к сказанному Третьяковым: «Личная жизнь молодого члена партии зачастую совершенно разнится своим мещанством и косностью от дисциплинированной, общественной. Ликвидация такого явления возможна сознательной, индивидуальной проработкой... а также массовым подходом, разъясняя отсутствие разорванности между личной и общественной жизнью партийца»¹⁴⁷. «Индивидуальные отличия между людьми, поскольку они интересуют социалиста, сводятся к специальности, если остается что-то сверх специальности, то это остается общественно неактивно, это жизнь „про себя“, которая уже не социализируется, которая бесполезна, как сновидение», – комментировал с заметно меньшим воодушевлением Михаил Пришвин в своем дневнике¹⁴⁸. «Личное уничтожается всеми средствами, – писал он несколько лет спустя, – чтобы рабочий находил радость свою только в общественном. Таким образом, новый раб<очий> уже не может ускользнуть от хозяина, как раньше, – в сокровенную личную жизнь под прикрытием хорошего исполнения хозяйского дела. Теперь он весь на виду, как бы просвечен рентгеновскими лучами»¹⁴⁹.

Разработанный до мельчайших деталей, ритуал приема в партию не считался чем-то обыденным. В нем нельзя было усмотреть бесперебойный механизм для пополнения рядов нарождающейся советской бюрократии. Сколь бы квалифицированным в техническом отношении ни являлся кандидат, коллектив без колебаний отклонял его заявление, если находил, что «чистота коммунистических рядов» находится под угрозой. В своей совокупности практики публичной критики и защиты своих жизнеописаний кандидатами в партию создали то, что можно назвать коммунистическим автобиографическим дискурсом. Постараемся наметить систему кодов, которые формировали ритуалы герменевтики «я» на уровне партийной ячейки.

Первая половина 1920-х годов в университетах страны прошла под знаком «диктатуры» партячек¹⁵⁰. Секретарь ЦК РКП(б) А. А. Андреев триумфально заявил в 1925 году: «Немалую роль в деле превращения высшей школы в школу советскую... сыграли наши партийные ячейки в вузах. В своей работе партячейки вузов часто сталкивались с необходимостью действовать помимо официальных органов управления высшей школой... захватывать в свои руки фактическое руководство жизнью высшей школы и управления ею»¹⁵¹. В первые годы НЭПа в студенческой среде появились листовки, клеймившие позором «свору цепных псов, совмещающих обязанности членов студенческих комячек с функциями платных агентов ГПУ»¹⁵². Пропагандист В. Ледовской отмечал отсутствие статьи о ячейках в дореволюционном уставе партии. Причина была очевидной: «...партия не имела тогда возможности так глубоко пустить свои организационные щупальца в самую толщу рабочей и крестьянской массы». Устав, отмечал он, «это архитектурный план строительства партии». И продолжал: «Достаточно указать,

¹⁴⁶ Третьяков С. Стандарт // Октябрь мысли. 1924. № 2. С. 31–32.

¹⁴⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 6. Оп. 1. Д. 224. Л. 66.

¹⁴⁸ Пришвин М. М. Дневники. 1920–1922. М.: Московский рабочий, 1995. С. 231.

¹⁴⁹ Пришвин М. 1930 год: Дневник // Октябрь. 1989. № 7. С. 164.

¹⁵⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 9. Д. 9140. Л. 20.

¹⁵¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 258. Оп. 1. Д. 46. Л. 60.

¹⁵² Булдаков В. П. Утопия, агрессия, власть: Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920–1930 гг. М.: РОССПЭН, 2012. С. 350.

что история нашей партии есть в значительной степени история выработки организационных форм строения партии»¹⁵³. В новом уставе ячейка стала основанием партийной пирамиды.

Устав партии регламентировал облик нового человека, определял, кто свой, кто чужой. Каждое мировоззрение задействует формальную структуру, корреспондирующую с его базовыми ценностями: как эпос Гомера породил античных героев-аристократов, могущественных протагонистов величественной саги, как трагедия Софокла вывела на сцену «граждан», защищавших свои принципы на агоре полиса, так и коммунистическая мифопоэтика создала «товарищей» братства избранных¹⁵⁴. Советское общество поднимало коммунистов на котурны: ничто не возвышало человека больше, чем партбилет в кармане¹⁵⁵. В 1919 году Троцкий увидел в красных комиссарах новых коммунистических самураев¹⁵⁶. А Сталин через два года назвал партию «орденом меченосцев»¹⁵⁷. Сектантство, однако, было чуждо большевикам. Зиновьев в 1922 году говорил о том, что необходимо «направить весь государственный и партийный аппарат на то, чтобы научить нашу молодежь не замыкаться в себя, смотреть на партию не как на что-то привилегированное, не как на какую-то аристократию, а как на партию, с которой масса должна быть неразрывно связана»¹⁵⁸. Коммунистам нельзя было уходить в раздумья – их ответственность перед историей требовала погружения в социальность. Уверенность в своей избранности сочеталась у большевиков не с уходом от мира, а с решительной попыткой его изменить¹⁵⁹. Партия ценила в своих членах энергичность и безоговорочную преданность цели. Каждый вновь вступающий в партию воспитывал в себе «неизменную любовь к партии», понимание того, «что нет ничего выше, чем пролетарская партия, для которой надо жертвовать всем»¹⁶⁰. Университетская партийная ячейка была двулика как Янус: она обеспечивала чистоту своих рядов и политическую подкованность членов, то есть была обращена внутрь и в то же время смотрела вокруг, на общую студенческую массу, на фабрики и заводы, нуждавшиеся в пропагандистах и агитаторах¹⁶¹.

Для понимания характера обсуждения автобиографий в партячейке имеет смысл обратиться к теории символического взаимодействия Ирвинга Гофмана. Согласно Гофману, человек при столкновении со множеством незнакомых ему людей старается найти способ поведения, соответствующий их ожиданиям¹⁶². Для объяснения поведения человека в подобных обстоятельствах Гофман использовал модель театральной драмы. Драматургический интеракционизм Гофмана предполагает, что в процессе взаимодействия люди стремятся срежиссировать впечатление о себе, которого хотят достичь. В процессе коммуникации субъект действует как актер, который создает свой собственный, непредсказуемый и незаконченный образ. Он проектирует собственный имидж, причем такими способами, которые служат его собственным целям, – в нашем случае показать себя достойным партии. Центральным понятием концепции драматургического интеракционизма является понятие «я» (*the self*) – представляемый образ роли или «драматический эффект», возникающий внутри определенной сцены. В дальнейшем анализе большевистского «я» акцент будет ставиться не на внутренней мотивации или других

¹⁵³ Ледовской В. Устав Российской Коммунистической партии (б). М.: б. и., 1923. С. 9–12.

¹⁵⁴ Вардин И. Политические партии после октября // Молодая гвардия. 1922. № 1–2. С. 103–104.

¹⁵⁵ Sites R. *Revolutionary Dreams: Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution*. Oxford: Oxford University Press, 1989. P. 109–114, 131–134.

¹⁵⁶ Троцкий Л. Д. Сочинения. Т. 17. М.; Л.: Госиздат, 1926. С. 326.

¹⁵⁷ Сталин И. В. О политической стратегии и тактике русских коммунистов // Сталин И. В. Сочинения. Т. 5. С. 71.

¹⁵⁸ Одиннадцатый съезд РКП(б). С. 229.

¹⁵⁹ Walzer M. *The Revolution of the Saints*. P. 155, 162–163; Coser L. *The Militant Collective: Jesuits and Leninists* // *Social Research*. 1973. Vol. 40. P. 112–117.

¹⁶⁰ Девятая конференция РКП(б). Протоколы. Сентябрь 1920 года. М.: Издательство политической литературы, 1972. С. 155.

¹⁶¹ Лебедев В. Л. Правящая партия оставалась подпольной // *Источник*. 1993. № 5–6. С. 88–94.

¹⁶² Goffman E. *The Presentation of Self in Everyday Life*. New York: Anchor, 1959. P. 208.

личностных качествах участвующего в коммуникации, а на восприятии им своих собственных действий и реакции окружающих на эти действия¹⁶³.

В ситуациях, когда студенты находились в непосредственном общении, реагируя на действия друг друга и оказывая друг на друга влияние, возникала особая реальность, изучение которой позволяет взглянуть на социальную систему изнутри, понять задействованные в ней смыслы и правила игры. То, что партийный мир превращается в театральные подмостки, не значит, что действительность подменяется иллюзией. Нас интересует не объективная реальность, а те обстоятельства и условия, из-за которых самопрезентация студентов признавалась правдивой. Драматургический интеракционизм принимает во внимание не психологию людей или макроструктуры общества, а повседневную межиндивидуальную коммуникацию, поскольку именно в общении лицом к лицу формировалось единство партийной ячейки.

Конкретная коммуникативная ситуация в концепции И. Гофмана названа сценой. Ступая на сцену, человек начинает играть определенную коммуникативную роль, наполняя смыслом и ее, и саму драматургическую ситуацию. Выходя на партийные подмостки, он не получает готовый сценарий, он не знает всех подробностей того, как ему следует себя вести. Исполнитель получает лишь подсказки, намеки, и те, кто их подает, предполагают, что он уже обладает некоторым арсеналом приемов и навыков исполнения благодаря предыдущему социальному опыту. Принципиальным становилось то, сочтут ли представленный образ достоверным или вызывающим сомнения¹⁶⁴.

Многие студенты предъявляли товарищам «дутую автобиографию», что сразу опознавалось опытными партийцами (герменевтами души)¹⁶⁵. Так, в 1924 году студент Зиновьевского университета Всеволод Тонкопий вынужден был сознаться, что им даны «ложные данные» в анкете и автобиографии и «произведена соответствующая подчистка в личном партийном деле». Ячейка обратилась в вышестоящие партийные органы и получила инструкцию – Тонкопия из партии исключить¹⁶⁶. Внимание к дочери старого большевика Таисии Петровой было не менее пристальным. «Отец слесарь депо [на Урале], член партии с 1902 года, – гласила ее автобиография. – Мать домохозяйка. <...> Отца белые расстреляли. <...> С 9 лет учусь в министерском 2-х классовом училище... В 1917 году по родственным связям, примыкала к большевикам, куда по малолетству не принимали». Петрова рассказала, как вступила в союз рабочей молодежи, где работала секретарем в 1917 году, а в начале 1918 года вступила в партию. «При наступлении Колчака эвакуировалась с семьей из Кушвы (завод на Урале. – И. Х.), не доехав до Вятки, вернулась обратно, так как началось отступление Колчака. По пути, во время обхода белых, попала к ним в плен. Нас привезли в Кушву и продержали под арестом 6 месяцев. Нас всех там выпороли. Приход красных спас от беляков. Уезжаю в Екатеринбург, где поступаю в ЧК, где работала с 19 по 21 г. В 21 переехала в Челябинск, где жил муж, там в ЧК работала 8 месяцев и несла одновременно партработу». В ЧК Петрова была секретным сотрудником: «По выбору совмещала работу сексота и секретаря ячейки... выполняла революционные поручения». Затем работала в женотделе. «В то же время была вольнослушательницей губсовпартшколы, затем поступила в лекторскую группу».

Во время прений оспаривались чуть ли не все факты ее автобиографии: «В 12 лет Петрова поденщицей быть не могла». «Была арестована белыми как работница политотдела, а [на деле] была только выпорена, что даже не отразилось на беременности». «Отсеком ячейки была в 19 году, а институт отсеков введен лишь в 20 году». «В 18 году работала в ЧК сексотом,

¹⁶³ Goffman E. Interaction Ritual: Essays on Face-to-Face Behavior. New York: Doubleday, 1967; *Idem*. The Interaction Order // American Sociological Review. 1982. Vol. 48.

¹⁶⁴ Fitzpatrick S. Live under Fire: Autobiographical Narratives and Their Challenges in Stalin's Russia // De Russie et d' ailleurs. Feux croisés sur l' histoire. Pour Marc Ferro / ed. by M. Godet. Paris: Institut d' études slaves, 1995. P. 225.

¹⁶⁵ РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 3. Д. 161. Л. 13.

¹⁶⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 197. Оп. 1. Д. 22. Л. 28.

а было ей всего 17 лет». «В одно и то же время училась в губшколе, в лекторской группе, и была секретарем [партячейки], чего [тоже] быть не может». И хотя Петрова заявляла о том, что подтверждает «все сказанное в биографии», ей не поверили¹⁶⁷.

Похожим был и случай Шклярвской из той же ячейки. Шклярвская писала о себе как о члене РКП с июня 1920 года. Служила секретарем областного Амурского бюро комсомола, какое-то время руководила женотделом Дальбюро. В своей автобиографии она рассказывала следующее: «Родилась в 1899 году в Сретенске. До 1914 года училась в высшем начальном училище. До 1909 года семья жила плохо, отец пьянствовал. <...> В 1916 году поступила в чайную фирму Высоцкого, где была до апреля 1917 года, участвовала в забастовке бандерольщиц в 17-м, после чего была уволена. Ходила на митинги и собрания, раз сама выступала на митинге». В Гражданскую войну Шклярвская была на Дальнем Востоке, состояла в союзе служащих, имела активную политическую позицию. «Белыми обвинялась в принадлежности к большевикам, вызывали в контрразведку. В мае 1919 года обыскивали, подозревая в сношении с большевиками». Уехав в Благовещенск, Шклярвская работала переписчицей у податного инспектора. В июне 1920-го вступила в РКП.

Ответы Шклярвской на несохранившиеся вопросы показывают, что именно вызывало недоверие:

Кроме высшего начального училища нигде не училась.

С чайной фирмы уволили за стачку, за плохое отношение к работе.

Сочувствие к с.-д. выражалось в близости к ним... внутренне восприняла октябрьский переворот.

О существовании подпольной организации не знала. Ходила в 1917 году в комитет общ<ественной> безопасности, считая ее революционной организацией.

Многое в этой истории «не вяжется» друг с другом, говорили товарищи по учебе. «По анкете, сочувствовала до октябрьской революции объединенной с. д. группе»; «Отмечается высокая общеобразовательная подготовка, не соответствующая учению в начальном училище»; «Из разговоров с ее сожительницей в Сибири Эренпрайсу стало понятно, что она интеллигентка с средним образованием»; «На каникулах в Владивостоке, при разборе списка стипендиатов, вопрос о Шклярвской остался открытым. Завагитпропом удивлялся, „как Шклярвская вообще попала в университет“». В результате партийной ячейкой был вынесен вердикт: «Биографию считать неверной», который основывался на том, что ее образование в действительности было более высокое, чем «высшее начальное училище», физику, геометрию и другие предметы она «начала проходить с 4-го класса, что бывает в гимназии». «Не знает она структуры училища, в котором училась. <...> ...[Есть сомнения] во всех пунктах анкеты». В итоге Шклярвскую выгнали из комвуза¹⁶⁸.

Стоит заметить, что дезавуирована была фактическая база автобиографий Петровой и Шклярвской. Оспаривались биографические детали, разговор не доходил до оценки личных качеств студенток, их характера и уровня сознательности. Те, кто лгал перед партией, немедленно изгонялись.

Если говорить о скрытой, субъективной стороне вещей, гораздо более тонким вопросом была искренность обращения к большевизму – тут дело было не столько в фактах, сколько в их толковании. Андорский партийный коллектив сомневался во вновь поступившем в сельскохозяйственный институт студенте Москалеве Николае Александровиче. «Помянутый гражданин сын деревенского кулака-контрреволюционера, – писали в бюро партячейки, – замешанного в

¹⁶⁷ Там же. Д. 116. Л. 75–76.

¹⁶⁸ Там же. Л. 83.

1918 году в восстании против советской власти и теперь находящегося под наблюдением Черниговского ГПУ. Москалев младший состоял с 15 марта 1920 года в партии, во время Кронштадтского мятежа, под влиянием отца и из боязни партийной мобилизации на фронт, злостно дезертировал из партии». Перед партийцами был явный случай лицемера и конъюнктурщика, в результате чего ячейка попросила «вести за ним соответствующий надзор»¹⁶⁹.

Противостояние поручителей и обвинителей было неотъемлемой частью процедуры принятия в партию. При приеме заявления и рекомендаций от желающего вступить в партию организатор или секретарь коллектива составлял на него «личный листок кандидата»¹⁷⁰. В вопроснике для партпоручителей выяснялись следующие положения:

Как давно вы знаете товарища, поступающего в партию?

Хорошо ли знаете его, где с ним встречались?

Какие у вступающего хорошие стороны и какие недостатки?

Почему рекомендуемый товарищ поступает в партию, имеет ли действительно твердое желание вступить членом в РКП и подчиниться безоговорочно партдисциплине и трудовой этике?

Чем доказал вступающий это на деле?

Рекомендация, данная кандидату в партию Козину В. С. секретарем ячейки РКП(б) управления 9-й Донской дивизии Петром Тайгаричем, является своего рода эталоном жанра: «Знаю тов. Козина с детства, который воспитывался в семье рабочего – рудничного токаря. Отец его – Семен Козин, старый революционер, принимал активное участие и руководил революционной работой в 1900-х годах вплоть до Октябрьской революции и в настоящее время состоит в рядах РКП(б) и работает у станка. <...> Владимир Козин в период революции принимал активное участие в борьбе с бандитизмом, состоял сотрудником Особого Отдела, ведшим борьбу с бандитизмом. Был командирован в Москву на рабфак»¹⁷¹.

На основании декрета СНК РСФСР «О рабочих факультетах» от 17 сентября 1920 года на них принимались «рабочие и крестьяне в возрасте от 18 лет, делегированные производственными союзами, фабрично-заводскими комитетами, партийными отделами работы в деревне, региональными исполкомами». Срок обучения на дневном отделении рабочего факультета засчитывался в трудовой стаж¹⁷².

Обычно после того, как рекомендательное письмо подтверждало социальное происхождение кандидата, упоминалась служба в Красной армии, а во второй половине 1920-х – членство в комсомоле. Приведем несколько примеров подобных рекомендаций, выданных для поступления в ЛГУ: «...член комсомола с 1922 года... крестьянин, тщательно выполнял все комсомольские поручения»; «...выходец из бедной крестьянской семьи. Служил в Красной армии и был ранен»; «...имеет хорошие организаторские способности, умелый и тактический подход к массе... общественную работу считает [более] первостепенной, чем академическую»¹⁷³.

В рекомендации затрагивалась и моральная чистота студента: «За время пребывания тов. Орловского в коллективе университета никаких... не этических поступков не наблюдалось» (ЛГУ)¹⁷⁴; «Известная мне вместе с тем его личная жизнь также говорит в его пользу – т. е. он не является типом старого студента-интеллигента» (Ленинградский институт инже-

¹⁶⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. 258. Оп. 1. Д. 5. Л. 11.

¹⁷⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

¹⁷¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 1. Д. 252. Л. 152.

¹⁷² Рабочие факультеты // Малая советская энциклопедия: В 10 т. Т. 7 / под ред. Н. Л. Мещерякова. М.: Советская энциклопедия, 1930. Стлб. 104; Слепнев Н. В чужой семье // Знамя рабфаковца. 1923. № 1–2. С. 90, 101.

¹⁷³ ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Д. 28. Л. 22.

¹⁷⁴ Там же. Л. 40.

неров путей сообщения)¹⁷⁵. Однако уровень политической сознательности был еще важнее. Необходимо было доказать наличие не просто задатков, а уже сформированного революционного сознания. В большинстве случаев подводился краткий итог, сводящийся к одной-двум строчкам: «Настоящим удостоверяю что студент 2-го курса Новгородского техникума В. А. Малахович стоит вполне на платформе советской власти и за политическую благонадежность однозначно ручаюсь»¹⁷⁶; «Партийно вполне выдержан. За время работы уклонов не наблюдалось»¹⁷⁷; «За время пребывания в коллективе Ленинградский Институт Инженеров Путей Сообщения обнаружил себя как товарищ, вполне знающий основы Марксизма-Ленинизма... <...> При появлении оппозиционных течений в партии всегда проводил правильную Ленинскую линию, пользуясь для идейной борьбы... уроками по политэкономии на рабфаке»¹⁷⁸.

В конце рекомендации поручитель указывал свои личные данные – «имя, фамилия, с какого времени на партработе, номер партбилета, занимаемая должность во время рекомендации, и какую выполняет партработу» – и подписывался¹⁷⁹. XI партийный съезд в 1922 году установил строжайшую ответственность рекомендующих¹⁸⁰. В случае необоснованных рекомендаций последние подлежали взысканиям вплоть до исключения из партии. Вот пример из Петроградского сельскохозяйственного института за 1924 год. После освобождения из-под двухмесячного ареста студента Ершова ГПУ постановило: «Воспретить проживание на три года в Ленинграде и в городах, имеющих высшее учебное заведение». Не соглашаясь с таким постановлением «с точки зрения пролетарской справедливости», Ершов попросил бюро партколлектива квалифицировать его работу в студенческих организациях «как по существу, так и с политической стороны». Коммунист Ермолов согласился это сделать: «Ершов, – гласила его рекомендация, – имел гражданское мужество на неправильность понимания некоторых вопросов, что, быть может, некоторыми партийцами истолковывается как антисоветское выступление. Я же смотрю так: плох тот гражданин, который не думает над обсуждаемым вопросом, а только ограничивается поднятием руки за доминирующей партией. Такой безличный гражданин не ценен ни красным, ни белым... Я считаю, что лучше два виновные пусть будут прощены, чем один невинный будет осужден, тем более из крестьян и рабочих». Реакция партаппарата последовала незамедлительно – давшему столь дерзкую рекомендацию Ермолову объявили выговор с внесением в личное дело¹⁸¹. Ту же историю наблюдаем в Томском технологическом институте, где в 1927 году партбюро констатировало «несколько случаев злоупотребления со стороны членов партии своими рекомендациями». Напоминая о последнем, райком указывал на случай, когда рекомендацию «получила домохозяйка, самогонщица, подвергшаяся суду». Материал был зачитан на закрытом собрании партячейки «с тем, чтобы в будущем члены партии при даче рекомендаций осведомляли об этом бюро, советовались с ним»¹⁸².

Все имена людей, подававших заявление о вступлении в партию, заносились в список. За три дня до обсуждения в бюро коллектива он вывешивался на видном месте в учреждении. Рядом с фамилиями кандидатов была просьба «сообщить в бюро коллектива в устной или письменной форме об отводе, если такой имеется». Фамилия подавшего заявление об отводе, по его желанию, могла остаться неизвестной для членов коллектива, но не для членов бюро. Партийная инструкция гласила, что «все заявления об отводах должны рассматриваться предварительно в бюро коллектива, причем в случае необходимости, бюро вызывает лицо, подавшее

¹⁷⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. 1085. Оп. 1. Д. 26. Л. 84.

¹⁷⁶ Там же. Д. 24. Л. 197.

¹⁷⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Д. 28. Л. 22.

¹⁷⁸ ЦГАИПД СПб. Ф. 1085. Оп. 1. Д. 101. Л. 149.

¹⁷⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Д. 126. Л. 158–162.

¹⁸⁰ Одиннадцатый съезд РКП(б). С. 647–648.

¹⁸¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 258. Оп. 1. Д. 46. Л. 17.

¹⁸² ЦДНИТО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1065. Л. 17.

отвод, на свое заседание»¹⁸³. «Нижепоименованные товарищи подали заявления о вступлении в кандидаты, – гласило извещение Томского горкома ВКП(б). – Лица знающие порочащее их в прошлом или настоящем могут подать о том заявления» (1927)¹⁸⁴.

Составление «отвода» было обратной стороной речительства: если рекомендация была механизмом для обнаружения положительных сторон биографии кандидата в партию, то «отвод» был механизмом выявления отрицательных черт¹⁸⁵. Отвод на студента Ленинградского института инженеров путей сообщения Лобацкого П. С. звучит как рекомендация наизнанку (1922): «Живя со студентом Лобацким в одной комнате, я невольно иногда удивляюсь его взглядам на современные события... и его отношению к студенческой среде. Взгляд Лобацкого, например, на установившуюся форму государственного сельскохозяйственного налога у него установился, как способ беспощадного побора с крестьян. Как пример он привел один из эпизодов в его волости, где у одного крестьянина, не смогшего уплатить продналог был отобран весь скот, и сам он был посажен в холодную. Его взгляд таков, что крестьянскому мужику сейчас жить несравненно хуже, чем при „кравовом“ Николае. Его взгляд таков, что коммунизм не может быть проведен в жизнь... впоследствии физиологических, моральных и психологических разновидностей людей... это несбытаемая и неосуществимая идея, и сладкая иллюзия. В конце концов, власть рабочих и крестьян держится на штыках, а не на жажде свободы и воодушевлении». Отвод был подписан комсомольцем Нуженым и «удостоверен членом РКП(б) с 1919 года тов. Лукьяновым»¹⁸⁶.

Остановимся на некоторых отводах, произведенных в отношении студентов Ленинградского государственного университета. Кто-то не мог представить себе тов. Геца коммунистом (1923): «Гец чужд нашей партии своей идеологией буржуазно-мещанского воспитания. <...> Он ведет себя как старый барин»¹⁸⁷. Казалось бы, с другим студентом, Бурдановым С. В., таких проблем не было. Сын крестьянина, он работал в технической мастерской и прежде учился на слесаря. Но вот что говорилось в поступившем на него отводе: «Настоящим прошу не принимать в партию Бурданова. <...> Бурданов человек плохой. Он... тип какого-то грубо-невоспитанного кулака. Я однажды у него попросил кусок хлеба, когда у него было много. Он мне отказал и грубо обращался со мной. <...> Он не хотел ни с кем общаться и был горд и невыносим». Бюро рекомендовало Бурданова не принимать как «не выявляющегося»¹⁸⁸.

«Письмо с отводом», написанное 23 июля 1924 года студентом Ленинградского горного института Масленковым, разоблачало Первутину А., кандидатку в партийную ячейку ЛГУ: «К интеллигентке, да еще дочери купца, желающей вступить в нашу партию, нужно быть особенно требовательным. Тем более, в 1924 году Первутина многократно вымогала у меня, секретаря комиссии Испарта, различного рода бумажки... причем [она] использовала эти документы в личных целях»¹⁸⁹. Кандидатка характеризовалась как приспособленка, чье сознание не имело ничего общего с коммунизмом. В типичной преамбуле к обвинению Масленков заявлял, что написание этого обвинения было его коммунистическим долгом.

Стороне защиты недостаточно было опровергнуть сказанное в отводе. Не менее важным было дезавуировать стоящих за ним. Так, Иван Каличев из Ленинградского комвуза, вычисленный в 1921 году, писал: «Я знаю отлично, что я исключен по мотивам тех бюрократов, с которыми я все время сталкивался за бюрократизм. <...> Они, будучи недовольны на меня...

¹⁸³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 71. Д. 79. Л. 1 об., 105; ЦГАИПД СПб. Ф. 138. Оп. 1. Д. 11. Л. 2.

¹⁸⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 17. Оп. 1. Д. 470. Л. 12.

¹⁸⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 71. Д. 79. Л. 105.

¹⁸⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 1085. Оп. 1. Д. 23. Л. 126.

¹⁸⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 138. Оп. 1. Д. 34. Л. 93.

¹⁸⁸ Там же. Л. 72.

¹⁸⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 1. Д. 58. Л. 39.

представили ложные материалы. <...> Прошу покорнейше... пересмотреть дело»¹⁹⁰. Обвиненный в дезорганизации рабочего процесса в 1920-м году, Двинский из Зиновьевского университета защищался, атакуя: «Этот случай больше не упоминался нигде... [кроме как] в мозгах интриганов и других низких, по моему мнению, людей. Он сохранился [у них] и к случаю был использован. <...> Те же люди, в настоящий момент, удалены из коммунистического движения, исключены из партии и даже некоторые преданы суду»¹⁹¹.

В употреблении были специальные термины для неоправданного доноса – «наговор», «кляуза». Они расценивались негативно, потому что создавали «склоку» в коллективе¹⁹². Партийная пресса предостерегала против практики «разноса». Ленин требовал наказывать за ложные доносы смертной казнью¹⁹³. «Я не могу равнодушно отнестись и к тем нездоровым нравам, которые пытаются укоренить в нашей партии», – говорил член Центральной контрольной комиссии (ЦКК) Иван Бакаев в 1925 году, имея в виду «доносительство»¹⁹⁴. От имени ЦКК Валериан Куйбышев соглашался с ним: «У нас были случаи, когда отдельные члены партии, обвиненные в величайших проступках с точки зрения коммунизма, в конце концов оказывались абсолютно правыми». Например, на одной из железных дорог один коммунист был обвинен в растрате из-за нехватки железнодорожных билетов, которыми он ведал. Так как приговор суда был условный, он, будучи на свободе, через несколько месяцев после суда сумел представить доказательства абсолютной ложности предъявленных ему обвинений. «Нужно было этому товарищу попасть в сумасшедший дом, нужно было пережить неслыханные страдания, для того, чтобы на его дело было обращено внимание, и только тогда с полной очевидностью, без всяких сомнений была установлена ложность доноса на него, и полная реабилитация его в отношении каких бы то ни было партийных или должностных проступков»¹⁹⁵. Но такие случаи ложных доносов «абсолютно редки», уверял Куйбышев. Достоверные же доносы, исходящие от сознательных пролетариев, воспринимались не как источник конфликтов, а как средство их разрешения¹⁹⁶.

2. Обсуждение кандидатур

Обсуждение партийных кандидатур происходило публично. «Для выяснения степени политической зрелости» подавший заявление вызывался на заседание бюро коллектива, причем в случае необходимости вызывались и его поручители. После утверждения на бюро кандидаты, подавшие заявления, обсуждались на общих собраниях коллектива. К обсуждению привлекалось как можно большее количество учащихся в данном вузе. Когда выявлялись противоречащие друг другу оценки, вызывались «здоровые» члены рабочего класса, чтобы отделить заслуживающих доверия от тех, кто злоупотреблял своими полномочиями¹⁹⁷.

24 ноября 1926 года комсомольская организация Ленинградского государственного университета постановила отклонить заявление Кнурт Ф., потому что она отказалась прийти на собрание ячейки, на котором должно было рассматриваться ее заявление о приеме¹⁹⁸. Тот факт, что дело было решено задолго до публичного обсуждения, указывает на то, какую роль играли рекомендации и отводы в обряде посвящения в коммунисты. Кнурт была дочерью служащего,

¹⁹⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. 197. Оп. 1. Д. 354. Л. 20.

¹⁹¹ ЦГАИПД СПб. Д. 197. Оп. 1. Д. 71. Л. 48–49.

¹⁹² РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 1. Д. 3. Л. 138.

¹⁹³ Ленин В. И. Предложения о работе ВЧК // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 37. М.: Политиздат, 1969. С. 535.

¹⁹⁴ Стенографический отчет XIV съезда ВКП(б). Л.: Госиздат, 1926. С. 566.

¹⁹⁵ Там же. С. 537.

¹⁹⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 71. Д. 7. Л. 223.

¹⁹⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1 г. Л. 1.

¹⁹⁸ ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 1. Д. 88. Л. 38–45.

по роду занятий – «студент». Ее заявление дополнялось тремя благожелательными рекомендательными письмами. Практикант стеклозавода находил, что Кнурт «уделяла серьезное внимание общественной работе», а член партии с 1920 года считал, что она «может принести только пользу». Третья рекомендация, подписанная членом университетской партийной ячейки Степановым, утверждала, что Кнурт «энергичный товарищ», который может содействовать работе комсомола. Однако личное дело также содержит более позднее письмо, по сути дела отвод, в котором тот же Степанов отказывался от рекомендации, написанной им для Кнурт несколькими месяцами ранее, так как теперь он считал ее «идеологически невыдержанной». Степанов узнал, что Кнурт «не хочет ходить в политический кружок» и что она «заявляла беспартийным, что... общественная работа делается партийцами менее способными и, как она говорила, бестолковыми».

По всей вероятности, изменение политического образа Кнурт было вызвано общественным обсуждением заявления члена комсомола ЛГУ Волковой В. Ее отвод открывался классической преамбулой: «Получив сведения о том, что товарищ Кнурт старается проникнуть в ряды комсомольской организации, считаю своей как партийной, так и комсомольской обязанностью дать бюро ячейки некоторые сведения, характеризующие данного товарища как человека, которому не место в нашей пролетарской семье».

Волкова подвергла критике политическое развитие студентки:

Зная тов. Кнурт... с 1923 года, не стану останавливаться на том, что переписывали в эти годы наши ВУЗы. <...> Все вы знаете ту творческую работу, которую проводила наша Коммунистическая партия... но перестройка ВУЗов встречала жестокий отпор со стороны консервативных буржуазных профессоров и белогвардейского студенчества, часть которого являлась правой рукой первых. Часть этой белогвардейской сволочи была и у нас на химическом отделении во главе с Файнбергами и Варассовыми, к которым и принадлежала тов. Кнурт. В то время, когда небольшая группировка комсомольцев старалась проводить мероприятия партии, эти Фани Кнурты, Варассовы и компания творили свое контрреволюционное дело. Когда мы входили во все студенческие организации как представители комсомола, они обыкновенно со свойственной им злобой обзывали нас шпионами. Комячейку они иначе не называли как «комищейка». Почти вся эта гниль теперь выметена пролетарской рукой из стен ВУЗов. Говорю «почти» потому, что осколки этого разбитого вдребезги [элемента] существуют и поныне, как, например, тов. Кнурт. Правда, она в 1924 году была исключена из числа студентов вместе со своей бандой, но, благодаря своей пронырливости, восстановилась. <...> В 1924–1926 годах партия организовывала политические кружки в ЛГУ. <...> Ну а что делает в это время тов. Кнурт? Тов. Кнурт, правда, входила в эти кружки, как бы желая работать, а на самом деле ее работа сводилась к подрывательству всех этих начинаний... всякий раз, как только являлась, говорила: «Да, на какой черт, все это нам, мы студенты в этом не нуждаемся. Наше дело – это взять с ВУЗа то, что преподносится с профессорской кафедры, а не заниматься какой-то большевистской политикой», создала у некоторых товарищей пассивное отношение к делу.

Отвод Волковой являлся автобиографическим нарративом, написанным с зеркальной позиции. Законы жанра сохранялись, но цель была прямо противоположна: доказать, что кандидатка никогда не станет сознательным членом партии, а есть и всегда будет контрреволюционеркой. «Комсомол для нее нужен как маска, чтобы скрывать свое настоящее лицо, столь чуждое пролетариату».

Решение Кнурт не посещать собрание, на котором должно было обсуждаться ее заявление, показывает, насколько полной была победа Волковой. Целью церемоний дознания было установить пригодность кандидата, и последний всегда активно участвовал в происходящем. Разговор студента с партячейкой должен был быть похожим на показания свидетеля перед судьей или исповедь перед священником. Студентов убеждали быть честными: «ведите себя как на исповеди»¹⁹⁹.

Ячейка прикладывала неимоверные усилия, чтобы установить степень искренности новых товарищей. Этот процесс хорошо виден на сибирском материале. Обсуждение кандидатов в партию в Томском технологическом институте постоянно возвращалось к событиям революции и Гражданской войны. В Сибири, которая была занята войсками белых с 1918 по 1920 год, это был период военной и политической неопределенности, чрезвычайных испытаний.

Сибирская анкета середины 1920-х состояла из следующих вопросов:

Были ли вы в старой армии? Укажите где, когда, в какой воинской части, в каком чине (звании), в какой должности, сколько времени, принимали ли участие в боях и когда выбыли из армии?

Были ли вы в одной из Белых армий, и какой? Как попали в Белую армию? Когда, где, в какой воинской части, в каком чине (звании), в какой должности, сколько времени?

Принимали ли участие в боях? Когда и как выбыли из Белой армии?

Были ли вы в Красной армии, как поступили, когда, где, в какой воинской части в какой должности, сколько времени пробыли?

Принимали ли участие в боях, когда выбыли из армии?

Были ли в партизанских отрядах или армиях, в каких, где, когда, сколько времени и в качестве кого?²⁰⁰

То, как были прожиты эти военные годы, отделяло истинных сторонников советской власти от симулянтов. Рюмин Н. С. был изгнан из института в 1924 году как «доброволец Колчака в карательном отряде», а Щиржецкий П. Н. – как скрывающий «службу юнкером в старой армии и добровольчество в Белой армии». Шапошникову А. В. указали на дверь за то, что «бежал к белым из Советской России, как подлежащий аресту ЧК, что теперь скрывает, а в 1918 г. ставил себе в заслугу»²⁰¹. У Лебедева Н. в 1927 году потребовали представить справку о вступлении на военную службу при Колчаке по призыву, а не добровольно. «Подобный документ можно получить только на основании документальных данных, которых отчасти в период политического бегства – не сохранилось», – отвечал Лебедев. «Многим известно, что Колчаком был взят [по призыву] 1900 год [рождения] в 1919-м, в феврале, так называемые „цензовики“, а у нас по Оренбургскому войску до 1902 года, следовательно, еще годом моложе меня»²⁰².

Секретарь по студенческим делам института Сазонова А. В. писала в партбюро: «25 июля ко мне на прием пришел бывший студент горного факультета Н. М. Дагаев, исключенный из института весной 1923 г. по предложению Томского ГПУ, и спросил, что ему надо сделать для того, чтобы восстановиться в правах студента. <...> При том он мне предъявил документы о том, что подал заявление на вступление в РКП, прошел ячейку Артемьевского рудника и Минусинский уком. В одном документе его называют уже кандидатом РКП. <...> Так как из предлагаемых копий и выписок видно, что гражданин Дагаев сын попа и сам доброволец учеб-

¹⁹⁹ Воля России. 1924. № 14–15. С. 219.

²⁰⁰ ГАНО. Ф. П-6. Оп. 2. Д. 2763. Л. 45.

²⁰¹ ГАНО. Ф. 1053. Оп. 1. Д. 930. Л. 17, 21–22, 46.

²⁰² ГАНО. Ф. Р-61. Оп. 1. Д. 708. Л. 3.

ной команды Колчака и что все это он нашел нужным в свое время скрыть, то возникает большое сомнение в том, что он... выработал настолько твердую пролетарскую идеологию, что достоин принятия в РКП». Сазонова писала, подозревая, что Дагаев «путем обмана, из карьеристских побуждений, стремится вступить в РКП(б)», и желала «предотвратить его прием» во что бы то ни стало²⁰³.

На этом фоне интересно обратиться к протоколу разбора заявления Клейна Г. М. с просьбой вступить в партийные ряды:

Вопрос: Почему не вступил [в партию] раньше?

Ответ: На рабфаке не вступал, потому что плохо разбирался, считал себя неподготовленным к вступлению в ряды РКП(б).

Вопрос: У тебя есть сестра, большой подпольный работник, как же ты не мог от нее узнать?

Ответ: Был взят на империалистическую войну, был в плену и возвратился в 1917 году, и в 1920 году уехал на рабфак.

Вопрос: К какой партии принадлежала сестра?

Ответ: Я знаю, что в 1917 году была в партии социал-демократов, а в 1918 году вышла из партии.

На собрании потребовалось больше деталей о политической эволюции Клейна. Кто-то предложил: «Пусть выскажутся из Томских товарищей по рабфаку, как он учился и работал [там]». Один из членов ячейки (Мальгин) оценивал кандидата положительно: «Вполне выдержанно проводил линию партии по отношению к профессуре, на рабфаке хорошо учился и потому быстро кончил». Другой (Епифанов) думал иначе: «Принимая во внимание зрелость т. Клейна и работу сестры не могу согласиться, чтобы он ничего не знал. Он знал, но эта категория людей берет власть Советов на выдержку, „если возьмет, то примкну к партии руководящей, а если нет, то чистым останусь“. Лично я против Клейна ничего не имею, наоборот, обаятельная личность, но в партию принять – нужно воздержаться».

Смысл отвода состоял в том, что политическое сознание Клейна, зрелого и образованного человека, должно было сформироваться еще до окончания Гражданской войны. Если Клейну не пришлось в голову подать заявление в партию в период «великого испытания», он был ей чужим. С точки зрения Епифанова, Клейн просто хотел присоединиться к победителям, извлечь выгоду из членства в партийной организации.

Другой присутствующий, Голяков, подверг сомнению аргументы Епифанова. По его мнению, не имело смысла ожидать, чтобы интеллигент в один день стал коммунистом. «Клейн не мог вступить [в партию] сразу, потому что он не воспитывался на производстве, откуда же он мог узнать о партии? <...> Но т. Клейн, работая в общественных организациях, теперь твердо встал в убеждениях и поэтому не прав Епифанов, что нужно отклонить».

Борьба мнений приняла еще один поворот благодаря позиции товарища Попко: «Тогда, когда партии нужны были работники [в Гражданскую войну] и особенно развитые, тогда т. Клейн не пошел в партию. И насчет развития его мне кажется, что нельзя окончить рабфак в первый год, имея образование приходской школы». Попко заключил, что Клейн был уже «развит до вступления на рабфак», поэтому его политическая неграмотность в период Гражданской войны была надуманной. «Пусть Клейн выйдет в производство и там зарекомендует себя, и там вступит [в партию]». Как мы знаем, фабрика умела распознавать настоящих пролетариев.

Рассчитывая уничтожить недостойного кандидата в партию, еще один член ячейки привел смертельный аргумент: «Мне вспоминается, что Клейн показывал анкету на поступление еще в 1920 году на рабфаке». Соккрытие того, что тот уже подавал заявление в партию, доказы-

²⁰³ ГАНО. Ф. 1053. Оп. 1. Д. 1000. Л. 36.

вало, что кандидат – приспособленец. Клейн поспешил парировать обвинение: «Да, подавал, но райком замешкался, и я автоматически выбыл». Однако «голоса с места» не были удовлетворены версией Клейна:

- Почему не указал в анкете?
- Такого вопроса нет.
- А в примечании, почему не указал?!

Последняя графа в анкете требовала от кандидатов информации, о которой их напрямую не спрашивали. «Не заметил» – вот все, что Клейн нашелся ответить.

Один из членов ячейки выразил подозрение многих: «Я думаю, что Клейн не взял билет в 1920 году, потому что было напряженное состояние тогда, я помню случай, когда некоторые побросали билеты, вышли из партии».

Подходя к кандидатуре «с точки зрения социального положения», бюро «нашло возможным принять» Клейна в партию. Голосование на ячейке тоже пошло в его пользу (за – 59). Но неприязнь части партийной ячейки была настолько сильной (против – 23; воздержались – 31), что прием не был утвержден райкомом²⁰⁴.

Процедура вступления в партию контролировалась разными инстанциями, каждая из которых могла приостановить или вообще отменить прием²⁰⁵. В какой-то момент ячейка ЛГУ даже ходатайствовала о том, чтобы каждое дело рассматривало не более шести инстанций²⁰⁶. Даже беглый взгляд на движение дела К. В. Филатова (1924–1926) свидетельствует о характере подобного документооборота:

- Подано заявление о вступлении – 5 апреля 1924
- Бюро партячейки рассмотрело заявление – 22 октября 1924
- Общее собрание партячейки отклонило заявление – 10 ноября 1924
- Бюро вторично рекомендовало вступление – 14 апреля 1925
- Общее собрание утвердило вступление – 16 апреля 1925
- Василеостровский райком утвердил решение ячейки – 19 августа 1925
- Губком запросил характеристику – 2 ноября 1925
- Бюро отправило характеристику в райком – 18 января 1926
- Райком вторично утвердил прием в кандидаты – 17 марта 1926
- Губком аннулировал решение райкома ввиду «недостаточной общественной работы» – 7 июня 1926

Более двух лет потребовалось, чтобы отклонить кандидатуру студента Филатова, тогда как промышленные рабочие получали партбилет в течение полугода²⁰⁷.

Инструкция ЦК «по постановке учета в губкомах, укомах, райкомах и в ячейках РКП» устанавливала порядок, согласно которому велся учет членов и кандидатов в партию, их перемещение по работе и т. д. Учет в ячейках должен был вестись по спискам, ответственность за правильность ведения которых возлагалась на секретаря²⁰⁸. В укомах и райкомах хранились личные дела, состоявшие из анкеты, регистрационной карточки и других материалов. Изъятие какого-либо документа из личного дела допускалось лишь в экстренных случаях и при условии обязательной замены их распиской, в которой говорилось, когда, кем и для чего данный материал был взят. Губкомы вели учет выбывших и прибывших в организацию, учет выданных партбилетов и учет исключенных из партии. Для регламентации всех этих вопросов было

²⁰⁴ ЦДНИТО. Ф. 320. Оп. 1. Д. 7. Л. 26–27.

²⁰⁵ ЦГА ОДМ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 58. Л. 21; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 67. Д. 187. Л. 21.

²⁰⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 1. Д. 148. Л. 148.

²⁰⁷ Там же. Д. 188. Л. 11, 148.

²⁰⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 34. Д. 11. Л. 9–10.

создано «Положение о едином партийном билете», где указывалось, что он является единственным бесспорным удостоверением члена РКП. Номер партбилета сохранялся за членом партии на все время его нахождения в партии, а в случае утери билета выдавался дубликат с тем же номером. Правом выдачи партбилетов обладали райкомы, но их бланки находились на строгом учете Секретариата ЦК²⁰⁹.

Коммунисты часто жаловались на то, что ячейки плохо справляются со своими административными обязанностями. Один из студентов Ленинградского комвуза недоумевал: «При поступлении в университет в сентябре 1923 г. я сдал свое личное дело в секретариат. Через некоторое время я видел его в бюро коллектива университета. Почему меня вызвали в бюро коллектива и попросили заполнить бланки и анкету „для заведения нового личного дела“? Хотя в материалах ячейки значилось „что мое дело сдано в райком РКП“, его там не оказалось, как нет его и в бюро коллектива. <...> Я прошу выяснить вопрос, т. к. считаю, что подобное отношение к документам партийных товарищей ни в коем случае не допустимо»²¹⁰. Другой студент того же вуза также негодовал: «Я не вижу необходимости составления на меня дубликата личного дела, ибо таковые в двух экземплярах уже имеются в райкоме или бюро. При командировании меня в вуз [сентябрь 1922 года] мною было представлено в бюро коллектива личное дело, где находились все аттестации о прежней моей деятельности. Второй экземпляр личного дела был составлен в райкоме центрального района при выдаче мне нового партбилета, 25 октября 22 года. Прошу разыскать указанные дела в райкоме, тем более что в декабре 1923 года, когда меня вызвали в контрольную комиссию, там было мое дело налицо»²¹¹.

Аппарат ячейки комвуза, в свою очередь, хотел быть уверенным в правильном ведении документации. 4 октября 1923 года секретарь одной из ячеек запрашивал Нижнетагильский уком о сведениях на Красилову: «Имеется партбилет, на котором было написано имя, фамилия, и организация красными чернилами, а сверху [что-то] написано черными чернилами. Товарищ указывает, что ей исправили в вашем укоме при встрече. Во избежание недоразумений просим срочно ответить»²¹². А вот телеграмма в Одесский губком (осень 1923 года): «У тов. Школьника имелась на руках кандидатская карточка с 1921 года. На карточке нет отметки о прохождении партчистки и переписи кандидата. <...> По указанному адресу т. Школьником были запрошены материалы, но ответа не последовало». Спрашивалось, был ли Школьник членом партии или только кандидатом²¹³.

XI съезд партии устанавливал кандидатский стаж для рабочих и красноармейцев из рабочих и крестьян «не менее 6 месяцев», для крестьян и кустарей – один год, а для студентов – два года. Пункт партийного устава об уплате кандидатами членского взноса и об их праве посещать открытые общие партсобрания с совещательным голосом оставался в силе. Съезд подчеркивал, что перевод из кандидатов в действительные члены не может производиться «механически». Необходимо было рассматривать каждый раз действительную пригодность переводимого «как со стороны революционной преданности, так и со стороны политической сознательности»²¹⁴. Инструкции Петроградского горкома в марте 1923 года требовали от университетских партбюро проверить, заручился ли кандидат свежими рекомендациями, прошел ли курс политграмоты²¹⁵. Только те, кто следил за партийной прессой и «прорабатывал» решения партийного руководства, могли ожидать обретения статуса постоянного члена²¹⁶.

²⁰⁹ Там же. Д. 16. Л. 116.

²¹⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. 197. Оп. 1. Д. 22. Л. 46.

²¹¹ Там же. Л. 45.

²¹² Там же. Д. 447. Л. 7.

²¹³ Там же. Л. 9.

²¹⁴ Одиннадцатый съезд РКП(б). С. 550.

²¹⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1 г. Л. 1–2.

²¹⁶ ЦГА ОДМ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 32. Л. 81–93; РГАСПИ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1. Л. 18.

3. Испытания

Идея о том, что партия должна проводить кандидатов в ее члены через «испытания», зародилась еще в Гражданскую войну. Институт «сочувствующих», внедренный в 1918 году, создавал буфер между сообществом избранных и остальным населением. «Сочувствующие» имели право голоса в отношении проблем местного масштаба. В общеполитических вопросах у них был только совещательный голос. Сначала вступление в ряды «сочувствующих» было простым: рекомендаций не требовалось, и даже несогласие с отдельными пунктами в тактике большевиков не считалось непреодолимым препятствием. Кроме того, пребывание в кругу «сочувствующих» было не всегда обязательным для вступления в партию. Надежные представители пролетариата могли перескочить эту ступень. Осенью 1918 года местные парторганизации начали ограничивать ряды «сочувствующих», принимая только тех, кто доказал знакомство с партийной программой. К концу Гражданской войны институт «кандидатов» заменил прежнюю когорту «сочувствующих». Постепенно была создана трехступенчатая система: вступающий сначала становился «сочувствующим», затем «кандидатом» и только затем полноправным членом партии. Наконец, VIII партсъезд установил обязательный статус «кандидата» – партия получала возможность изучить человека на протяжении определенного отрезка времени и отменила институт «сочувствующих»²¹⁷.

Студент, признанный «чужим» для партии, получал от последней прямой и безапелляционный отказ. История неудачной попытки хранилась в партийных бумагах и могла превратиться в компромат, если тот или иной студент пытал свое политическое счастье в другой парторганизации. Нашедшим же правильный путь, но все еще нуждавшимся в развитии предлагалось подать документы вторично и по прошествии определенного времени. В таких случаях обычно говорилось о том, что кандидат «недостаточно развит». На заявления о вступлении в партию в Ленинградском институте путей сообщения в 1923–1924 годах накладывались следующие резолюции: «Отклонить. Предложить подготовиться по политграмоте и истории РКП(б)» или «Внести на утверждение коллектива и обязать пройти в кружках коллектива историю РКП(б)»²¹⁸. Одного из студентов Томского технологического института задержали в кандидатах, «чтобы он больше проявил себя» (1928)²¹⁹.

Только политически сознательные и грамотные кандидаты в партию могли стать ее членами. Несмотря на то что студент Константиновский из Ленинградского комвуза вел себя как настоящий большевик и в 1918 году примкнул к красным во время Гражданской войны на Украине, он вступил в партию только после того, как «окончательно оформился». Время его вступления – партийная неделя в ноябре 1919 года, совпавшая с мобилизацией новобранцев на фронт, – доказывало, что Константиновский был должным образом идеологически мотивирован.

Заявки о переводе в действительные члены партии должны были исходить от самих кандидатов. Когда в 1921 году стало ясно, что Соболев Ф. И. из Смоленского политехнического института задержался в кандидатском статусе, появились подозрения, не выжидал ли он, кто победит в Гражданской войне, прежде чем закрепить свой политический выбор. По мнению его друзей и сторонников, «долгое нахождение тов. Соболева кандидатом РКП» оправдывалось «частым откомандированием из одного учреждения в другое, где он попадал в новую обстановку и неизвестную среду». Один из членов ячейки обеспечил положительный результат рассмотрения этого дела, подчеркнув пролетарское происхождение Соболева, «продолжи-

²¹⁷ Правда. 1918. 3 сентября, 24 ноября, 8 декабря; Известия ЦК РКП(б). 1919. 2 декабря; Восьмая конференция РКП(б). М.: Политиздат, 1961. С. 140; ЦГАИПД СПб. Ф. 1. Оп. 1. Д. 332. Л. 1–2.

²¹⁸ ЦГАИПД СПб. Ф. 1085. Оп. 1. Д. 13. Л. 35.

²¹⁹ ЦДНИТО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1065. Л. 28 об.

тельную и ответственную службу в особом отделе 53 дивизии» и «активное участие в подавлении Кронштадтского мятежа»²²⁰.

Вникнуть в нюансы партийной процедуры можно, проследив за мытарствами Виничека А. М. из Томского технологического института. 30 января 1926 года бюро ячейки ВКП(б) института рассматривало вопрос о его переводе из кандидата в члены партии. 34-летний студент «из крестьян» Виничек рассказывал о том, что служил три года в Красной армии, был в сражениях, затем учился два года на Омском рабфаке. Кандидатом партии Виничек стал еще в 1920 году, так что все сроки его перевода в постоянные члены партии давно истекли. Кто был в этом виноват? Можно было винить студента, но и бюро не действовало достаточно активно.

Виничек объяснил, что так долго был кандидатом в партию потому, что у него «не было поручителей». На Омском рабфаке «меня очень мало знали», а в Красной армии «в моей части было очень мало коммунистов». На это последовал ответ о том, что хотя «нет веских причин для перевода, но в то же время кандидатский стаж перешел все сроки». «Я думаю, что товарищ сам сознается, что отнесся к себе небрежно», – добавил один из членов ячейки. Виничек ответил: «Нет, не небрежно», после чего тот же партиец спросил: «Ты, значит, не признаешь себя виновным в халатности и мотивируешь это тем, что не мог устроиться официально?» В последующие прения – на редкость оживленные и продолжительные – были вовлечены все члены бюро. Были зачитаны рекомендации: «Две говорят с минусом, а две с плюсом, и одна не то, и не то».

«Ну, как, товарищи?» – спросил секретарь партячейки Кликунов. Далее ход собрания развивался следующим образом:

Кликунов: Ну-с, дорогие товарищи, личность вам его ясна или требуются еще какие-нибудь сведения?

Голос: Нет, не требуются.

Кликунов опять зачитал анкеты: «Со стороны социальной подходящий» – на этот счет все соглашались.

Петухов: Может ли быть, чтобы в армии не было партийцев?

Виничек: У меня имеются документы подтверждающие, что я написал, дело ваше, я особенно не настаиваю.

Кликунов: Физиономия ясна. Давайте предложения.

Соловьев: Воздержаться.

Голоса: Что значит воздержаться?

Бюро было обязано принять четкое решение. Виничек признался, что подал анкету только после вызова на бюро. «Его поторопили», – язвительно заметил Кликунов. Виничека исключили – единогласно²²¹.

Через три месяца Виничек вновь предстал перед ячейкой (4 мая 1926 года).

Кандидат признал, что общественную работу в Омском рабфаке не вел потому, что «свои учебные занятия совмещал со службой в Красной Армии», где был назначен секретарем военкома. Частую переброску объяснял «стратегическими соображениями». Из армии уволился как рядовой. Раньше не перевелся в члены партии ввиду «частой перемены моей службы и не именем поручателей». Виничек спрашивает: «Почему бюро применило меру наказания „только исключить“?» – «Бюро долго билось над этим вопросом, – последовал ответ Кликунова, – и у него не образовалось ясного представления на сообщение Виничека о том, что он „не мог перевестись, потому что был в полном отчуждении“ и т. д. Трудно представить, что

²²⁰ Очерки истории смоленской организации КПСС: В 2 т. Т. 1 / под ред. Д. И. Будаева. Смоленск: Московский рабочий. Смоленское отделение, 1985. С. 117; Правда. 1921. 27 марта.

²²¹ ЦДНИТО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 747. Л. 20.

Виничек, пребывая 5 лет в партии, упускает вопрос о своем переводе в члены. Если возьмем кроме полосы отчуждения Омский рабфак, на котором товарищ пробыл 2 года, и тоже там не позаботился перевестись. Дальше товарищи рекомендуемые... которые так сильно расписывают, что знают его психологически, идеологически и т. д. Но, по-моему, это все дуто. Дальше работа его в парткоме тоже неважна – он не зарекомендовал себя как... дисциплинированный товарищ».

Акишев, работавший с Виничеком в парткоме, поддержал строгость решения бюро, заметив, что тот «плохо относился к своим обязанностям». «Его никогда нельзя было заставить». «Встречаясь с товарищами, он никогда не говорил о своем переводе в члены, совершенно не интересовался общественной работой», – добавил Брукер, знавший кандидата по Омскому рабфаку. «Тов. Виничек страшный индивидуалист», – суммировал Субботин.

Другой же член ячейки посчитал такие нападки мелочными: «Т. Виничек был 5 лет в Красной армии, а сейчас росчерком пера его хотят исключить из партии. <...> Относительно индивидуализма – это неправильно. К тов. Виничеку я несколько раз обращался в трудные дни, и он никогда не отказывал. Не такой он индивидуалист как его рисуют».

Щербаков: Виничек уживчив, хоть с кем. <...> Также нужно принять во внимание, что товарищ был добровольцем в Красной армии.

Голос с места: Добровольцем бывают на фронтах, а не в штабах да канцеляриях.

Один из членов бюро служил в Красной армии и знал: «...там условия вступления в партию очень трудны. Не постоянство в службе не дает возможности хорошо познакомиться со всей обстановкой и партийным товарищам, а если взять во внимание полосу отчуждения, то там в особенности».

Зайкин был членом бюро, пропустившим обсуждение дела, о чем сожалел. «Я знал Виничека в Омском рабфаке как хорошего товарища, – заявил Зайкин. – Он мне много рассказывал о своей службе в Красной армии. Когда был голод, то многие рвали свои билеты, а тов. Виничек вступил в партию, что говорит, что он был стоек в своих шагах. <...> Виничек не любит навязываться и мозолить глаза партии, и исполбюро мало на него обратило внимания как на кандидата. <...> Он мне говорил, что если его исключат, то он будет ходатайствовать перед высшими инстанциями о восстановлении».

Получалось, что во всем виновато партбюро. «Оно недостаточно обратило внимание на тов. Виничека, – согласился Долгов, – не учло политического развития [кандидата], а параллельно с этим и выделение [его] на ту или другую работу. Нужно было раньше основательно обратить внимание, а потом выносить исключение». Костылюк тоже винил партбюро: «Все, выступающие против... не осмелились раньше донести до сведения парторганизации о плохом отношении Виничека к своим обязанностям. По-моему, это есть просто продолжительное собрание [компрометирующих] материалов к определенному моменту, на Виничека».

Полонский напомнил о партуставе: «Партия исключает лиц, которые подходят к следующим статьям: чуждые (присосавшиеся), организовано не подходящие и пассивные. Перед нами тот, кто относится к последней группе, – пассивных. Что партия с ними делает? Она делает их активными, а не исключает».

Руководство комячейки попало под удар, и Кликунову пришлось выступить с прокурорской речью: «Совершенно не прав т. Кусанов, защищая не обоснованными фактами т. Виничека. Если у Виничека есть революционные, героические подвиги, то это не говорит, что его нельзя трогать. Т. Щербаков тоже ничего не сказал. Говорил о героических подвигах в армии, а их не архи-как-много у тов. Виничека. Не прав т. Зайкин, говоривший, что рвали билеты и т. д. Красная армия гнала белую свору. Такого состояния в армии не было. <...> Да, мы его причислили к пассивным, но где он проявил себя?»

Последнее слово протокол оставил Виничеку. «Некоторые говорят „по личным счетам“, – заявил он, – а работал я в профкоме на самом деле прилежно. Дальше Кликунов, но я не знаю, откуда он взялся? Если бы нас не было в 18 году, то, наверное, Кликунова здесь тоже не было бы».

Голосование Кликунов и бюро проиграли: за предложение исключить Виничека из рядов ВКП(б) проголосовали 28 человек, за перевод из кандидатов в действительные члены партии – 61²²². Партбюро пользовалось авторитетом, но устав видел в собрании решающую инстанцию. Шансы были изначально неблагоприятны для партбюро: несмотря на неуверенность в том, как характеризовать политическую «физиономию» Виничека, от него требовалось озвучивать общую позицию. Основывая рекомендацию к исключению на процедурных моментах, Кликунов поставил себя под удар. Формальности сковывали всех, а их интерпретация в данном случае была спорной. Виноват ли был Виничек, который так долго не просил о переводе в полные члены партии, или вина все же лежала на бюро, которое пустило все на самотек?

Конечно, регламент далеко не всегда играл столь принципиальную роль. Чаще причины, задерживавшие переход в полноправные члены партии, носили этико-политический характер. Именно эти резоны отразились на судьбе Кузнецова А. П., ученика железнодорожного депо, направленного партией учиться на Томский рабфак. В Гражданскую войну он «участвовал в политических и экономических стачках, сидел в тюрьме за дезертирство у Колчака». И все-таки при обсуждении 22 мая 1925 года оказалось, что ячейка не спешит переводить его в статус полноправного члена партии. Один из членов ячейки Волохов выступил с репликой о том, что «Кузнецов подделывается под мещанский стиль в смысле одежды». При этом возник вопрос «относительно взаимоотношений коммуниста к женщине, и связи с мещанскими барышнями – в чем некоторыми был замечен Кузнецов». Его ответ «Какая попалась, поддалась, ту и бери, пользуйся» был расценен партсобранием как «нетактичный». Протокол сжато передает следующее: «Т. Кузнецов, спохватившись, поправляется, доводя до сведения собрания, что знаком с Бебелем – „Женщина и социализм“. По этому вопросу согласен, на женщину надо смотреть как на товарища». За перевод Кузнецова проголосовало большинство: за – 50 человек, против – 2, воздержались 16²²³.

Еще один пример. Прошлое Булаева казалось безупречным – он избежал военной мобилизации Колчака 1919 года, «скрываясь без док<ументов> на железной дороге». При обсуждении возможного перевода этого томского студента в члены партии 24 октября 1927 года кто-то все же нашел нужным расспросить его о возможном участии в самочинных расстрелах летом 1921-го, при подавлении крестьянского восстания²²⁴.

На общем собрании в Томском государственном университете 28 мая 1928 года главным вопросом была позиция по внутривнутрипартийным делам. У Никонова А. А. спросили: «Были ли неясности в вопросах оппозиции?» – «Были неясности, но когда прочитал, все стало понятно».

Куропаткин С. Г. подвергся сходному опросу:

- Какие были разногласия по НЭПу, и почему вышел из партии?
- Нас ушло 8-10 человек, потому, что я скажу, мы были политически безграмотными.
- Имелись ли колебания насчет оппозиции?
- Колебаний не было, а были неясности, а потом, когда поспорил, говорили между ребятами, стало все ясно.

²²² ЦДНИТО. Ф. 320. Оп. 1. Д. 13. Л. 21–22.

²²³ Там же. Д. 7. Л. 6–7.

²²⁴ ЦДНИТО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 761. Л. 185.

У обоих кандидатов «не было оппозиционных уклонов», и их перевели в члены партии единогласно²²⁵.

Заявления о переводе в полные члены РКП курировались секретарем партколлектива, который предоставлял для утверждения в райком заключение общего собрания коллектива о кандидатурах со всеми сопутствующими материалами – заявлением, рекомендациями, отводами, если такие были, выписками из протоколов и личным листком кандидата. Обязательно указывался кворум, количество голосовавших за, против и воздержавшихся при голосовании²²⁶. Райком утверждал анкету и передавал материал в губком на окончательное рассмотрение и регистрацию. Только по окончании этой процедуры перевод в полные члены партии считался действительным²²⁷.

* * *

Подведем промежуточный итог. Вступление в партию было как дискурсивным, так и политическим испытанием. Оба аспекта были неотделимы друг от друга – способность студента умело изложить свою автобиографию посредством коммунистической поэтики сильно влияла на его шансы пройти испытание, утвердив положительный социальный образ. Но в то же время важно было заручиться поддержкой в ячейке, иначе к любому самопредставлению можно было придаться. Самые неожиданные кандидатуры получали партбилет в 1920-х годах, и самые многообещающие с треском проваливались.

²²⁵ ЦДНИТО. Ф. 115. Оп. 2. Д. 13. Л. 14.

²²⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1 г. Л. 1.

²²⁷ Там же. Д. 55. Л. 50–51.

Глава 2

Агнцы и козлища

Октябрьская революция выражала себя в первую очередь не в политических, а в социальных терминах. Она свергла эксплуататорские классы, свершившись от имени пролетариата. Российское общество было изменено до неузнаваемости. Экономическая мощь помещиков и капиталистов была подорвана в результате насильственной экспроприации. Уже в первый день прихода к власти большевиков был принят Декрет о земле, согласно которому частная собственность на землю отменялась навсегда, помещичьи земли отбирались без всякого выкупа и передавались в безвозмездное пользование трудящихся. В период Гражданской войны была полностью уничтожена и до того немногочисленная буржуазия. Сильно поредели и ряды интеллигенции. Первые же конституционные документы Советской республики юридически закрепили победу, провозгласив лишение эксплуататоров политических прав. Представители «чуждых» профессий – жандармов, служителей культа, частных торговцев и их детей – назывались лишенцами, так как в соответствии с конституцией РСФСР 1918 года у них не было права голоса²²⁸.

Однако большевики соглашались с тем, что социалистическая революция не могла сразу уничтожить эксплуатацию во всех отраслях народного хозяйства. Его различные сферы, утверждали они, находились на разных ступенях развития, не во всех из них имелись экономические предпосылки, необходимые для ликвидации эксплуатации. В 1921 году большевики признали эти трудности. Из Гражданской войны и сопутствовавшей ей разрухи пролетариат вышел, по словам Ленина, «ослабленный и до известной степени деклассированный разрушением его жизненной основы – крупной машинной промышленности». Более миллиона рабочих уехало в деревню и превратилось в крестьян или покинуло заводы, чтобы занять управленческие должности в новых государственных органах. Многие из рабочих разочаровались в большевистской власти, свидетельством чему стало восстание в Кронштадте²²⁹.

Партия была вынуждена пойти на уступки и ввести НЭП – экономическую систему, которая допускала некоторое развитие капиталистических элементов при сохранении командных высот народного хозяйства в руках советского государства. Ленин провозгласил сущностью НЭПа укрепление союза рабочего класса с крестьянством на экономической основе, установление связи социалистической промышленности с мелкотоварным крестьянским хозяйством через широкое использование товарно-денежных отношений и вовлечение крестьян в социалистическое строительство²³⁰. Введение НЭПа вызвало очередное изменение социального образа жизни. Наиболее колоритными фигурами того времени были представители новой буржуазии – «нэпманы». В каком-то смысле эти люди определяли лицо эпохи, но они находились за пределами советского общества – не могли стать членами профсоюза, учиться в университете или претендовать на партийный билет. Численность рабочих увеличилась, а их материальное положение улучшилось. Повысилась заработная плата, вплотную приблизившись к довоенному уровню. Однако рост уровня жизни тормозили высокие цены, нехватка жилья и нарастающая безработица. Уравнительный передел земли, а также политика сдерживания при помощи налогообложения роста зажиточных хозяйств привели к «осереднячиванию» деревни.

²²⁸ *Alexopoulos G.* Stalin's Outcasts: Aliens, Citizens, and the Soviet State, 1926–1936. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2003.

²²⁹ *Fitzpatrick S.* The Bolsheviks' Dilemma: Class, Culture, and Politics in the Early Soviet Years // *Slavic Review*. 1988. Vol. 4. P. 599–613.

²³⁰ *Ленин В. И.* Планы проекта наказа от СТО // *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. Т. 43. М.: Политиздат, 1970. С. 398; *Ленин В. И.* Письмо В. М. Молотову для пленума ЦК РКП(б) с планом политдоклада на XI съезде партии 23/III.1922 // Там же. Т. 45. М.: Политиздат, 1970. С. 60–61.

Крестьяне выражали недовольство существовавшими в «государстве диктатуры пролетариата» политическими ограничениями для жителей деревни. Еще одним социальным итогом НЭПа стало увеличение чиновничье-бюрократического аппарата. В 1917 году в учреждениях работало около 1 млн чиновников, в 1921 году – уже 2,5 млн. Большевики не слишком ценили этих людей, считая, что они работают на советскую власть ради привилегий, прежде всего ради продовольственного пайка²³¹.

Классовый дискурс насковозь пронизывал повседневность советских университетов этого времени. Через него смотрели на мир партячейки, административные органы, социологи, психологи и, конечно же, сами студенты. Класс представлял собой сложную систему значений, требующую бережного обращения. Статистики собирали сведения о классовом составе всех образовательных учреждений, а также функционировавших в них ячеек РКП(б). Классовая принадлежность была главным аргументом при решении многих практических вопросов: поступление в вузы, распределение пайков и, что особенно важно в нашем контексте, прием в партию²³².

Хотя можно было оспаривать то или иное применение классового маркера, классовый язык как таковой находился вне критики. В архивах сохранились лишь редкие исключения, например ремарка Баско, учительницы Тяжинской железнодорожной школы, которая не могла уяснить: «Советская страна пролетарская, ученики все в ней пролетарии, учителя пролетарии, доколь же мы будем это твердить, бедняк, батрак, середняк, кулак?!» Партия охарактеризовала заявление Баско как «вывих»²³³. Не посчастливилось и Якову Водопьянову, не допущенному в 1927 году в Сибирский технологический институт. «[Неправильно дискриминировать меня] только за то, что я ребенком... жил на иждивении человека, служившего при царизме станционным жандармом, – возмущался Водопьянов. – Ссылаться на качества родителей я считаю криком: „наши предки Рим спасли“, и вообще говоря, за отца конокрада сына бьет только самосуд темной деревни»²³⁴.

Исключенная из Томского государственного университета как «социально чуждый элемент» Чистосердова А. С. тоже не могла понять «истинного значения» классового принципа: «Если происхождение наше кладет на нас печать отчужденности или родственности, то ведь много можно указать примеров, когда происхождение не мешало быть студентом, и даже стоять у власти. Да виновны ли мы в том, кто наши родители? Каждый ответственный за свои дела, за свои ошибки. А положение женщины еще неопределенной. Она все еще не имеет своих прав. Сначала она носит фамилию отца, от него получает поддержку моральную и материальную. Выходя замуж, меняет фамилию и получает все от мужа. Не меняется ли с этим и социальное положение, и все права? Умирает муж (муж Чистосердовой был врачом, который заразился от пациента и умер. – И. Х.), тут она получает полную независимость, самостоятельность, и вместе с тем полную отчужденность от родных. Тут уже никто не считает обязанным помочь ей... от отца она, как говорит мудрая поговорка, „отрезанный ломоть“». Чистосердова не считала «себя чуждой труду» и уверяла, что «поступила в университет с единственной целью быть полезной народу»²³⁵.

С марксистской точки зрения капиталистический тип хозяйства разделил общество на буржуазию и пролетариев. Предполагалось, что, когда сотрутся границы между умственной и физической работой (интеллигенция и рабочий класс), а также между аграрным и индустриальным трудом (крестьяне и рабочие), промежуточные классы исчезнут. Но пока НЭП

²³¹ Ball A. M. Russia's Last Capitalists.

²³² Kimerling E. Civil Rights and Social Policy in Soviet Russia, 1918–1936 // Russian Review. 1982. № 1. P. 27–41.

²³³ ГАНО-П. Ф. П-981. Д. 21. Л. 21.

²³⁴ ГАНО. Ф. Р-61. Оп. 1. Д. 708. Л. 266.

²³⁵ ГАНО. Ф. 1053. Оп. 1. Д. 925. Л. 103–104.

поощрял классовое разнообразие, сохраняя широкий спектр социальных групп и прослоек, которые обобщенно назывались мелкой буржуазией. Именно в присутствии на исторической сцене «промежуточных классов» – в основном крестьянства и интеллигенции – большевики видели причины отсталости национальной экономики. Однако эти социальные группы необязательно были антагонистичны рабочему классу, они вполне могли оказаться союзниками в деле освобождения труда. Ленин неоднократно повторял в 1921–1922 годах, что их сотрудничество необходимо для построения бесклассового общества.

Двойственность в отношении союзников рабочего класса легко заметить, глядя на постоянно менявшиеся правила приема новых членов в партию. В одни периоды прием ограничивался только индустриальными рабочими, в другие – разрешался набор крестьян-«неэксплуататоров» и «трудящейся интеллигенции», иногда, правда совсем редко, он даже приветствовался. Ни один студент не представал перед приемной комиссией без классового ярлыка. Этот вопрос в анкете был в числе первых. Заявления, автобиография, рекомендательные письма, все материалы дела – везде он, так или иначе, фигурировал. Представитель пролетариата обычно писал, что хочет присоединиться к партии, выражающей интересы его класса. Крестьянин или интеллигент, как правило, утверждали, что желают помочь рабочему в борьбе за освобождение. Отпрыски «лишенцев» не могли претендовать на членство в партии, не доказав, что они полностью порвали связь с классово чуждыми родителями.

Таблица 1. Социальный состав зачисленных в ПГУ, 1921–1926 годы

1921–1922	1922–1923	1923–1924	1925–1926
Дети крестьян — 1558	Крестьяне — 779	Крестьяне и их дети — 449	Крестьяне и их дети — 155
Дети купцов — 361	Купцы — 15	Дети лиц, живущих нетрудовыми доходами, — 19	—
Дети лиц духовного звания — 327	Лица духовного звания — 20	—	—
Дети чиновников — 735	Советские служащие — 54	Советские служащие и их дети — 1788	Служащие и их дети — 127
Дети рабочих — 110	Рабочие — 93	Рабочие и их дети — 436	Рабочие и их дети — 136
—	Низшие чины — 55	—	—
Дети низших чинов — 108	Трудовая интеллигенция — 152	Прочих профессий — 180	Интеллигенция и дети интеллигенции — 62
Дети почетных граждан — 592	Почетные граждане — 189	—	—
Дети мещан — 1396	—	—	—
Дети учителей — 506	—	—	—
Дети дворян — 285	Дворяне — 61	—	—
—	Ремесленники — 82	—	Ремесленники и их дети — 42
—	—	—	Нетрудовые и их дети — 3
—	Не определено — 745	—	—
Всего 5978	2245	2872	525

Источник: ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 1. Д. 90. Л. 2–7; Д. 120. Л. 44; История Ленинградского университета. 1819–1969. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1969. С. 254. Прочерки означают отсутствие категории в данном источнике.

Партия рассматривала себя как однородное тело, а не гетерогенное множество людей с разными классовыми корнями. Большевистское руководство наставляло собравшихся на IX партийной конференции в 1920 году, что различать членов партии можно разве что по «степени их сознательности, преданности, выдержанности, политической зрелости». Отметались все попытки «проводить различие между членами партии по какому-либо другому признаку: верхи и низы, интеллигенты и рабочие»²³⁶. На X партийном съезде повторяли: «Раз мы приняли человека в партию – какого бы он класса ни был – он такой же член партии как все осталь-

²³⁶ Девятая конференция РКП(б). С. 276–277.

ные»²³⁷. И все-таки РКП не превращалась в плавильный котел, которым стремилась стать. Отрицая разделение партийцев на выходцев из рабочего класса и других социальных слоев, делегаты XII партийной конференции (август 1922 года) все еще волновались по поводу пестроты состава партии, столь опасного во время НЭПа²³⁸.

Советские социологи определяли класс как «совокупность» людей с одинаковым отношением к средствам производства²³⁹. Но как определить классовую идентичность конкретного, отдельно взятого человека? В 1921 году ректор ПГУ в письме просил уполномоченного по делам петроградских вузов И. Невского дать указания местным комиссиям, как проводить в жизнь классовый отбор, «какими реальными данными руководствоваться, оценивая классовую физиономию кандидата»²⁴⁰. По партийной статистике начала 1920-х, очевидны огромные трудности с классификацией социальной сущности студентов. Сборная солянка из сословных и профессиональных категорий превращалась в упорядоченный строй очень медленно. Протоколы приемной комиссии Томского государственного университета в 1921 году учитывали «сословие» («мещане», «крестьяне», «казаки», «почетные граждане», «разночинцы») и «род занятий» («учащиеся», «канцелярская работа», «физическая работа», «техническая работа», «педагогическая работа», «смешанная»)²⁴¹. В Петроградском государственном университете неразберихи было еще больше.

Данные, собранные в *таблицу 1*, отражают историческое воображение авторов, которые хотели показать, как постепенно приходит понимание новых социальных норм и категорий. Так, те, кто в 1922–1923 годах описывались как «купцы», в 1924 году уже переосмысливались как «лица, живущие нетрудовыми доходами» – статистики осознали, что никаких купцов в советской России быть не должно. Пример с духовенством был еще более ярким: в 1924 году «лиц духовного звания» просто не могло быть, поэтому они не учитывались в принципе (то же с «дворянами» и «почетными гражданами»). Категория «чиновники» тоже переосмысливалась. К 1923 году составители университетской переписи настаивали, что никаких других чиновников, кроме «советских служащих», быть не может. В то же время НЭП заставил признать существование «купцов», но власть требовала выявить отношение к ним как «живущим нетрудовыми доходами», подчеркивая, что они – социальная аномалия.

Таблица 2. Социальный состав зачисленных в ПГУ, 1922/23 учебный год (три системы классификации)

²³⁷ Десятый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М.: Госполитиздат, 1963. С. 281.

²³⁸ Об укреплении партии в связи с учетом опыта проверки личного состава ее // Спутник коммуниста. 1922. № 10. С. 88–90.

²³⁹ Солцев С. И. Общественные классы: Важнейшие моменты в развитии проблемы классов и основные учения. Пг.: Издательство О. Богдановой, 1923. С. 203; Горев Б. Некоторые проблемы марксистской теории классов // Под знаменем марксизма. 1923. № 10. С. 243.

²⁴⁰ ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 1. Д. 276. Л. 128.

²⁴¹ ГАНУ. Ф. 1053. Оп. 1. Д. 345. Л. 46–57.

<i>Социальное происхождение</i>	<i>РКП</i>	<i>Наркомпрос</i>	<i>Петроградская правда</i>
Крестьяне	779	603	689
Купцы или дети купеческого звания	15	20	16
Дети лиц духовного звания	20	23	19
Рабочие	93	80	—
Дети рабочих	—	—	28
(Почетные) граждане	189	87	62
Дворяне	—	—	61
Дети дворян	61	50	—
Низшие советские служащие	55	30	12
Дети советских служащих	—	—	35
Ремесленники	82	—	—
Трудовая интеллигенция	152	58	13
Дети трудовой интеллигенции	—	96	107
Мещане	—	570	595
Дети рабочих, крестьян и ремесленников	—	50	—
Бывшие офицеры	—	—	5
Дети бывших офицеров	—	22	15
Социальное обеспечение не выяснено	799	350	959
Всего	2245	2039	2616

Источник: ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 1. Д. 90. Л. 2–7; ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 1. Д. 276. Л. 160; Петроградская правда. 1922. 24 декабря. Есть несколько возможных объяснений количественных нестыковок: а) в некоторых случаях включались студенты-выпускники, в других их не считали; б) некоторые источники относятся ко всем зарегистрированным студентам, другие – только к посещающим занятия; в) в некоторых случаях учитывались и посетители рабфаков.

Наличие трех различных описаний студентов Петроградского университета в 1922/23 учебном году указывает на классификационный разброд (*таблица 2*).

Эта таблица говорит нам не об объективных реалиях, характерных для Петроградского государственного университета, а об оптике тех, кто пытался вписаться в зыбкие статистические рамки. Непонятно было не только кого и в какую именно графу вписывать, но и по какому принципу вообще создавать эти графы, какие классификационные схемы использовать. Важна ли была в первую очередь сословная принадлежность? Может, важнее было учитывать уровень доходов? Или профессию? Отношение студентов к средствам производства также нельзя было различить с первого взгляда.

Социальная статистика не подлежит очевидному прочтению. Дело не столько в том, что данные фальсифицировались, – проблема состоит скорее в преобладании количественного аспекта над качественным. Фиксация на количественных показателях отвлекает нас от тех категорий, которые структурировали саму информацию. Беспokoясь по поводу достоверности приведенных цифр, мы теряем из виду принцип, по которому они собирались. Так как нас интересует не уровень пролетаризации партии, а логика, за ней стоящая, статистические таб-

лицы 1920-х годов надо рассматривать как своеобразный текст, подлежащий дешифровке²⁴². Сконструированный характер классовой «физиономии» студенчества наводит на мысль, что статистика являлась одним из инструментов создания нового мира. Вместо того чтобы забрасывать сети и обнаруживать в них пролетариев, статистические бюро превращали в них студентов с самым разным сословным или профессиональным прошлым.

Вышеприведенная таблица показывает, что партбюро ячейки РКП(б) активно размышляло, кого причислять к категории «мещане», которая с марксистской точки зрения была особенно обтекаемой, учитывая, что «мещанство» читалось как в социологическом, так и в этическом регистре. Появление категорий «низшие советские служащие» и «ремесленники» стало результатом этой рефлексии – тут выделялись отчасти революционизированные или пролетаризированные части мещанства. Стоит обратить внимание и на то, что статистики Наркомпроса не были новаторами своего дела – они предпочитали опираться на старые и хорошо знакомые сословные категории. При этом статистик Наркомпроса проводил границу между работающими и их детьми, как бы говоря, что о многих студентах пока приходится судить лишь по их родителям. (Социальное положение определялось по родителям лишь в том случае, если студент на момент поступления в вуз не вел самостоятельной жизни²⁴³.)

М. Б. Рабинович, тогда студент Петроградского университета, позднее вспоминал, что 1923/24 учебный год был переломный: «Если до весны этого года еще часто встречались студенты старого типа... то потом все стало меняться. <...> Все чаще появлялись студенты нового облика, и внешнего и внутреннего». Рабинович считает общую «студенческую чистку» 1924 года, «избавившую» университет от «чуждого» элемента, рубежной. «Те, кого комиссия признала „чуждым“, т. е. дети купцов, дворян, царских чиновников, офицеров и т. д., – безжалостно исключались из университета. Спокойно стояли у дверей комнаты, в которой заседала комиссия, только те, у кого в анкете было написано: рабочий, крестьянин-бедняк, батрак»²⁴⁴. Университет покинули преимущественно отпрыски «лиц интеллигентских профессий» и «лиц религиозного культа», а также дети «кустарей» и «лиц нетрудовых доходов». Список отчетливо указывает на перевод сословных категорий в классовые – ярлык, причислявший к старорежимным сословиям, превращался в волчий билет²⁴⁵. Методы категоризации студентов были, однако, достаточно подвижны: рабочие превращались в «детей белых офицеров» или «царских чиновников», если они были политически неблагонадежные, а отличившиеся большевики оставались в студенческих рядах даже при наличии информации о том, что их родители использовали наемный труд. Статистика по чистке не передавала объективную социологическую реальность, а прочтение классового профиля постфактум являлось результатом борьбы за метод описания.

В партийной статистике социологическая упорядоченность появилась гораздо раньше. Резолюция ЦК 1919 года утверждала, что правильно вести статистику возможно только при введении единообразной системы контроля партийных сил²⁴⁶. «Статистика в партийной организации имеет громадное значение. Чтобы правильно учесть, проконтролировать и распределить партийные силы, без статистики обойтись невозможно», – соглашалась инструкция «по проведению учета членов РКП Петроградской организации» от 1920 года. Личный листок организационно-распределительного отдела ЦК РКП (единый партийный билет) начала 1920-х годов определял «социальное происхождение» как «прежнее сословие, звание, состояние и

²⁴² *Hacking I.* Biopower and the Avalanche of Printed Numbers // *Humanities in Society*. 1982. № 3–4. P. 293.

²⁴³ ГАНО. Ф. 1053. Оп. 1. Д. 1000. Л. 320.

²⁴⁴ *Рабинович М. Б.* Воспоминания долгой жизни. СПб.: Европейский дом, 1996. С. 84–85.

²⁴⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1118. Л. 185, 194; *Купайгородская А. П.* Высшая школа Ленинграда в первые годы советской власти (1917–1925 гг.). Л.: Наука, 1984. С. 131; *Рожков А. Ю.* Студент как зеркало Октябрьской революции // *Родина*. 1999. № 3. С. 69.

²⁴⁶ Восьмой съезд РКП(б). Март 1919. Протоколы. М.: Госполитиздат, 1959. С. 498.

т. п.», «основное занятие, дающее средства к существованию: а) до войны 1914 года, б) во время войны»; «профессия» указывала на специальность и стаж²⁴⁷.

Социальное положение коммунистов Петроградского государственного университета было четко отработано к 1922 году: 40 «рабочих», 36 «крестьян» и 153 «интеллигента и служащих»²⁴⁸. Но исследование «качественного состава» Сибкомвуза осенью 1923 года свидетельствует о все еще импровизированном характере категоризации на местах. «Классовое происхождение», «сословие» и идеологически-политические характеристики здесь все еще смешивались непредсказуемым образом. Например, Лаптев А. М. до Октябрьской революции по «имущественному положению» был «пролетарием» и оставался им на момент сбора статистики. Студент говорил, что в категориях «бывшего сословия» он по деду крестьянин, а по отцу рабочий. Отец Лаптева не мог быть рабочим по сословному происхождению – царская перепись просто не использовала такой категории, но в Сибкомвузе не сумели придумать иной формулировки²⁴⁹. Сословная принадлежность Машкина И. П. указывалась следующим образом: «дед занимался крестьянством... рабочий» – канцелярия явно путалась в системе описания. В графе «социальное положение» указывалось «учащийся» – в этом случае смешивались класс и профессия. В характеристике Машкина уже описывали как «рабочего»: «По вопросам пролетарской психологии выдержан. Мещанство и мелкобуржуазные наклонности не наблюдались»²⁵⁰. Политические взгляды явно влияли на определение классовой принадлежности, которая никак не вытекала из объективно установленных признаков. А вот в случае другого студента, Сергеева А. Н., классовая принадлежность определялась по всем правилам марксистской социологии: имущественное положение – «бедняк», социальное положение – «крестьянин». Точный классовый маркер селянина мог быть установлен только через сочетание его экономической деятельности с материальным благосостоянием. Просчитывая варианты и исключая возможность, что Сергеев – кулак, комиссия не поленилась добавить, что он «хорошо обладает пролетарской психологией, по экономическому вопросу ориентируется хорошо и делает соответствующие выводы»²⁵¹ (то есть поддерживает НЭП).

С развитием партийной статистики в последующие годы такие несуразицы и разночтения быстро пошли на убыль. Как показывает левая колонка *таблицы 3*, канцелярии томских партийных ячеек научились к 1924 году описывать их социальный состав в отчетливо классовых понятиях.

Таблица 3. Классовая принадлежность коммунистов города Томска, 1923–1924 годы

²⁴⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 68336. Л. 9.

²⁴⁸ ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 1. Д. 12. Л. 31.

²⁴⁹ ГАНО-П. Ф. 2. Оп. 1. Д. 330. Л. 52.

²⁵⁰ Там же. Л. 58.

²⁵¹ ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 330. Л. 60, 96; Д. 261. Л. 200–201.

<i>Социальное происхождение</i>	<i>Технологический институт</i>	<i>Государственный университет</i>
Рабочие от станка	17	4
Крестьяне от сохи	4	5
Дети рабочих	8	—
Дети крестьян	3	1
Трудовая интеллигенция	15	25
Дети трудовой интеллигенции	2	1
Другие	—	—
Всего	49	36

Источник: ГАНО. Ф. 1053. Оп. 1. Д. 682. Л. 23.

Личный листок кандидатов в РКП(б) в технологическом институте (1924) указывал в основном профессии, смешивая прошлое с настоящим: крестьянин (16), рабочий (11), служащий (3), торговец (1), кустарь (2), присяжный поверенный (1)²⁵². Партбюро выработывало на основе этих данных классовые категории: «рабочие», «батраки» (категория, к которой теперь уже никто не принадлежал), «крестьяне», «служащие» и «интеллигенты»²⁵³.

Хотя понятие «происхождение» имело много значений, порядок приема в партию устанавливал три категории:

- рабочие и красноармейцы из рабочих и крестьян;
- крестьяне, кроме красноармейцев и кустарей, не эксплуатирующие чужого труда;
- крестьяне, прочие служащие и так далее.

Прием лиц первой категории происходил по утверждению укомов и райкомов по рекомендации трех членов партии с трехлетним стажем; второй категории – с обязательным утверждением губкома; третьей категории – по рекомендации пяти членов партии с пятилетним стажем плюс утверждение губкома²⁵⁴. Инструкция о едином партийном билете от начала 1920-х годов гласила: «Социальное положение должно характеризовать принадлежность члена партии к той или иной группе населения, указывая по возможности на связь с другими группами». Например, предлагалось указывать, что у рабочего семья в деревне или что крестьянин работает в городе сезонно. В июле 1925 года Молотов замечал: «...до настоящего времени в партии нет единообразного понимания и определения социального положения коммунистов. Это зачастую влечет за собой неточное и неправильное выявление социального состава организации». Циркуляр ЦК РКП(б) от 12 августа об определении социального положения членов партии наконец залатал эту брешь: «В основу определения социального положения данного лица берется: его основная профессия, т. е. род труда, который служил главным источником средств существования в течении наиболее продолжительного времени. ...Бывшее положение в производстве – наемный или самостоятельный труд». Здесь следовало важное пояснение: «Социальное положение коммуниста не следует смешивать... с его социальным происхождением. Социальное происхождение определяет, из какой среды вышел коммунист, независимо от социального положения его самого. Например: коммунист работает 10 лет в качестве счетовода и бухгалтера, отец его был токарь по металлу. Социальное положение указанного ком-

²⁵² ЦДНИТО. Ф. 320. Оп. 1. Д. 6. Л. 1–63.

²⁵³ Там же. Д. 5. Л. 1–18.

²⁵⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 1085. Оп. 1. Д. 10. Л. 25.

муниста – служащий, соц. происхождение – из рабочих». И еще одно важное разъяснение: социальное положение коммуниста определялось его принадлежностью к одной из основных социальных групп до вступления в партию. Смена деятельности во время пребывания в партии не меняла социального положения: рабочий завода, который после вступления в партию отошел от производства и стал студентом, оставался по бумагам принадлежащим в группе рабочих²⁵⁵. Все это тщательно контролировалось. Так, в Ленинградский комвуз в 1926 году прибыла комиссия, в которой были представители райкома и губкома. Она стала проверять социальное положение студентов. Рассматривая личные дела, на части карточек комиссия сама «переправляла» социальное положение, «а часть [карточек] выбросили, чтобы вызвать членов и опросить»²⁵⁶.

Несмотря на непрерывный поток общих инструкций сверху, партячейки в случае необходимости установить классовую принадлежность конкретного студента могли полагаться только на самих себя. Классовые идентичности создавались через трудноуловимые микропрактики, которые интерпретировали и модифицировали официальный лексикон. Устанавливая классовые критерии для приема в РКП, партийные органы на самом деле обучали студентов, как именно они должны говорить о себе. Реестр студентов томских вузов за 1927 год, включающий графы «социальное положение», «национальность», «партийность», «профессия», «воинская повинность в старой и белой армиях» и «кем командирован», предвосхищал структуру коммунистической автобиографии²⁵⁷.

Неважно, в какой среде кандидат родился, – в том или ином смысле он должен был быть политически несовершеннолетним. Будущие большевики начинали жизнь в лучшем случае как несознательные рабочие, но иногда и как отпрыски эксплуататорских классов. Такие грехи были неотъемлемой частью нарратива, в котором движение по направлению к «свету» имело смысл, только если оно возникало из «тьмы». Принципы, на которых строился нарратив, зависели от отправной точки, то есть от социального происхождения автора. Коммунистический автобиограф обязательно заканчивал свою историю заявлением о том, что достиг «пролетарского сознания». Но рабочий, крестьянин и интеллигент двигались различными путями к этой цели. Каждый нуждался в специальном рецепте для преодоления препятствий на своем пути.

1. «Рабочие»

Большевики видели в рабочих самую подходящую социальную категорию для пополнения партийных рядов. Пролетариат выступал как общественная сила, способная революционно преобразовать мышление людей, отучить их от узких собственнических интересов. «Главное в учении Маркса, – отмечал Ленин, – это – выяснение всемирно-исторической роли пролетариата как создателя социалистического общества»²⁵⁸. Поставленный вне общества, не владеющий средствами производства, пролетариат ставил перед собой задачу ликвидировать классовые ограничения. Только пролетариат, писал Ленин, «способен быть вождем всех трудящихся и эксплуатируемых масс, которые буржуазия эксплуатирует, гнетет, давит часто не меньше, а сильнее, чем пролетариев, но которые не способны к самостоятельной борьбе за свое освобождение»²⁵⁹. «„Мы творим“, „мы создаем“, говорит и думает рабочий завода, – писал ректор Коммунистического университета им. Я. Свердлова Мартын Лядов, – коллективная психология зарождается на крупном заводе и все более и более вытесняет психологию индивидуаль-

²⁵⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. 3. Оп. 1. Д. 841.

²⁵⁶ ЦДНИТО. Ф. 197. Оп. 1. Д. 217. Л. 35.

²⁵⁷ ГАНО. Ф. 1053. Оп. 1. Д. 1013. Л. 167.

²⁵⁸ Ленин В. И. Исторические судьбы учения Карла Маркса // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 23. М.: Политиздат, 1973. С. 1.

²⁵⁹ Ленин В. И. Государство и революция // Там же. Т. 33. М.: Политиздат, 1969. С. 25–26.

ную»²⁶⁰. «Марксизм есть самоочевидная истина», развивал те же мысли Луначарский, но «воспринять-то его может лишь классово подготовленный человек»²⁶¹. Горький указывал: «...опыт, творимый русским рабочим классом... великий опыт, поучительный для всего мира. В разное время почти каждый народ чувствовал себя Мессией, призванным спасти мир, воскресить в нем к жизни и деянию его лучшие силы. И вот, очевидно, история ныне возложила эту великую роль на русский народ; голодный, изнуренный трехсотлетним рабством, истощенный войною, под угрозой порабощения грабителями, он говорит трудящимся и честно чувствующим людям всего мира»²⁶².

Для выполнения своей исторической миссии пролетариат должен был действовать через «особую политическую партию, противостоящую всем старым партиям, созданным имущими классами»²⁶³. В годы Гражданской войны Зиновьев слышал заявления от рабочих: «Я не иду в партию потому, что не могу вынести той ответственности и дисциплины, которой вы требуете от каждого. Это новые нотки в голосе миллионов беспартийных рабочих, разве это не сознание уважения к партии, когда он [рабочий] смотрит на нее снизу вверх?»²⁶⁴ «Во все важные и трудные моменты революции они [рабочие] были с нами, – утверждал Троцкий в 1923 году. – В подавляющем большинстве своем они не испугались Октября, не дезертировали, не изменили. Во время гражданской войны многие из них были на фронтах, другие честно работали для вооружения армии. Потом они перешли на мирную работу. <...> ...Мы, коммунистическая партия, заинтересованы в том, чтобы эти рабочие-производственники сознательно связали свою повседневную, частичную производственную работу с задачами социалистического строительства в целом»²⁶⁵.

Однако эпоха НЭПа – время партийного упадка. Официальный дискурс разделял историю партии на три этапа. Первый – эпоха подполья и революции, когда лишь беззаветно преданные революционеры примыкали к большевикам. «В 1917 году, между Февральской и Октябрьской революциями... это была в огромном своем большинстве рабочая партия, партия рабочих от станка», – утверждал заместитель заведующего Агитационно-пропагандистским отделом ЦК РКП(б) Н. Н. Попов. Второй, неоднозначный период примерно совпадал с годами Гражданской войны. Причем чем хуже обстояли дела большевиков, тем более доблестными считались те, кто вступал в их боевые ряды. «Лишь в такие моменты, когда Деникин стоял к северу от Орла, а Юденич в 50-ти верстах от Петрограда, в партию могли вступать только люди, искренно преданные делу освобождения трудящихся». С наступлением мира и введением НЭПа начался третий и наименее убедительный период с точки зрения истинной лояльности. Легионы «„мелкобуржуазных бездельников и паразитов“ домогались теперь звания коммуниста»²⁶⁶. 20 марта 1921 года член РКП(б) М. А. Соколов сообщал в ЦК: «...много есть членов партии, которые мечтали и мечтают давно, как бы залезть повыше и получить побольше деньжонок. Этим самым из наших членов РКП создаются не идейные коммунисты, а идейные карьеристы»²⁶⁷.

²⁶⁰ Лядов М. Н. Вопросы быта. М.: Изд. Коммунистического университета им. Я. М. Свердлова, 1925. С. 21–22.

²⁶¹ Луначарский А. Заключительное слово // Судьбы русской интеллигенции. Материалы дискуссий 1923–1925 гг. / под ред. В. Л. Соскина. Новосибирск: Наука, 1991. С. 52.

²⁶² Горький М. Обращение к народу и трудовой интеллигенции // Интеллигенция и советская власть: сб. статей. М.: [Советский мир], 1919. С. 24.

²⁶³ Маркс К., Энгельс Ф. Резолюция общего конгресса, состоявшегося в Гааге 2–7 сентября 1872 года // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. Т. 18. М.: Политиздат, 1961. С. 143.

²⁶⁴ Девятая конференция РКП(б). С. 155.

²⁶⁵ Троцкий Л. Д. Не о «политике» единой жив человек // Троцкий Л. Д. Сочинения. Т. 21. С. 9.

²⁶⁶ Попов Н. Н. О социальном составе РКП(б) и о Ленинском призыве. С. 311–312.

²⁶⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 228. Л. 209 об.

Коммунистическая организация остается политической партией «в широком историческом или, если угодно, философском смысле слова», писал Троцкий, то есть в этом отношении НЭП ничего не изменил. «На ближайшую эпоху партия должна целиком и полностью сохранить основные черты свои: идейную сплоченность, централизацию, дисциплину и, как результат, боеспособность»²⁶⁸. Идеология осажденной крепости, характерная для первой половины 1920-х годов, привела большевистское руководство к мысли о том, что, хотя партия и должна состоять прежде всего из рабочих, не все рабочие должны состоять в партии. Юрий Ларин боялся, что партия превратится в «секту мандаринов», однако Зиновьев отметал эти опасения: «Сейчас задача состоит не в том, чтобы увеличивать количество членов, а в том, чтобы засучить рукава и энергично приняться за улучшение качественного состава партии»²⁶⁹. Ленин требовал от В. М. Молотова «удлинить стаж для приема новых членов в партию»: «Несомненно, что у нас постоянно считаются за рабочих такие лица, которые ни малейшей серьезной школы, в смысле крупной промышленности, не прошли. Сплошь и рядом в категорию рабочих попадают самые настоящие мелкие буржуа, которые случайно и на самый короткий срок превратились в рабочих»²⁷⁰. XI партийный съезд (март – апрель 1922 года) посчитал необходимым «изменить условия вступления в РКП в том смысле, чтобы затруднить это вступление не чисто пролетарским элементам». В результате шестимесячный стаж кандидатов сохранялся только в отношении рабочих с опытом работы на больших предприятиях не менее десяти лет. Для остальных срок стажа был продлен до 18 месяцев. Г. Н. Корзинов, делегат XI партийного съезда, разъяснял: «Рабочие не особенно любят ходить и собирать подписи. Иное дело попутчики-мещане, которые с удовольствием соберут вам не только пять... а десяток подписей, потому что их цели таковы: прийти в партию. Умеют хорошо откланяться, умеют: „чего изволите, слушаюсь“ сказать и этим самым добиться более высокого, почетного места. <...> У нас же в партии в настоящее время, когда она стала у власти, практикуется самым безобразнейшим образом наущничество, карьеризм, протекционизм. Вот то, что губит и разлагает ряды нашей партии. <...> Я предлагаю для рабочих оставить те же самые две рекомендации и трехмесячный кандидатский стаж, а для попутчиков, перебежчиков из мещан дать десять рекомендаций, с тем, чтобы эти рекомендации были от товарищей, прошедших суровую подпольную кружковую школу, ибо эти товарищи не будут зря давать направо и налево свои рекомендации. Затем этим попутчикам нужно сделать кандидатский стаж не годовой, а, по крайней мере, не менее двух лет, и в процессе этого стажа заставить их на фабриках и заводах познакомиться с физическим трудом»²⁷¹.

Так, например, 22-летний Михаил Неверовский считал себя рабочим. Его отец был «чернорабочий [сторож]», а мать – «сапожница», сам он учился на втором курсе факультета общественных наук в ПГУ. Осенью 1921 года Неверовский попытался стать новобранцем партийной ячейки ПГУ. «Я сочувствую политике РКП, но будучи полным невеждой в области научного коммунизма, и не будучи в силах сознательно разобраться в современной действительности, оставался вне рядов авангарда пролетариата». Когда Неверовский разобрался в этих вопросах и подал заявление, его положили в ящик и рекомендовали обратиться позже, «выявив себя как работника» в университетских организациях. Затем решением XII партийной конференции (август 1922 года) в партию вообще прекратили принимать кого-либо, кроме производственных рабочих. Обсуждение заявления Неверовского было отложено на неопределенное время.

²⁶⁸ Троцкий Л. Д. Не о «политике» единой жив человек // Троцкий Л. Д. Сочинения. Т. 21. М.: Госиздат, 1927. С. 7.

²⁶⁹ Одиннадцатый съезд РКП(б). С. 403–404.

²⁷⁰ Там же. С. 735–736.

²⁷¹ Там же. С. 466.

Заявление Гершмана И. о вступлении в РКП(б) вообще не было принято к рассмотрению партбюро ПГУ ввиду запрета на прием кого-либо, кроме «рабочих от станка»²⁷².

Значительные ограничения, как констатировал XII съезд партии в апреле 1923 года, привели к тому, что «прием в партию происходил с большей проверкой и с более основательным, чем раньше, ознакомлением партийной организации со вновь вступающими»²⁷³. На местах стали отмечать предвзятость к вузовцам, кандидатам, «оторвавшимся от станка, плуга и вообще физического труда»²⁷⁴. Кондратьев М. А., студент Петроградского государственного университета, в 1923 году старательно конструировал свою автобиографию, чтобы иметь хоть какой-то шанс быть причисленным к рабочим: «Отец мой по происхождению крестьянин с ранних лет уехал из деревни и с тех пор всякие связи с деревней совершенно порвал. Он был ремесленник-кондитер и работал всю жизнь по найму в частных булочных. На работе он получил чахотку, от которой и умер в начале февраля 1917 г., так и не увидев долгожданную революцию... Мать же, по происхождению мещанка из г. Питера, работала портнихой в частных мастерских, тоже зарабатывая хлеб физическим трудом. Когда умер отец она вышла замуж, тоже за кондитера, который так же по происхождению – крестьянин, и работал до Революции в частных булочных. С 1919 вся семья (т. е. вотчим, младший брат, и я) служили в советских учреждениях». Осенью 1921 года семья открыла кустарное предприятие (кондитерскую), «не эксплуатируя чужого труда», которое «обслуживается своими силами следующим образом: вотчим и брат работают, производя товар, а мать моя продает»²⁷⁵. О таких и подобных неудачливых кандидатах в партию М. Ф. Шкирятов, секретарь партколлегии ЦКК, говорил в 1922 году следующее: «Многие ставили себя в рубрику пролетариев, меж тем как под рубрикой зачастую находились не совсем пролетарии, а настоящая интеллигенция. <...> У нас есть заявление, что человек рабочий, а иногда бывает, что двадцать лет прошло, как он напильник держал в руках, а иногда и хуже того: он напильника совсем не держал, а числился пролетарием, ибо его дед был рабочим, и он ставил себя в рубрику рабочих»²⁷⁶.

Но уже в 1924 году партия резко изменила курс и открыла свои двери новым членам. Начался массовый «ленинский призыв». Узнав о кончине Ленина, рабочие устремились в партию. Смерть вождя была основополагающей жертвой – она пробуждала рабочих к их исторической миссии и тем самым предвосхищала апофеоз коммунистического движения. «Партию долгие годы воспитывал Ильич, – озвучивал идею наследства публицист А. Соленик, – и оставил нам ее вместо себя»²⁷⁷. «Товарищи! – провозглашал Сталин на II Всесоюзном съезде Советов 26 января 1924 года. – Мы – те, которые составляем армию великого пролетарского стратега, армию товарища Ленина. <...> Сыны рабочего класса, сыны нужды и борьбы, сыны невероятных лишений и героических усилий – вот кто, прежде всего, должны быть членами такой партии»²⁷⁸.

Январский пленум ЦК РКП(б) 1924 года принял специальное постановление «О приеме рабочих от станка в партию». Разрешалось подавать групповые заявления, но прием проводился индивидуально на открытых партийных собраниях. На случай если у вступающих нет рекомендаций, ЦК предоставил право партийным комитетам рассматривать их заявления на общих собраниях рабочих предприятий при активном участии беспартийных. Для проведения

²⁷² ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 1. Д. 72. Л. 17.

²⁷³ Двенадцатый съезд РКП(б). С. 789.

²⁷⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1 г. Л. 44.

²⁷⁵ Там же. Д. 34. Л. 10.

²⁷⁶ Одиннадцатый съезд РКП(б). С. 376.

²⁷⁷ Соленик А. Ф. Ленин против оппозиции: Мысли и заветы Ленина о решениях XIV съезда по вопросам бывшей дискуссии. Л.: Прибой, 1926. С. 9.

²⁷⁸ Сталин И. В. По поводу смерти Ленина: Речь на II Всесоюзном съезде Советов 26 января 1924 г. // Сталин И. В. Сочинения. Т. 6. М.: Госполитиздат, 1947. С. 46.

ленинского призыва был установлен срок с 15 февраля по 15 мая. С 22 января по 15 мая было подано свыше 350 тысяч заявлений, принято – 241,6 тысячи человек, из них – 92,4 % рабочих. На некоторых заводах численность коммунистов увеличилась вдвое или даже в 4–5 раз²⁷⁹.

Ленинский призыв был бы невозможен, если бы партия не изменила свое мнение о состоянии российского рабочего класса. Во-первых, объем индустриального производства в стране рос, в результате чего рабочий класс численно восстановился. Во-вторых, по словам Зиновьева: «Скептические, наиболее отсталые рабочие убедились только на фактах, только теперь, когда действительно два года НЭПа показали нашу правоту. И они подошли к нам. Я бы сказал: подошли к нам целиком. И это доказательство, товарищи, гораздо более важно, чем все данные ЦСУ [Центральное статистическое управление], помноженные на многие данные наших наркоматов. Сотни тысяч беспартийных рабочих, теперь целиком, со всей убежденностью, преданностью и верой, поддерживают нас и убедились в нашей правоте – в том, что новая экономическая политика не есть новая эксплуатация пролетариата, все они смотрят на нашу партию, как на свою партию. <...> У нас произошло как бы вторичное завоевание рабочего класса. Во второй раз мы во всех прослойках, во всех его группировках завоевали его на свою сторону, как впервые в 1917 году»²⁸⁰.

Заявления, написанные студентами Ленинградского горного института в феврале 1924 года, показывают, что смерть и воскрешение Ленина в лице его учеников и последователей могли служить смыслообразующей метафорой обращения в коммуниста²⁸¹. «Смерть тов. Ленина, подъем активного участия масс рабочих в жизни СССР... имеет характер клича „Кто не с нами тот против нас“», – писал Памфилов С. И. Надежды врагов «на изменение характера диктатуры пролетариата быстро указали мне место»²⁸². Его однокурсник Гладких В. И. объяснял свою просьбу о приеме в партию тем, «что советское правительство и коммунистическая партия есть единственные сторонники интересов рабочего класса»²⁸³. Логика замещения в центре партийной пирамиды, о которой говорил философ Лежек Колаковский, – «истина» = «пролетарское сознание» = «марксизм» = «партийная идеология» = «партия» = «партийный вождь» – пронизывала эти заявления²⁸⁴. Гладких сосредоточился на базисе пирамиды – пролетарском сознании. Его логика была следующей: я – пролетарий, который достиг классового самосознания, поняв, что партия говорит от моего имени, а следовательно, мое место – в партийных рядах.

Используя тот же риторический прием, Карпунин А. П. отсылал к более высокой ступеньке пирамиды, концептуализированной Колаковским, а именно «партия = партийный вождь». В своем заявлении он писал: «Сознавая утрату Ильича для республики очень большой, а также сознавая, что созданная им партия есть единственная выразительница воли пролетариата, прошу принять меня членом РКП(б)». Карпунин предполагал, что его вступление в партию хоть как-то восполнит понесенную потерю²⁸⁵. Стрельников П. Г. рассуждал в том же духе, утверждая, что не он сам, а пролетариат как класс может заполнить брешь, образовавшуюся после ухода Ленина. Он начал свое заявление так: «В конце концов [в вузе] я усвоил главную сущность того, чему учили нас великие рабоче-крестьянские вожди – Маркс и тов.

²⁷⁹ КПСС в резолюциях и решениях съездов. Т. 1. М.: Политиздат, 1983. С. 822; *Rigby T. H. Communist Party Membership in the U. S. S. R. P.* 130–131; *Обичкин О.* Краткий очерк истории устава КПСС. М.: Политиздат, 1986. С. 54; История КПСС: В 5 т. Т. 4. Кн. 1, М.: Политиздат, 1970. С. 315–319.

²⁸⁰ Двенадцатый съезд РКП(б). С. 37–38.

²⁸¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 80. Оп. 1. Д. 11. Л. 124–161; Ленинский призыв в РКП(б): сборник. М.; Л.: Госиздат, 1925; Отклики рабочих и крестьян на смерть Ленина // Красный архив. 1934. № 1. С. 34–50.

²⁸² ЦГАИПД СПб. Ф. 80. Оп. 1. Д. 20. Л. 227.

²⁸³ Там же. Л. 124.

²⁸⁴ *Kolakowski L. Marxist Roots of Stalinism // Stalinism. Essays in Historical Interpretation / ed. by R. Tucker. New York: W. W. Norton, 1977. P. 294.*

²⁸⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. 80. Оп. 1. Д. 20. Л. 99.

Ленин, – усвоил то, что единственная партия РКП(б), защищала, защищает, и будет защищать интересы всех угнетенных трудящихся всего мира. Она поставила себе целью разбить оковы эксплуатации». Однако глаза студента открылись только после рокового события: «На седьмом году своей гигантской работы РКП(б) понесла незаменимую потерю: умер великий вождь – тов. Ленин. Мы, рабочие и крестьяне, коллективной энергией должны облегчить незаменимую потерю в нашей партии, а потому и не могу оставаться беспартийным»²⁸⁶.

Смерть Ленина образовала пустоту на самой вершине партийной пирамиды. Как утеря стержня угрожала обрушить те пласты, из которых состояла партийная пирамида, так и уход Ленина угрожал разрушением всего здания РКП(б). Чтобы спасти пирамиду, каждый должен был продвинуться на одну ступень выше. Идеологическое уравнение во время «ленинского призыва» трансформировалось из «класс = партия» в «класс = партия = партийный вождь».

За редкими исключениями все эти риторические реверансы попадали в мусорную корзину. Несмотря на то что «ленинский призыв» предназначался для рабочих на производстве, студенты также ринулись в партию: в феврале 1924 года в Ленинградском государственном университете было зарегистрировано 50 заявлений, в Горном институте – 43, в Медицинском институте – 40, но в чести хотя бы частично компенсировать смерть Ленина им отказали²⁸⁷.

Какое-то время было неясно, что значит фраза «дать ход заявлениям рабочих от станка». Значило ли это, что рабочие от станка пользуются преимуществом в приеме или что только принадлежащие к этой категории могут быть зачислены в партию? Секретарь Енисейской губернской парторганизации жаловался в марте 1924 года на противоречия в инструкциях Сибирского партийного бюро. С одной стороны, там говорилось, что резолюции XII партийного съезда о классовых ограничениях на прием остаются в силе, а с другой – что решение XIII партийной конференции запрещает прием нерабочих полностью²⁸⁸. ЦК вынужден был разъяснить, что правильно второе, более жесткое толкование партийной политики²⁸⁹.

«Ленинский призыв» снизил удельный вес учащихся в партии. Данные по ленинградскому Центральному району показывают, например, что если парторганизация существенно выросла в первую половину 1924 года, то ее студенческая составляющая, наоборот, несколько сократилась.

Таблица 4. Партийная динамика Центрального района Ленинградской парторганизации, 1923–1924 годы

	Ноябрь 1923		Апрель 1924	
	Студенты	Вообще по району	Студенты	Вообще по району
Партийных ячеек	20	217	19	230
Членов партии	1713	8212	1503	8360
Кандидатов партии	216	973	246	4677

Источник: Сборник материалов Ленинградского комитета РКП. Вып. 7. Л.: Изд. Петерб. комитета РКП, 1924. С. 245; Ленинский призыв. Годичные итоги / под ред. М. М. Хатаевича. Л.: Госиздат, 1925.

²⁸⁶ Там же. Л. 180.

²⁸⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 3. Оп. 1. Д. 32. Л. 81; Ф. 984. Оп. 1. Д. 68. Л. 4; Ф. 1085. Оп. 1. Д. 6. Л. 3; Ф. 80. Оп. 1. Д. 54. Л. 7.

²⁸⁸ ГАНУ. Ф. П-981. Оп. 2. Д. 380. Л. 13, 22.

²⁸⁹ Carr E. Socialism in One Country, 1924–1926. Vol. 2. London: Macmillan, 1959. P. 183; Сборник материалов Ленинградского губернского комитета РКП(б). 1924. Вып. 7. С. 236; ГАНУ-П. Ф. 2. Оп. 1. Д. 17. Л. 233; Ф. 1. Оп. 2. Д. 380. Л. 13, 22; Ф. 2. Оп. 1. Д. 17. Л. 36, 82.

Низкий процент новых членов в партячке Горного института объяснялся «той осторожностью в приеме в партию в вузовской обстановке на которую стал коллектив»²⁹⁰.

XIII партийный съезд (23–31 мая 1924 года) снова открыл доступ в партию для «учащейся молодежи и других непролетарских элементов». Партийные циркуляры предвидели, что в связи с этим решением «будет массовая тяга в партию непролетарского элемента» и надо будет пересмотреть множество анкет лиц, не относящихся к первой категории²⁹¹. Василеостровский райком инструктировал: «Учащиеся из рабочих и крестьян, если отрыв их на учебу от производства и сохи длился не более 3-х лет, должны приниматься в кандидаты партии по 2-й категории, с представлением 3-х рекомендаций с 3-х летним стажем. Остальные учащиеся вузов... принимаются по 3-й категории с представлением 5-ти рекомендаций с 5-ти летним стажем»²⁹². С нескрываемой горечью бюро Петроградского рабфака отмечало «предвзятость» к рабочим, находящимся ныне в вузах, в которых партия видит лиц, «оторвавшихся от станка, плуга, и вообще физического труда». Партия призвала рабочих сесть за парту, а теперь понижает в статусе, утверждали там²⁹³.

Несмотря на ограничения, партийные ячейки вузов численно начали быстро расти. Если в 1924 году средняя вузовская ячейка по стране включала 85 коммунистов, то в 1926 году эта цифра поднялась до 170. Следуя постановлению Оргбюро ЦК от 12 января 1925 года «О партийной работе в вузах» и резолюции общенациональной конференции секретарей вузовских партячек в Москве (февраль 1925 года) о том, что лучшие из студентов должны стать коммунистами, партячка Ленинградского государственного университета открыла свои двери для новых членов. За 1924/25 учебный год партбюро рассмотрело 68 заявлений и удовлетворило 50 из них. Также было рассмотрено 19 просьб о переводе кандидатов в члены партии и отказано только четырем студентам, да и то временно²⁹⁴.

Таблица 5. Социальное положение коммунистов ЛГУ, 1925–1926 годы

Социальное положение	Прежний состав (1925)	Новый состав (апрель 1926)	Всего
Рабочих	97	76	173 (36%)
Служащих	71	33	104 (21%)
Крестьян	30	52	82 (17%)
Прочих	119	10	129 (25%)
Не выяснено	1	—	—

Источник: ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 1. Д. 176. Л. 49–50.

Подстраиваясь под новый контекст, Василеостровский райком заявлял: «Мы никогда не рассматривали и не рассматриваем членов РКП(б) вузовцев членами второй категории»²⁹⁵.

²⁹⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1244. Л. 200.

²⁹¹ ГАНУ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 17. Л. 233.

²⁹² ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 1. Д. 148. Л. 148.

²⁹³ ЦГАИПД СПб. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1 г. Л. 44.

²⁹⁴ Известия. 1925. 26 октября; Известия ЦК РКП(б). 1925. № 6. С. 3; О работе ячеек РКП(б) высших учебных заведений: Материалы совещания вузовских ячеек при ЦК РКП(б) 25–27 февраля 1925 года. М.: [ЦК РКП(б)], 1925. С. 136; КПСС в резолюциях и решениях съездов. Т. 3. М.: Политиздат, 1984. С. 100, 117; Обичкин О. Краткий очерк истории устава КПСС. С. 81, 88; ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 1. Д. 72. Л. 17; Ф. 984. Оп. 1. Д. 120. Л. 18, 44.

²⁹⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 1. Д. 176. Л. 2.

Присоединение к «партии пролетариата» считалось естественным для студентов-рабочих. Вяжевич И. В. из Горного института в Ленинграде просил зачислить его в кандидаты в партию, так как он «осознал в процессе своего развития, что преступно находится чистокровному рабочему вне общественной работы»²⁹⁶. Дело Петрова С. из партийной ячейки Ленинградского института путей сообщения содержало сжатую автобиографию (январь 1925 года): «Я сын рабочего, вышедший из истинно-пролетарской семьи, мать и отец рабочие, выходцы из безземельных крестьян саратовской губернии. <...> Желание поступить в партию обусловливается моим классовым происхождением, убеждением, что РКП(б) есть и всегда будет выразительницей интересов моего класса»²⁹⁷. Гнесину П. из Томского технологического института было труднее осуществить диалектический переход из состояния «рабочего в себе» в состояние «рабочего для себя». Но, поучившись на рабфаке, он «немного отесался» и решил в январе 1926 года, что политические задачи теперь ему по плечу. Однако в партбюро ему указали на то, что неплохо было бы подтянуть свое знание партийной литературы, но как токарь, «прошедший через горнило революции, он к партийной жизни был готов»²⁹⁸.

Допускалось, что инстинкт рабочего до определенного времени мог быть подавлен. Во время революции дух пролетариата внезапно прорывался, и рабочий узнавал именно в партии своего спасителя. Сын слесаря Рагожников из Ленинградского комвуза вспоминал в автобиографии 1924 года, как революция его «всколыхнула»: «Я посещал все заседания, митинги, собрания. С июльских дней я становлюсь уже большевиком. В партию вступил в августе 1917 г., побудила объективная обстановка, отец, знакомые большевики»²⁹⁹. Кочубеев В. Н. из комвуза имени Крупской в Ленинграде часто переводился с работы на работу в 1918–1920 годах, тем самым демонстрируя свою незрелость. «Рыба ищет поглубже, а человек получше», – объяснил он. В декабре 1926 года у Кочубеева поинтересовались, понимает ли он, откуда происходит его тяга к партии. «Я рабочий, а это святая обязанность быть в партии», – четко ответил он³⁰⁰.

Стасюк Иван Яковлевич из Ленинградского комвуза хвастался в автобиографии 1924 года примерным рабочим прошлым: «Отец мой был смазчиком, его задушило вагонами при исполнении им служебных обязанностей за несколько месяцев до моего рождения. Мать занималась домашним хозяйством, умерла, когда мне было 12 лет. Кроме того, было еще 5 человек моих братьев и сестер, из них старший брат работал уже слесарем и содержал нас. <...> Я с 1904 года начал работать в мастерских, сначала учеником слесаря, а затем слесарем и машинистом на разных ж. д. В 1905 году принимал участие в революционном движении вместе с рабочими мастерских... Участие выражалось в распространении листовок, литературы и демонстрациях. В 1906–08 г. принимал участие в подпольной организации для массового выступления в связи с госдумой, являлся даже организатором. <...> Февраль 1917 г. застает меня в... железнодорожных мастерских, где я принимал уже активное участие»³⁰¹.

Стасюк был сгустком революционной, пролетарской энергии. Он участвовал в создании Красной гвардии, эвакуации имущества в связи с наступлением немцев, продвижении т. Крыленко, еще много в чем – его поступление в партию не могло быть более естественным.

Студент Ленинградского института путей сообщения Востров А. описал свою автобиографию как движение по следующей цепочке: город – классовая борьба – университет – обретение пролетарского сознания: «Если в начале, не были особенно сильны импульсы и возбудители, то это потому, что жил в Туркестане, который по сравнению с центральными городами

²⁹⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 80. Оп. 1. Д. 20. Л. 227.

²⁹⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 1085. Оп. 1. Д. 26. Л. 74.

²⁹⁸ ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 17. Л. 233.

²⁹⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. 197. Оп. 1. Д. 117. Л. 31.

³⁰⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. 408. Оп. 1. Д. 1175. Л. 89.

³⁰¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 197. Оп. 1. Д. 117. Л. 80.

Петербургом и Москвой является отсталым, и... [поэтому] не вполне уяснил свое классовое происхождение». Прозрение произошло с прибытием в Петербург: «...политически и революционно передовой город, где вполне резко определяются классы. Это особенно заметно у себя в институте, где существуют резко разграниченные два класса: студенчество новое и старое; последние, главным образом, дети дворян и бывших помещиков, которые не признают и не считают равным себе новое студенчество, состоящее из нищего класса – рабочих и крестьян»³⁰². Время, которое понадобилось Вострову, чтобы разобраться, было причиной того, почему он ждал все эти годы, почему стал стремиться к партбилету только в середине 1920-х.

В автобиографиях студентов из Смоленска, далеко не самого индустриально развитого города страны, говорится, как они начинали жизнь среди пастухов и домработниц, а потом переходили сначала к городскому, а затем к пролетарско-коллективистскому образу жизни. Многие пришли из села, у некоторых там оставалась родня. Даже оказавшись в городе, они не сразу погружались в производство, иногда попадали на канцелярскую работу. Чаще всего именно политические события вкупе с образованием и службой в Красной армии являлись катализатором смычки с рабочим классом. Так, в партийной анкете Королева Василия Петровича (1899 года рождения) из Смоленского политехнического института указано, что он «крестьянин-рабочий». Автобиография, однако, показывает, с какой натяжкой принималась такая самоидентификация: текст рисует юношу, кочующего между разными социальными сферами. Обращение Королева в коммуниста было как минимум двухступенчатым: сперва он избавился от «сельского кретинизма» – переехал в город, но там еще не один год боролся с мелкобуржуазным бытом, окружавшим его со всех сторон. Только революция перевела его на новую ступень, разбудив в нем сознательность пролетария.

Родился Королев в отсталой среде. «Дед мой крестьянин, имеющий много членов [семьи] и мало земли, рассылал своих детей, в том числе и моего отца на заработки». По семейному обыкновению образование ни во что не ставилось: «Когда одна либеральная помещица Обухова предложила моему деду отдать в учение моего отца, обещая дать ему образование, он отказал, говоря, что ему выгоднее будет получать за отца 3–5 рублей за лето, чем он будет чему-то учиться в городе. Таким образом, отец мой продолжал пасти скот, служить в батраках». Но и он понимал, что от жизни надо требовать большего. «Не удовлетворившись деревней, он отправился в город на заработок где пробовал много профессий: служил на заводе, потом дворником, сапожником, поваром, кондуктором». Мать, будучи «круглой сиротой», служила кухаркой, водоносной, прачкой. Так как родители его познакомились в городе, Королев уже мог хвастаться взрослением в рабочей среде.

Автобиограф детально рассказывал о физическом труде родителей, зная, что последующий период их жизни не дает ему преимуществ. Родители не только вернулись в деревню, но еще и стали там мелкими торговцами. «Скопив своим трудом 100 руб. родители открыли молочную лавочку, где дела почему-то шли очень плохо, и вся семья все время испытывала нужду». Дела были настолько плохи, что автора «вместо начального училища, отдали в церковно-приходскую школу, только лишь потому, что в последней было бесплатное обучение и книги». «Я не мог мечтать о среднем учебном заведении так как плата 60 рублей в год была совершенно нам не по карману, а вынужден был поступать хотя и с большим трудом в смоленскую торговую школу (плата 10 рублей в год и форма не обязательна)». По окончании торговой школы 16-летний Королев поступил на губернскую службу с минимальным окладом в 25 рублей в месяц. Описывая себя в это время, автобиограф сделал зазор между своей работой и идейной позицией: «Полтора года службы в Земстве, в те времена сравнительно либеральном учреждении, во всей красе представили мне прелести бюрократического строя». Ирония, заложенная в этих словах, намекала, что герой исповедовал критический взгляд на вещи.

³⁰² ЦГАИПД СПб. Ф. 1085. Оп. 1. Д. 26. Л. 276.

Королев «испугался остаться на всю жизнь... канцелярской крысой», решил во что бы то ни стало продолжить образование. История, которую он поведал, говорила о бедности и угнетении. «И вот, отказывая в необходимом и работая в Земстве в среднем 8 часов, и дома над книгами 6 часов, я стал готовиться для поступления в Смоленское реальное училище. Организм не вынес такой напряженной работы (спал 5–6 часов в сутки) и я схватил воспаление глаз перед самими экзаменами, что отразилось на последних: я прорезался по французскому языку. Неудача не остановила меня, и я с предельным упорством стал готовиться, решив держать в середине учебного года. Когда я был подготовлен и уже уволился из службы, чтобы держать экзамен, то имел несчастье чем-то не нравиться директору 2-го Реального Училища, и он, хотя и имел право и возможность допустить меня к экзамену, этого не сделал, и я остался без службы, без школы».

Понятно, почему директор так поступил: «как же, кухаркин сын!» Королев отсылал читателя к печально известному циркуляру российского министра просвещения И. Д. Делянова от 1887 года. Этим циркуляром, получившим ироническое название «О кухаркиных детях», предписывалось брать в гимназии только «таких детей, которые находятся на попечении лиц, представляющих достаточное ручательство в правильном над ними домашнем надзоре и в предоставлении им необходимого для учебных занятий удобства». Циркуляр освобождал гимназии от «детей кучеров, лакеев, поваров, прачек, мелких лавочников и тому подобных людей, детям коих вовсе не следует стремиться к среднему и высшему образованию»³⁰³. Королев мог быть незнаком с собственноручной резолюцией Александра III на прошении крестьянки, писавшей, что ее сын хочет учиться: «Это-то и ужасно, мужик, а тоже лезет в гимназию!» Но он наверняка знал обещание Ленина приняться учить «любого чернорабочего и любую кухарку» управлять государством³⁰⁴.

«Возмущенный до глубины души своим правовым и экономическим положением», Королев уехал в Тернополь, где служил конторщиком в дорожном отряде. «Там застала меня Февральская революция». Понятно, что автобиограф не мог быть политически подготовлен к этим событиям. В нем, может быть, и бурлил социальный протест, но мещанское окружение сказывалось на его политической сознательности. «До 1917, я сохранил политическую невинность: не одна программа политических партий не была мне знакома, да и под словом „социалист“ я понимал бунтаря-забастовщика, как учили меня господа, у которых служила моя мать». Автобиографическая самоирония набирала обороты: «Будучи расчетливым, хозяйственным по натуре и видя, какая масса ценного имущества русской армии достается немцам при Тернопольском прорыве (ставшем результатом ленинского курса на «пораженчество» и разложение царской армии. – И. Х.)... я не был, по неосознанию, согласен с тактикой большевиков и с легкой руки Керенского и меня окружающих считал их изменниками отечества, немецкими шпионами».

Сжатый, но насыщенный нарратив пытался уместиться на одном листке бумаги и угнаться за событиями. С мая 1918 года Королев – к тому моменту председатель ученического комитета – начал работать на строительстве железобетонных мостов в центре Смоленска. Наконец он открыл настоящую правду жизни: «Общение с рабочими и в особенности наличие советской и коммунистической литературы, заставили меня... перестать считать большевиков изменниками, немецкими агентами». Душа автобиографа обнаружила свою пролетарскую суть: его решение «хорошенько познакомиться с программой большевиков» было принято «без чьей-либо агитации». «Спустя несколько времени я подал заявление в нашу ячейку, куда был принят 16 октября 1918 г.» В мае 1919 года «при наступлении Колчака» мобилизовался

³⁰³ Цит. по: Вахтеров В. П. Основы новой педагогики. М.: Т-во И. Д. Сытина, 1913. С. 225.

³⁰⁴ Ленин В. И. Удержат ли большевики государственную власть? // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 34. М.: Политиздат, 1969. С. 315.

и как рядовой 1-го Ударного смоленского коммунистического полка выехал на Восточный фронт. «Будучи рядовым красноармейцем... подавал везде и во всем пример»³⁰⁵.

Прошлое Джуся Дмитрия Ивановича, еще одного студента-рабочего, родившегося в Смоленске в 1899 году, было не менее сложным и противоречивым. На протяжении всего рассказа он примерял к себе образы представителей разных классов и активно перевоплощался³⁰⁶. С первых же строк его автобиографии заметно некоторое замешательство. Отец автобиографа номинально был «крестьянином», но на самом деле «записанным в военной службе», а мать – «бедная крестьянка, брошенная судьбой в город, в прислугу господам». Ни то ни другое происхождение не совпадало с «пролетарской точкой отсчета», и Джусь старательно вытеснял это прошлое: «Свою раннюю молодость я помню плохо. В тумане встает военный склад, подвальное помещение и все проч.»

Когда речь пошла о более зрелом возрасте, автобиограф больше не мог прибегнуть к ссылке на амнезию. «В 1907 году я был отдан учиться в начальную школу, в которой я находился до 1911 г. <...> После неудачной попытки попасть в гимназию, и несмотря на деятельную поддержку в этом отношении богатых доброжелателей мне пришлось поступить в 3-е высшее начальное училище и быть под наблюдением зорких глаз инспектора. Но те же самые „доброжелатели“ постарались меня втянуть в окружное акц<ионное> управление». Внимательный читатель мог распознать мелкобуржуазный социальный лифт, но автор настаивал, что «здесь, среди чиновничества, среди бюрократии до мозга костей, я очутился овечкой среди волков».

«Начался 1917 год». С этого момента текст насквозь пропитывался интонациями энтузиазма. Джусь начал называть себя не иначе как «рабочий». Правила большевистской поэтики позволяли такое преобразование. Влияние революции на классовые идентичности считалось столь сильным, что каждый, кто поддерживал большевиков, превращался в пролетария: «Прокатилась, всколыхнувшая Русскую жизнь, Февральская революция. Народные массы рвали и метали старые идеалы, старый порядок вещей. Ясно выявились и дали себя знать новые влияния, новые идеи. Но масса чиновничества осталась глуха ко всему, и раболепной к старому порядку. Она критиковала, зло высмеивала действия революционного народа и составляла тысячи анекдотов, основанных на фактах, как они говорили. <...> Вполне понятно, что само положение как сына рабочего в такой обстановке оставалось еще более невыносимым. Я не умел говорить, не мог их мнению противопоставить свое мнение».

Как и в случае с Королевым, был только один выход – учиться. «Я еще был молодым и политически не воспитан и здесь меня еще более чем когда либо потянуло к свету и знанию». Несколько стыдясь своих приоритетов в революционный год, Джусь все-таки не умолчал, что весной 1917 года его все еще интересовала профессиональная карьера. Он поступил в Смоленское техническое училище «с превеликой трудностью и через экзамены». «Особенно труден, оказался первый год, когда технические знания были „нуль“». Сознание Джуся росло очень быстро, и он нашел способ совмещать учебу с политической активностью: «Приходилось много досуга уделять на работу чисто институтского характера и разбивать мещанские иллюзии студенчества. Нас с большевистским миропониманием подобралось человек 5 и быстро организованная ячейка при участии старых партийных товарищей начала с октября 1918 года проводить идею коммунизма среди студенчества».

Классовая принадлежность, заявленная в самом начале автобиографии, предопределяла и дальнейшее развитие нарратива. По возможности автор использовал преимущества своей изначальной жизненной позиции, рассказывая о том, как она направляла его в революционный лагерь. В то же время каждая точка отсчета при неблагоприятных обстоятельствах могла превратиться в препятствие на пути к пролетарскому классовому сознанию. Выходца из крестьян-

³⁰⁵ МКР. 326. 172–173.

³⁰⁶ МКР. 326. 59.

ской среды всегда подозревали в религиозности и узости социального горизонта, интеллигента – в слабохарактерности и индивидуализме. Даже социальная принадлежность к рабочим, как ни удивительно, могла обратиться против того, кто ее подчеркивал. Рабочие считались идеальным ресурсом для пополнения партии, но и ожидания от них были выше.

Сын ремесленника, маляра по профессии, Ефим Двинский, студент Ленинградского комвуза, послужит примером подобной ситуации³⁰⁷. В своей автобиографии он определял себя как «рабочего чистой воды», экономически независимого от родителей и находящегося всю сознательную жизнь в стремлении пролетарского движения: «Я, с 11-летнего возраста, был привлечен к малярному ремеслу... [и] до конца 1915, когда семейные раздоры вынудили меня уйти и жить самостоятельно на собственной заработной плате. Таким образом, я перекочевал из Минской губернии в Киев, попал на колбасную фабрику и, с тех пор, остался на этом производстве. Спешу отметить, что в 1917 являлся членом инициаторской группы по созданию профсоюза колбасников. Уже в то время, будучи еще 15 летним малым я – как и среда, в которой я находился – горячо защищали большевиков при дискуссиях на фабрике между рабочими сочувствовавшими разным политическим тенденциям. Конечно, это было инстинктивно».

Итак, пролетарский характер Двинского сформировался в родной для него рабочей среде. Разумеется, он претендовал и на правильное политическое сознание, стремясь к «получению более твердого фундамента в понимании большевистских лозунгов и отчасти программы». Его действия в годы Гражданской войны были образцовыми: он «участвовал в подавлении банд», затем, во время «Деникинского нашествия», попал в заключение. «После побега из тюрьмы скрывался» и из-за этого «был оторван на некоторое время от рабочих». Но в скором времени Двинский вернулся на фабрику, а в мае 1920 года присоединился к киевским большевикам. Вступление в партию упоминалось мимоходом: ничего другого и не следовало ожидать от рабочего, который никогда не сомневался в истинности большевизма.

Но все вышесказанное было только предисловием к совсем иной главе в жизни Двинского. Некоторое преувеличение его заслуг намекало на наличие биографического пятна – Двинский «обюрократится», потеряв «смычку» с рабочими, – но признание в этой провинности откладывалось, чтобы лучше подготовить читателя. А чтобы избежать ярлыка деклассированного рабочего, рассказчик создал впечатление, что отход от станка не наложил отпечатка на его пролетарский дух. «Лишь только отчасти безработица, а затем командировка профсоюза „Пищевик“ в распоряжение „опромгуба“ вынудило меня уйти от непосредственной работы на фабрике. Все же в „опромгубе“, не смотря на возможность достижения карьеры, продвижения на службе я выполнял роль агента по конфискации мяса (моя специальность)... Эта работа была все-таки мне чужда. Я не мог находиться непосредственно в производстве. Только получив отпуск и попав в Брянскую губернию, я всеми усилиями старался попасть на Людиновский завод, что и удалось мне».

На заводе Двинский фактически был подмастерьем, работал в бригаде, «сперва учеником, но вскоре выполнял работу по электропроводке наружных линий наравне с членами артели». Пытаясь не акцентировать внимание на том, что он был начальником, Двинский настаивал на том, что он правильно использовал свой авторитет: «Будучи настроен производственными целями и захвачен трудовым процессом я... агитацией за возвышение производительности труда, заставил своих коллег по артели работать с большим усердием, за что некоторые из них, конечно, втайне были озлоблены на меня». Автор позволил себе некоторое обобщение: «В заключении к биографии отмечаю, что производство всегда притягивало меня также, как и притягивало меня общение с рабочими фабрик и заводов».

Если бы оценка деятельности Двинского зависела только от его вклада в производственный процесс – а он очень на это надеялся, – его бы легко восстановили в партии. Вопрос состоял

³⁰⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 197. Оп. 1. Д. 71. Л. 48–49.

в правильности его политических воззрений. Только в конце повествования Двинский раскрыл причину своей тревоги: необходимо было объяснить участие автора в рабочей забастовке, направленной против советской власти.

Политическая сущность Двинского оказалась под вопросом. В какой-то момент, то ли в конце 1920 года, то ли в начале 1921-го, на заводе «поднялась стачка», как выразился автобиограф. «Поднялась», то есть пришла ниоткуда и, конечно, не была организована фабричными активистами, среди которых числился Двинский. «Наш [электрический] цех забастовал исключительно из-за солидарности с механическим». Сознательные коммунисты понимали опасность выступления. Один из лидеров коммунистов, «работавший тут же», начал уговаривать рабочих вернуться к работе, доказывая, что «положение республики» «в экономическом смысле» не позволяет такие методы протеста, и настаивая на «бесцельности стачки». «Рабочие понемногу смягчались, но все еще не стали к работе».

Стачку против большевистской власти истинные партийцы были обязаны предотвращать. Но у Двинского не было возможности сделать это. «Взять на себя эту инициативу, стать работать, я, и т. Блинофотов, не могли, ибо являлись неквалифицированными. Мы были в полной зависимости от мастера, который, несмотря на никакие увещевания, приступить к работе не хотел. Работа же до этого выполняемая... исключительно артельная, и одному или двум, даже 5-ти рабочим, приняться за нее технически не было выполнимо. Осталось у нас одно средство – это взять молотки и стучать по наковальням, чтобы этим доказать будто работаем». Если Двинский не проявил должную решительность, то только потому, что местная партийная организация бездействовала. «Тут нужно отметить, что ячейки на заводе не существовало, несмотря на наличие членов партии на заводе, около 15 человек». Правда, за стенами завода был райком, но «пройти через ворота завода нельзя было». Все это позже не было учтено, и Двинского исключили из партии. «Но конечно на собрании, при обсуждении моей кандидатуры, я присутствовать не мог, [не мог] доказать безответственность выступавших», просто не знавших всех обстоятельств.

Несмотря на то что стачка длилась меньше одного рабочего дня, Двинский не сумел восстановить свою репутацию перед партией. Неподготовленные рабочие могли быть вовлечены в подобные акции протеста – они недопонимали разницу между нынешним и бывшим. Но Двинский претендовал на партийный билет, и ему полагалось понимать, что советская власть – это власть рабочих. В итоге работа на фабрике не сыграла должной роли идеальной подготовки к вступлению в партию. Поэтому, как это ни парадоксально, в своей автобиографии он тревожился именно за свое рабочее прошлое. Если бы он был крестьянином или интеллигентом, его нерешительность во время забастовки могла быть расценена как рецидив его непролетарского прошлого. Но у Двинского в графе «социальное положение» стояла многообещающая пометка «рабочий». Партия была вправе ожидать от него очень много. Но он не оправдал ее ожиданий.

2. «Крестьяне»

Большевики опасались, что страна, в которой они совершили первую в мире пролетарскую революцию, недостаточно пролетаризирована. Большинство населения в СССР в 1920-х годах было крестьянами, при этом оставалось непонятно, можно ли рассчитывать на крестьян как на активный революционный субъект³⁰⁸. Выступая на XII партийном съезде, Каменев заявил, что если российский пролетариат смог приступить к строительству нового мира, то именно потому, что он «нашел дорогу к сердцу, к пониманию и к историческому разуму всей трудящейся массы, которая в нашей стране состоит в громадной части из крестьянства...».

³⁰⁸ ЦГА ОДМ. Ф. 64. Оп. 1. Д. 78. Л. 8.

И далее: «...умение рабочих вести крестьян против общего врага, умение пролетариев заставить крестьян видеть в нас его родных братьев по борьбе и по строительству, – вот что нам дало силы, вот что нас поддерживало в тяжкие моменты, вот что дает уверенность в том, что и дальше наша борьба будет победоносна...»³⁰⁹

Служба в Красной армии часто фигурировала в автобиографиях студентов из крестьян как решающий жизненный этап – именно там крестьяне разбирались в идее большевизма, там приходили к политической сознательности. Автобиографии указывали на правильный, с точки зрения партии, вектор развития – из бедного деревенского дома в Красную армию, а затем и в РКП(б). В то же время наблюдался и контрреволюционный вектор – дезертирство, возврат в деревню, обогащение.

Заподозренный в пассивности во время Гражданской войны Беляков Сергей Ефремович из Смоленского политехнического института защитил себя, доказав, что оставался политическим невеждой до набора в Красную армию и лишь в казармах быстро разобрался, что к чему. Вот как происходил диалог с ним в 1921 году: «Почему он поздно вступил в партию? Если из-за притеснения старшины, то почему не в 1917–18 гг.? Ответил, что не был совершенно осведомлен о политике и партии, находясь в деревне. Идею о партии узнал и оценил в армии, где и вступил в число ее членов. Парտрбота заканчивается с участием ликвидации бандитизма в Рославльском уезде»³¹⁰.

Жизнь Покладова Марка Федоровича, члена той же ячейки, двигалась в годы революции в обратном направлении – из Красной армии обратно в село, и ему это с рук не сошло³¹¹. Автобиограф уверял, что «не имел билета в 1917 году», так как застрял в деревне. Недоброжелатели же считали, что Покладову не было необходимости оставаться в деревне, ведь семья «может и сама справиться с хозяйством». В вину ему вменяли «многочисленность земли... и собственное кирпичное хозяйство, которое имели его родители». «Без наемной силы, здесь обойтись было невозможно». Было высказано соображение, «что положение коммун<истической> парт<ии> для Покладова в 17 году было вероятно еще неопределенное, почему он будучи в деревне и не выдавал себя за коммуниста, боясь перемен». Мотивациям Покладова не доверяли, тем более что он то приобщался к политике, то отходил от нее. «Подозрительно... постоянное выбывание из партии. Когда нужно он член, а когда для него не нужно – он не член».

Вызывало недоумение то, что Покладов смог попасть на политкурсы, не будучи партийным. На вопрос «Когда фактически вступил в партию?» Покладов ответил, что, будучи направленным для организации коммун и сельскохозяйственных артелей, он обратился в ячейку губземотдела «и был принят по заявлению». Во время перерегистрации в 1919 году он был исключен из партии за непосещение собраний, что в его версии событий «вызывалось семейными обстоятельствами»: «Вскоре ячейкой военно-технических курсов в Петрограде был снова принят в партию, где состою и поныне. После исключения был сочувствующим».

- Не дважды ли исключался?
- Только один раз. <...>
- Что побудило вступить в партию?
- Убеждение, видел реакцию.

Ответы Покладова нашли «сомнительными» и из партии его исключили³¹².

Сельских тружеников можно было считать частью пролетариата. Не многое отличало пахарей, трудившихся в поте лица на полях, от индустриальных рабочих, уверяли большевист-

³⁰⁹ Двенадцатый съезд РКП(б). С. 522.

³¹⁰ ВКР. 326. 14.

³¹¹ ВКР. 326. 14. 68.

³¹² ВКР. 326. 14. 12.

ские идеологи. Но «крестьянство» было сложной, неоднородной классовой категорией, включавшей в себя «бедняков», «средняков» и «кулаков». На протяжении 1920-х годов партия наставляла, что кулаки – это сельские эксплуататоры, которым не может быть места в партии.

Определить социальное положение студентов, приехавших из деревни, с должной точностью было очень сложно. На первый взгляд Павла Михайлова из Ленинградского комвуза могли бы посчитать кулаком. При более благожелательном взгляде о нем можно было говорить как об интеллигенте, но и в этом случае легитимность его учебы в комвузе стояла под вопросом. Сам Михайлов утверждал, что он сын крестьянина, сам крестьянин и как работник села принадлежит к партии пролетариата по праву. По словам Михайлова, его родители были «средняки»: «Надел имели на 1 душу, скота было: 2–3 коровы, 1 лошадь, несколько овец и свиней. Вследствие земельной тесноты отцу приходилось заниматься побочным заработком: одно время крестьянствовал, а сейчас продолжительное время [работает] объездчиком [верховых лошадей] летом в 100 верстах от дома. Сельское хозяйство ведется матерью, братом и сестрами». Сам Михайлов родился в 1898 году, окончил два класса министерского училища в 1911 году. Попытку избавиться от тягот крестьянской жизни он и не скрывает. «Так как я учился хорошо, и отец имел заработок, то он меня захотел „вывести в люди“. Осенью 1913 года поступаю в Череповецкое 4-классное техническое училище. Первый год пришлось учиться на свои средства, а со второго года был принят на казенный счет». Научившись затем слесарно-токароному делу, Михайлов поехал искать работу в Петроград. «[Летом 1917 года] поступил слесарем на Морской пристани, на завод минного транспорта. Октябрьской революцией не был захвачен, ибо жил на окраине, хотя и читал газеты». Январь – февраль 1918 года Михайлов «прожил дома», но по возвращении в Петроград поступил в депо ст. Звонкая в качестве слесаря, помощника машиниста и, наконец, машинистом; в октябре 1919 года вступил в партию.

Протокол заседания ячейки не включает формулировок вопросов, заданных Михайлову. Но его ответы показывают, что товарищи с подозрением отнеслись как к его крестьянским корням, так и к последующей пролетаризации.

– Пошел в ВУЗ, потому что не было террористической подготовки; в 1917 году, в армию не был призван, имел отсрочку как учащийся...

– Отец служит сейчас в Ленинграде. Сестра учительствует. <...> До поступления в университет связь с деревней имел, в том отношении, что иногда посылал домой денег. Отец наемным трудом не пользовался. Крестьянское хозяйство отца революцией не затронуто, налоги выполнялись.

– Жена моя интеллигентка, окончила гимназию, член партии с 1919 года. Работает в обкоме.

– Настроение отца и матери не революционное, поэтому прервал связь с ними. Обком противился откомандировать меня в университет, потом отпустил.

– Брат был комсомольцем и служил в Красной армии. Сейчас в деревни ведет культурабату.

Михайлову удалось отмежеваться от своей ретроградной семьи, и товарищи в итоге согласились, что он не собственник-эксплуататор. Но это отнюдь не значило, что Михайлов может претендовать на социальную принадлежность к крестьянству. Развернулся принципиальный спор вокруг определения его классовой идентичности. Предложение считать его «сыном крестьянина-средняка» получило 6 голосов в поддержку; за конкурирующее предложение – «сын крестьянина из середняцкой зажиточной семьи» – проголосовали 11 студентов. Рассматривались также предложения считать его «сыном крестьянина-служащего».

Не менее спорным был и анализ социального положения Михайлова. «Низший слой технической интеллигенции», – предложил один из членов ячейки. Другой тоже не доверял про-

летарским претензиям товарища: «Михайлов сказался рабочим, чтобы пойти дальше, выдвинуться и получить диплом». «Квалификация рабочего получается путем долгой практической работы, – заметил третий, – поэтому относить Михайлова к рабочим нельзя». Победило определение «низший технический интеллигент» (за – 16, воздержался – 1)³¹³.

Родители Михайлова нанимали соседей в качестве рабочей силы и поэтому могли запросто угодить под определение «кулак». Иначе обстояло дело со средней деревенской прослойкой. Не эксплуатируя других, середняки могли определяться как пролетарии. Но обладая средствами производства, они с тем же успехом могли считаться и представителями буржуазии.

Вопрос, как определять классовые характеристики крестьянина, постоянно обсуждался в годы НЭПа. С 1925 года к «группе крестьян» относили тех, чьим основным занятием было сельское хозяйство или скотоводство, – при условии ведения хозяйства самостоятельно, без работающих по найму³¹⁴. Труженики в сельскохозяйственных коммунах и в колхозах тоже считались крестьянами. Члены партии, обрабатывавшие свои наделы, писали «хлебороб» в графе «профессия», если не имели более конкретной профессии типа «рыбак» или «пастух». «Батрак» считался наемным рабочим, но крестьянину, работавшему в родительском хозяйстве, уже отказывали в принадлежности к этой категории. «Наемный труд» рассчитывался с момента начала постоянной работы, являвшейся главным источником дохода. Например, член партии, занятый в отрочестве пастушеством, мог утверждать, что он не крестьянин, а «сельскохозяйственный работник», даже если жил за счет родителей. Наемный работник указывал, сколько лет являлся таковым, был ли занят в сельском хозяйстве или на производстве; перерыв длиннее года не засчитывался в стаж³¹⁵.

Можно выделить два подхода к определению классовых характеристик крестьянина. Синхронный подход предполагал, что классовое положение крестьянина зависело от величины земельного надела и использования наемного труда. Подход, учитывавший диахроническое измерение, рассматривал и другие факторы – например, наличие тенденции данного хозяйства к обогащению или, наоборот, к непрерывным разделам и обнищанию.

Сам «крестьянин» мог придерживаться двух стратегий самопрезентации: претендовать на переход в рабочий класс или на статус образцового крестьянина, законного союзника рабочего класса в построении нового общества³¹⁶. В начале 1920-х годов, когда двери партии были открыты преимущественно перед индустриальными рабочими, первая стратегия была более предпочтительной. В зените своей популярности Троцкий считался главным поборником превращения крестьянского сознания в пролетарское:

*Искусной речью и пером
Он ратовал за перелом
В мозгах лохматых кустарей
С хозяйской психологией кулацкой
И требовал от бунтарей
Окраски классовой, фабрично-заводской, батрацкой*³¹⁷.

подавая в 1923 году заявку в партийную ячейку Ленинградского института инженеров путей сообщения, Алашкин Б. старался следовать подсказке Троцкого и говорить о пролетаризации кругозора, а не акцентировать внимание на своих крестьянских корнях. Его крат-

³¹³ ЦГАИПД СПб. Ф. 197. Оп. 1. Д. 116. Л. 71.

³¹⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 3. Оп. 1. Д. 841.

³¹⁵ Там же. Д. 841. Л. 1–12; ЦДНИТО. Ф. 320. Оп. 1. Д. 6. Л. 1–63; Ф. 320. Оп. 1. Д. 114. Л. 24–25, 65.

³¹⁶ Rigby T. H. Communist Party Membership in the U. S. S. R. P. 97.

³¹⁷ Красные зори. Петроград. 1923. № 3. С. 18.

кая биография признавала преимущество рабочего пути в жизни: «...родился в крестьянской семье, которая меня воспитала и дала образование в сельской школе». Алашкин работал конторщиком в уездном земельном отделе до 1921 года. «Такая работа среди мелкобуржуазного крестьянства мне уже надоела, и я задумал ехать куда-либо в город Петроград, Москву, с той целью, чтобы познакомиться с жизнью рабочих»³¹⁸.

Однокурсник Алашкина Костромитинов И. Д., тоже признавая превосходство индустриального пролетариата над крестьянством, просил, чтобы его обязательно зачислили в партию как «рабочего». «Товарищи, – писал он, – прошел год после того когда я стучался в двери партии. После двух месяцев я был утвержден Губкомом в кандидаты в РКП(б) с прохождением годового стажа. По происхождению являюсь крестьянином, отец бедный крестьянин, коммунист, с мая 1919 года. Но от деревни я изолирован, и общего ничего кроме вынужденной помощи не имел – а теперь подавно». Основная профессия Костромитинова – «телеграфист-марксист»: «...каковым я был использован на восточном фронте гражданской войны. Следовательно, я являюсь рабочим... и, на основании положения XI партсъезда о применении 6-месячного кандидатского стажа к рабочим и красноармейцам из рабочих и крестьян, прошу бюро дать соответствующий отзыв и направление моему заявлению»³¹⁹.

Трудящийся крестьянин, проникшийся ролью союзника рабочего в стране пролетарской диктатуры, имел право претендовать на место в партии. Поэтика крестьянских автобиографий отводила некоторое место описанию сельской идиллии, несколько конкурирующей с пролетарским топосом завода. Конечно, в большинстве своем крестьянам нужно было переехать в город – в селе было непросто достичь прозрения. Путь к коммунизму у крестьян был извилистым, собственническая жилка мешала им принять большевистский универсализм. Партия воспринимала деревню как темное место, полное примитивной набожности, суеверий, «сельского кретинизма».

Так, крестьянка Добровольская, писавшая в ячейку Ленинградского института инженеров путей сообщения в 1925 году, не стеснялась своего социального положения, и ее сочинение может считаться классическим примером крестьянской автобиографии. Приняв свой крестьянский мир как нечто само собой разумеющееся, Добровольская показала, как именно он привел ее к коммунистическому сознанию. «Родилась в 1900 году в Орловской губернии Ливинском уезде... в очень бедной крестьянской семье. Родители мои коренные крестьяне, хозяйство в николаевское время было скудно земли одна десятина, ветхая хата и корова и куры...»

Экономические трудности семьи усиливались ужасной эксплуатацией крестьян-бедняков до революции: «Лошадь купить были не в состоянии – так как летом в страдную пору, работали на богатых крестьян и помещиков, которых в нашей губернии было как грибов после дождя. Зато убирали 40 поповских десятин за какие-то 2 копны соломы и за хлеб, которого для нашей семьи не хватало, а нас было 6 человек. Зимой пряли и ткали исключительно для людей».

Усиливая контраст с богатыми эксплуататорами, Добровольская представляла себя не только как доведенную до нищеты крестьянку, но и как сельского пролетария. До сих пор она следовала уже знакомым нам принципам крестьянских автобиографий. Однако она быстро вышла за их рамки и обратилась к большевистскому предположению относительно темноты крестьянского разума: «Училась в церковно-приходской школе, был у нас пьяница-учитель да поп, который только и говорил о святых мощах Киевских. У меня появилось недоверие к этим мощам и вот, в августе 1917 года... упросила маму отпустить меня на богомолье в Киев посмотреть, правда ли есть нетленные тела. Я приставала ко всем с расспросами, но в деревне

³¹⁸ ЦГАИПД СПб. Ф. 1085. Оп. 1. Д. 24. Л. 4.

³¹⁹ Там же. Д. 26. Л. 68.

объяснить это никто не мог, только брат говорил мне: „Скажи попу, что он все врет“, он был из политических, устраивал крестьянские бунты и не раз сидел в уездной тюрьме. <...> И так, в Киев я поехала, и что ж я увидела, что все мощи сделаны из мусора и воска, железа, ваты, стружек».

Тема потери веры регулярно просматривается в студенческих автобиографиях. Авторы специально отмечали, когда порвали с церковью. Витко из Ленинградского комвуза «верить в бога перестал в 1913 году»³²⁰. Таисию Петрову крестили, но только «по настоянию бабушки». «С 12 лет, я перестала верить в бога». Еще подростком Петрова «примыкала к большевикам» и замуж в церкви не выходила³²¹.

Жизнь Добровольской началась с «крестьянской доверчивости» и православия – «опиума для народа». Несмотря на это, она очень рано бросила вызов этим «крестьянским представлениям» под влиянием брата-революционера. Добровольская «его внимательно слушала, и раз унесла у него „Подпольную Россию“». Она признается, «что очень мало поняла», но ей понравилась статья Перовской, которая была опубликована в этом журнале. Наконец, увлеченная большевистскими идеями, Добровольская начинает свою революционную деятельность.

Брат выполнил для Добровольской важную роль социально-культурного посредника. Избытком таковых партия похвастаться не могла. «Если есть один или два товарища, которые могут что-нибудь дать крестьянину, как-нибудь привести к сознанию этих молодых, революционных в душе, но политически несознательных товарищей-крестьян, – [таким] товарищам приходится разрываться на части», – отмечал Мурахин на X партийном съезде³²².

Добровольская вместе с родней покинула Киев и стала ученицей в мастерской, принадлежавшей белогвардейцам. Однако это было только прикрытие. Она уже вступила в революционную организацию, участвовала в тайных собраниях, агитировала за 8-часовой рабочий день и страдала от гонений. Так как она умела читать и писать, ее выбрали в делегаты союза снабжения. Переехав из Киева в Одессу, автобиограф «крестьян не покидала, работала на поле в окрестностях города, вела антирелигиозную пропаганду, рассказала им, что мощи сделаны из мусора и что священники их обманывают». Достигнув света пролетарского сознания, Добровольская торопилась просветить своих братьев-крестьян. Автобиография заканчивалась на триумфальной ноте. Семья Добровольских солидаризировалась с революцией: «В настоящее время родители мои живут сносно, имеют лошадь с жеребенком, корову, пару овец, земли сейчас больше, так как получили от советской власти. Брат мой член Комсомола, и сестра тоже комсомолка... [а ее] муж член РКП». Автор добавила, что в 1921 году комиссариат продовольствия отправил ее на рабфак ПГУ, «следуя за рекомендацией от партии» как «одну из нас»³²³.

Риторическое мастерство Добровольской было напрасным: ее кандидатуру отклонили «как совершенно не выявившуюся». Автобиограф не смогла убедить партийную ячейку, что потенциал, заложенный в молодой крестьянке, уже реализовался, да и возможность того, что семья Добровольских зажиточна, нельзя было сбрасывать со счетов.

В середине 1920-х годов дихотомия «пролетарии (индустриальные рабочие)/не пролетарии» уступила место новой дихотомии – «труженики/паразиты». Этому дискурсивному сдвигу сопутствовали изменения в отношении партии к крестьянству. Оставаясь в проигрыше в сравнении с рабочими, крестьяне теперь нашли себя на правильной стороне классовой баррикады. Но все-таки партия не спешила открыть для них свои двери. «Ленинский призыв» привел в партию множество «индустриальных рабочих», но нельзя было сказать то же самое о крестьянах. Даже широко распропагандированное обращение «лицом к деревне» лета 1924 года мало

³²⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. 197. Оп. 1. Д. 116. Л. 64.

³²¹ Там же. Л. 75.

³²² Десятый съезд РКП(б). С. 307.

³²³ ЦГАИПД СПб. Ф. 138. Оп. 1. Д. 34. Л. 66–68.

что изменило. Большевистское руководство все еще было озабочено рабочим составом партии³²⁴.

Таблица 6. Социальное положение коммунистов Ленинградского сельскохозяйственного института, 1924–1926 годы

Социальное положение	Осень 1924	Весна 1926	Осень 1926
Крестьяне	95	192	156
Другие классы	64	156	254

Источник: ЦГАИПД СПб. Ф. 258. Оп. 1. Д. 5. Л. 40–41; Д. 42. Л. 47; Д. 46. Л. 21, 24; Д. 114. Л. 22, 45, 48.

Только затеянный годом позже второй «ленинский призыв» переломил ситуацию. Отменяя решение XIII партийного съезда о том, что составляющая рабочих в партии должна дойти до 50 %, XIV партийная конференция (апрель 1925 года) запретила классовые квоты и уменьшила количество рекомендаций для крестьян при вступлении. XIV партийный съезд (декабрь 1925 года) ввел некоторые формальные облегчения для «крестьян от сохи» – сохранялось требование трех рекомендаций, но партийный стаж рекомендуемых снизился с трех лет до двух³²⁵. Эффект этих послаблений был разительным: если, например, в декабре 1924 года 17,2 % ячейки Томского технологического института считались «крестьянами» и «детьми крестьян» (43 студента), то вес этих категорий годом позже дошел до 32,7 % (88 студентов)³²⁶. Увеличение крестьянской составляющей объясняется и некоторыми изменениями в методах учета: статистический отдел ЦК постановил, что народные учителя и фельдшера, работающие в деревне, принадлежат ко второй категории («крестьяне»), а не к третьей – «служащие»³²⁷.

В центр сразу же пошли жалобы на перебор – крестьяне наводняли партию. В то время как только 11,1 % партийных новобранцев 1924 года были «крестьянами», в 1925 году их вес достиг уже 29,5 %. Когда в первой половине 1926 года оказалось, что крестьяне составляют уже 39 % новобранцев, партия дала отбой. Ячейки отныне должны были доказывать, что вступающие в партию крестьяне активно поддерживают советскую власть³²⁸.

Колебания количества «крестьян» среди коммунистов Ленинградского сельскохозяйственного института показывают, насколько вузы были чувствительны к сигналам сверху. Если в 1925 году рост крестьянской составляющей в институте был значительным, то после новых инструкций из Москвы тенденция резко изменилась. Дискриминация крестьян полностью возобновилась ко второй половине 1926 года³²⁹.

Студенческие автобиографии были не менее чувствительны к колебаниям классовой политики партии. Уже первая фраза автобиографии Парфенова Ф. из Ленинградского института путей сообщения гордо указывала на крестьянские корни: «Отец мой один из беднейших

³²⁴ Carr E. H. Socialism in One Country. Vol. 2. P. 178–179.

³²⁵ XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчет XIV съезда ВКП(б), М.; Л., ГИЗ, 1926. С. 877.

³²⁶ ЦДНИТО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 1176. Л. 123; ГАНУ-П. Ф. 2. Оп. 1. Д. 461. Л. 127.

³²⁷ ГАНУ. Ф. 1053. Оп. 1. Д. 1000. Л. 32.

³²⁸ Ленинградская правда. 1925. 19 февраля; ЦДНИТО. Ф. 115. Оп. 2, Д. 8. Л. 146; Rigby T. H. Communist Party Membership in the U. S. S. R. P. 139–140, n. 26; Известия ЦК РКП(б). 1925. № 13–14. С. 15; Черный. Регулирование, рост и социальный состав партии. Большевик. 1925. № 23–24; Смиттен Е. Г. К итогам регулирования роста партии // Большевик. 1926. № 12. С. 60–72; Carr E. H. Socialism in One Country. Vol. 2. P. 181, n. 1; Бубнов А. С. ВКП(б). М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1931. С. 616; Rigby T. H. Communist Party Membership in the U. S. S. R. P. 135.

³²⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. 1085. Оп. 1. Д. 30. Л. 15, 96; Д. 101. Л. 91–92.

крестьян этой деревни; имущество его состояло из избы, одной лошади и коровы, а в настоящее время даже не имеет и лошади в связи с голодом в Поволжии».

Парфенов выводил свое социальное положение из прошлого: «До 1914 года жил вместе со своими родителями в деревне и, насколько мог, помогал им в хозяйстве. В 1911–12 годах проводилась в жизнь земельная программа по проекту Столыпина, согласно которой крестьяне должны были приобрести себе отруб и обрабатывать его. Не купившие же отруба, оставались без земли. В число таких крестьян попал и мой отец, который не имел, чем заплатить за отруб». Семья выехала в Астрахань, «на заработки». Примечательно, что на последствия столыпинской земельной реформы Парфенов смотрел как большевик: консолидация земли и ее обособление обогатили кулаков и отправили бедных крестьян в города. Автобиография побуждала читателя завершить силлогизмом: если бедных крестьян заставляли перейти с земли в город, а именно такая судьба постигла и семью Парфенова, то, конечно же, сам Парфенов был не кем иным, как бедным крестьянином. Если бы положение «я бедный крестьянин» было четко сформулировано, это могло бы привлечь внимание к измышлениям в версии автобиографа. Но когда вывод вытекал из несвязанных, как бы случайно упомянутых биографических деталей, он звучал убедительно.

«После Октябрьской революции, когда земля была возвращена крестьянам и распределена поровну между желающими ее обрабатывать» автобиограф захотел вернуться в родную деревню и «заняться своим делом». Крестьянская идентичность Парфенова пробудилась, город его не деклассировал. Революция покончила с его маргинальным статусом и вернула ему крестьянскую гордость. Жаль только, что в его родной деревне не осталось «ни кола, ни двора».

Тема возвращения в деревню может рассматриваться как метод самоутверждения крестьянина. Обратим внимание на то, что автобиограф упомянул о родной деревне в одной мимолетней фразе и никогда не говорил о своем фактическом возвращении туда. Отец Парфенова, в начале рассказа живший в деревне, еще раз не упоминался. Перед поступлением в институт Парфенов жил в Астрахани, где преуспевал в городской жизни. По-видимому, его крестьянское прошлое было просто лучшей картой в колоде, которую он мог выбрать для своей социальной идентификации. Беспокоящийся о возможной негативной оценке дореволюционных лет, проведенных в городе, и неспособный, по неизвестным нам причинам, доказать, что город превратил его в рабочего, Парфенов цеплялся за свое крестьянское происхождение, надеясь превратить его в приемлемую для партии социальную точку опоры.

Главным было остаться в пролетарской когорте, ни в коем случае не скатиться к мелкобуржуазным элементам. Юферев С. В. из ЛГУ, например, ни в коем случае не хотел считаться «интеллигентом». «На основании полученного вами циркуляра от ЦК РКП(б) об определении членов и кандидатов к той или иной группе по социальному положению, – писал он 19 ноября 1925 года в коллектив РКП(б) при ЛГУ, – прошу рассмотреть мое заявление о причисление меня к группе крестьян. Я до настоящего времени по социальному положению не был определенно отнесен ни к группе интеллигентов-служащих, ни к группе крестьян, хотя, иногда, и зачисляли в последнюю группу»³³⁰.

Основанием для просьбы была автобиография: «По происхождению, я чистый крестьянин. Мои родители всегда и сейчас живут в деревне и занимаются земледелием. До 1923 года, я был равным членом крестьянской бедной семьи, хотя в последние годы учился. От сельскохозяйственной работы нисколько не отрывался... и учился на средства хозяйства и государства. В 1923 году, после военной службы, я поступаю на службу, на школьную работу, но и в этот раз, из-за смерти отца, помогал по летам, своей непосредственной работой семье. Только это лето я уже не работал, но часть времени в эти последние годы уделял домашнему хозяйству. Таким образом, от работы в деревне я определенно отрыва не имел. А сейчас, во время работы

³³⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 1. Д. 137. Л. 175.

в университете, я опять больше буду связан летом с крестьянским хозяйством, т. к. (других) работников в семье нет. За исключением одного-двух лет, я участвовал непосредственно в крестьянской работе, а моя служба была очень кратковременной. Поэтому я больше могу [быть] причислен к группе крестьян».

При приеме в кандидаты РКП(б) у Юферева потребовали только три поручительства, но кандидатский стаж ему назначили как числящемуся по третьей группе («служащему») ³³¹. 10 апреля 1924 года партия отказала в членстве Соболеву, приняв «во внимание долготную оторванность от крестьянства и его социальное положение, служащий». Надо было учесть «взятый курс на улучшение социального состава нашей партии» ³³².

Федулаев из того же вуза выстроил свой автобиографический нарратив в 1924 году так, чтобы избежать столь грустной участи. «Отец мой, – так начал автобиограф, – крестьянин Тамбовской губернии, ходил на заработки на правах безземельного крестьянина, занимаясь плотничеством. С 14 года отец, кроме плотничества, арендовал землю в количестве полторы-две десятины, а с революции, получил землю, окончательно занимается крестьянством. <...> Весь 19 год веду самостоятельное крестьянское хозяйство. Осенью 19 года месяца 3–4 извозничаю». В апреле 1917 года Федулаев поступил вольнонаемным писцом «вместо призванных некоторых писцов в военную службу» и затем попал на землемерные курсы. «Октябрьская революция у нас произошла в феврале 1918 года, а потом разгорелась гражданская война». Федулаев стал зреть политически. «Против красных были офицеры, гимназисты, а я был на стороне красных, т. к. в период извозничества у меня [появился] большой круг знакомых пролетарского характера». 15 июня 1918 года Федулаев поступил добровольцем на службу в 1-й революционный бронепоезд, служил в качестве телеграфиста, «а иногда и пулеметчика». «В боях, на броневике, был контужен, отлежался дома, а в ноябре 1919 года вступил в РКП».

Оставался ли Федулаев крестьянином при всем этом? Формулировки расходились:

Туркин: признать тов. Федулаева крестьянином можно, с оговоркой, что работал в с/х полтора года.

Стасюк: точнее будет сказать, что Федулаев служащий, но работал в с/х полтора года.

Козлов: Федулаев, по социальному положению, является действительно крестьянином, так как полтора года он вел самостоятельно свое хозяйство. Затем, во время учения, помогал, и имеет связь в данное время. Если этот срок мал для определения социального положения, то срок службы его в казначействе, и в столичном правлении, еще менее, поэтому тем более нельзя говорить о социальном положении, «служащий». Остальное же время он был в Красной армии, каковая никакого социального положения не дает.

Иванов: он является крестьянином, так как, вел самостоятельное хозяйство, и помогал во время учебы – «служащий» может быть у того, кто только содержит<ся> на жалование от службы.

Федотов: у т. Федулаева действительно социальное положение не определенное, но к этому нужно указать, что он 14 месяцев служил, полтора года занимался с/х, был 4 года в Красной армии.

Многие соглашались, что «лучше узнать у самого т. Федулаева, куда он более склонен, т. к. социальное положение, до сих пор, у него еще не сформировалось». Партийный устав не предполагал, что студенты будут сами выбирать себе социальное положение, но Федулаев высказался по этому поводу: «Мое социальное положение до армии крестьянское, но если бы

³³¹ Там же.

³³² ЦГАИПД СПб. Ф. 197. Оп. 1. Д. 217. Л. 19.

я оставался дольше в красной армии, то у меня социальное положение было бы уже своеобразное, именно – работник армии». На голосование были выдвинуты два предложения насчет социального положения Федулаева: «крестьянин» (за – 4) и «неопределенное, но связан с крестьянством» (за – 13). Федулаев избежал причисления к третьей категории. Его конторская, а затем просветительская работа не были продолжительными и не изменили его сознание³³³.

Долгие споры о различиях между «крестьянами» и «интеллигенцией из крестьян» говорят о неприятии последних. Крестьянин был труженик, производитель, чего сельский писарь или учитель не мог сказать о себе. Обратим внимание на подозрительность в отношении Кулеева И. Г. Он считал себя крестьянином, хотя до революции пользовался образовательными льготами. Как только анкета была зачитана на собрании партячейки Томского технологического института (22 ноября 1926 года), сомнения не заставили себя ждать:

«Какую стипендию получал? От кого?» Кулеев отвечал ровно: «От земской управы в размере 15 рублей... с первого класса... как нуждающийся». Как попал в реальное училище? Так как «отец был в плену, а брат отца служил сельским писарем, и это давало повод к продолжению образования».

«Мне не ясно происхождение, – критически высказался Неудахин. – Так как, крестьянин Саратовской губернии имеющий 10 десятин земли уже не бедняк. А так же, кто раньше получал стипендию? Я думаю, что [перед нами] та категория людей, которая имела связь с земством, но не крестьянин бедняк». Предложение оставить вопрос открытым до выяснения социального положения родителей Кулеева получило большинство голосов (50)³³⁴.

Образование могло вредить даже тем крестьянам, которые учились уже в советские годы. Партийную кандидатуру студента Сибирского технологического института Герашенкова Н. С. отклонили в октябре 1925 года, несмотря на его крестьянские корни: «Второй год в ВУЗе и, следовательно, он уже является интеллигенцией», – говорили о нем в партбюро³³⁵.

Смирнов Ф. М. из Ленинградского института инженеров путей сообщения пытался отмежеваться от интеллигенции как мог. Поступив в 1922 году на 1-й курс рабфака, он подал заявление о приеме в число кандидатов РКП(б): «Райком постановил принять меня в кандидата по 3-й категории, как интеллигента. Считаю такую постановку вопроса не правильной, прошу ходатайства бюро коллектива о пересмотре моего дела, и смене категории на 2-ю, ибо не считаю себя интеллигентом». Не было ли это очевидно из автобиографии Смирнова?

Выходец из крестьянской семьи... должен был уйти в поденщину на Северную Железную Дорогу, ибо нас три брата, а пахотной земли у отца полторы десятины. Поработал здесь около года, уволили, и я должен был ехать на постройку Мурманской железной дороги за кусок хлеба. <...> Только после революции... я получил возможность учиться; в 1922 году окончив Губсовпартшколу в Череповце, был назначен на должность Политпросвета при... заводе, откуда и уехал учиться.

Смирнов нес свет в рабочие массы, не отрываясь от пролетариата. «Неужели, из моей биографии, верно, что я интеллигент? – спрашивал он. – Зачем тогда интеллигенцию принимали на рабфаки и не выбрасывают в чистки? Пусть мне докажут, что я интеллигент, и я сам ни минуты не останусь на шее государства как рабфаковец»³³⁶. Тирада Смирнова ставила вопрос о классовой сущности этих учреждений. Рабфак, по мысли Луначарского, это «политическая организация... проводящая идеологию рабочего класса, борющегося за завоевание высшей школы пролетариатом». В аудиториях рабфака, говорил нарком образования, сидят

³³³ Там же. Д. 117. Л. 76 об.

³³⁴ ЦДНИТО. Ф. 320. Оп. 1. Д. 19. Л. 10.

³³⁵ Там же. Д. 7. Л. 19.

³³⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 1085. Оп. 1. Д. 23. Л. 47.

«не одни сыновья интеллигентных отцов, но настоящие рабочие и крестьяне»³³⁷. Или же рабфаки являлись кузницей интеллигенции, как любое другое образовательное учреждение? В таком случае Смирнов, которому рабочая принадлежность была важнее всего, обещал сдать свой студенческий билет.

Тем не менее каждый студент предпочитал слыть деревенским интеллигентом, а не кулаком с его известными мелкобуржуазными привычками. Корнеев Феодосий Трофимович из Смоленского политехнического института прослыл кулаком благодаря политическим взглядам, а не финансовому положению, хотя зажиточность семьи была налицо. В автобиографии говорилось: «Земли имел 4 дес., при царском режиме, теперь 8 десятин». Григорьев, знавший автобиографа со школьной скамьи, свидетельствовал, что до своего вступления в РКП он высказывал «закулацкие вопросы, возмущался меньшевиками, протаскивал большевиков. <...> Сомнительно, почему он ушел служить в милицию, если дома имелась земля. Просил у меня поручительства – я не дал». «Корнеев не мог быть не знаком с программой партии, – добавил Борисов, – если сам указал, что голосовал за список № 3 в учредительное собрание [эсеровский] – значит он разбирался». Не наивный крестьянин, а кулацкий идеолог Корнеев был из партии исключен³³⁸.

Заявления студентов «из крестьян» в партячейки вузов раскрывают отношения между экономическим благосостоянием и политической ориентацией так, как они виделись большевикам. Возьмем пример 23-летнего Иванова И. К., студента юридического факультета ЛГУ из семьи крестьян деревни Большая Маклашкина (Мариинск). Находясь пятый год в комсомоле, Иванов говорил: «Я достаточно поработал на общественном поприще и получил практическую подготовку – желаю перейти в ВКП(б) для более серьезной работы». В классовом смысле он считал себя как нельзя более подходящей кандидатурой. Дед его был крестьянин, отец и мать – рабочие, сам он ученик столяра. Политически Иванов тоже доказал свою преданность революции: его автобиография упоминала службу в «отрядах Чека по уничтожению бандитов».

Но Мариинско-Посадский райисполком не разделял мнения Иванова о себе: в январе 1928 года в Ленинграде стало известно, что у его хозяйства требуют вернуть семенную ссуду, взятую пять лет тому назад уже почившим главой семьи (27 рублей). Не выполняя свой гражданский долг, это семейство было врагом советской власти.

Автобиограф не думал сдаваться. Он отвергал претензии, используя все ресурсы официального языка: «Я возмущен поведением местного сельсовета. Этот председатель сельсовета, выросший в зажиточной семье, не хочет понимать интересы бедняков... которые горят в красном огне и строят новое дело. <...> Он великолепно знает, как наш отец нищенствовал, как семья ходила голодная. <...> По вопросу о семсуде, еще здесь в Ленинграде, мне приходилось в последней сессии ЦИК поговорить с Михаилом Ивановичем Калининным, председателем ЦИК СССР, который объяснил, что с бедняков часть будет сложена, а часть отсрочена. <...> Я вынужден написать в центр как искажают наши законы на местах». Развивая последнее положение далее, Иванов добавил, что «мы уже 11 год существуем и пролетарская диктатура так сильна, а между тем в дальних деревенских уголках все еще имеется некоторое оживление кулацких элементов».

Ответив своим обличителям сполна, автобиограф перешел к содержанию отвода. «Я прошу РКП решить в пользу бедняка, мотивы для этого следующие: отец умер в 1926 году, оставил 7 человек семьи. До последнего момента отец нищенствовал. Мы с 17-летним братом студенты (брат на рабфаке)... выделяем на поддержку семьи из последних мизерных стипендий 10–15 рублей, дабы поднять и поддержать хозяйство». Защита строилась не на жалобной

³³⁷ Луначарский А. В. Роль рабочих факультетов // Вестник рабочих факультетов. 1921. № 1. С. 3–7.

³³⁸ Спирин Л. М. Россия 1917: Из истории борьбы политических партий. М.: Мысль, 1987. С. 310; Очерки истории смоленской организации КПСС. Т. 1. С. 70.

просьбе о снисхождении, а на дерзкой контратаке. «Подходя к этому вопросу чисто с политической и экономической стороны нашего отцовского хозяйства, для меня становится непонятным следующие положения: 1. Разве пролетарское государство не издало манифест о льготах беднякам? 2. Разве для нас бедняков не существуют законы Советской власти? 3. Разве революционная законность направлена к подавлению бедняков? 4. Разве декрет пролетарского государства гласит: „опиши последнее имущество у бедняка“?»

Итак, ситуацию нужно было рассматривать в политическом ключе. Рекомендую себя как ветерана Гражданской войны, Иванов предпочитал военный коммунизм мелкобуржуазному нэповскому строю. Классовый компромисс в деревне доживал свои последние дни, и автобиограф считал себя вправе думать, что высасывание ресурсов из бедных дворов идет на пользу кулакам.

Ячейка Ленинградского государственного университета решила навести справки. Через три месяца в партбюро поступили «результаты обследования членом бюро райкома действительного состояния хозяйства семьи Иванова» (10 апреля 1928 года): «Имеется изба новая, сарай среднего состояния, одна лошадь, одна корова. Образ жизни и материальное положение семьи Иванова по внешнему виду не так бедное, по сравнению с другими хозяйствами, масса фотографических карточек, стоимость съемки каких-то хватила-бы на погашение всех видов налогов. Рабочих рук в семье достаточно. <...> Недавно брат Иванова, Вячеслав, ездил на экскурсию в Ленинград. На все средства есть... а на уплату налогов нет. Больше половины крестьянства этой деревни живут в экономическом отношении хуже семьи Иванова, а налоги вносят вовремя».

Разбирая защиту Иванова по кирпичикам, новый отвод перешел к политическим обвинениям. «Не подобает пролетарскому студенчеству создавать недоверчивое отношение к местной власти, начиная с сельсовета, и кончая райсполкомом, не только в своей семье, но и среди населения». В заявлении красной нитью проходит вопрос: «За что мы боролись?» «Семья Иванова и сам Иванов авторитетом не пользуются, так как пытаются оградить свои личные интересы. Правда, по непроверенным слухам, сам Иванов И. К. был под судом и т. д., в период военного коммунизма». В заключение райком ВКП(б) выразил уверенность, что «тов. Иванов не достоин быть в пролетарских учебных заведениях», ну а в партии и подавно³³⁹.

Иванов построил свои заявления на всевозможных контрастах между алчной местной властью и сознательным центром. В свою очередь, Мариинская парторганизация характеризовала Иванова как жадного крестьянина, который настраивал деревню против советской власти. Заставили ли Иванова платить налоги и приняли ли его в партию, неизвестно, но связь между крестьянским благосостоянием и неприятием партийной «уравниловки» просматривается в его деле отчетливо.

Крестьянская автобиография представляла своего протагониста как инстинктивного революционера, приведенного в партию не столько теоретическими знаниями, сколько безжалостной эксплуатацией кулака или помещика. Как правило, кандидаты демонстрировали всевозможные преграды на пути крестьянина к классовому сознанию и способы их преодоления: автор описывал себя как бедняка, винил в своей долгой пассивности сельскую отсталость и подчеркивал роль религии как одурманившего фактора. Часто в таких автобиографиях местные попы выполняли роль ретроградов и контрреволюционеров, а интеллигенты-марксисты из индустриального центра – носителей «идеи партии». Служба крестьянина в Красной армии или работа на фабрике и, следовательно, обработка его сознания хорошо налаженной пропагандистской системой приводили его в большевизм.

Остановимся на жизненной траектории аспиранта Ленинградского института красной профессуры в области политэкономии Левена Петра Гергардовича, сына сибирского хлебороба

³³⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 1. Д. 126. Л. 89–93.

из немцев, ставшего со временем преподавателем Ленинградского института красной профессуры³⁴⁰. Из официальных данных в его личном деле мы узнаем, что Левен:

- 1920–1926 – работает учителем в сельских школах в Сибири;
- 1920–1921 – учится в немецкой партшколе в Москве;
- 1921–1922 – секретарь и член ЦБ Немецкой секции (при Агитпропе ЦК РКП(б));
- 1922–1923 – кончает 1-й курс Немецкого пединститута в Москве;
- 1923–1926 – учится в 1-м Московском государственном университете и работает заведующим школой 1-й и 2-й ступени;
- летом 1923 года работает в Обкоме РКП(б) нем. республики заведующим политотделом пропагандистов;
- 1926–1928 – в Сталинграде преподаватель совпартшколы по экономическим дисциплинам и сов. праву и заведующий школой взрослых;
- с 1928 года – в Ленинграде зав. учебной частью Немецкого центрального педагогического техникума³⁴¹.

В своей автобиографии Левен ярко и с бесспорным талантом описывал бедствия и горести, которые встретил на пути к коммунистическому мировоззрению. Повествование его невзгод показывало, насколько сложной и противоречивой бывала сельская жизнь, как непросто могли выстраиваться некоторые крестьянские нарративы.

Кандидатом в партию Левен стал 8 августа 1920 года в одном уездном городе Сибири, Омской губернии. Прием его был безоговорочным. «[Все поручения] я всегда выполнял с любовью и рвением. <...> Моя работа и мое поведение с момента вступления в кандидаты партии не вызывала сомнений, она проходила на глазах партии... ее легче было проверить».

Но у автобиографа было сомнительное прошлое, со своими подводными камнями. Читателю говорилось, что Левен родился в 1900 году в зажиточной, набожной и старорежимной крестьянской семье, жившей в немецком селе Фюрстенау Больше-Токмакского района Днепропетровской губернии, и происходил «из меннонитов». Отец работал столяром на фабрике сельскохозяйственного оборудования. В то время большое количество жителей Малороссии устремилось на восток, где всем желающим предоставлялись земли. Переселенцы ехали семьями в железнодорожных вагонах, специально выделенных для этих целей и получивших в народе название столыпинских. Среди них в 1901 году были и Левены, которые по приезду в Западную Сибирь осели в деревне Николай-Поле. Царское правительство выплачивало деньги на обустройство и создание хозяйства.

Автобиограф уверял, что существовал на собственные заработки с 15 лет. Какое-то время он не мог понять, был ли он крестьянином или интеллигентом. В анкете он писал о себе как о крестьянине по социальному происхождению и интеллигенте по социальному положению. На вопрос, имеет ли он в данный момент связь с крестьянским хозяйством, Левен не ответил. Учеба в московских университетах помешала ему утвердить свою крестьянскую идентичность.

С политикой было еще сложнее. Левен был принят в «полные» члены партии в Москве 31 марта 1921 года, но его служба в Белой армии на финальном этапе Гражданской войны оставалась темным пятном в его биографии.

Чтобы обезопасить себя, автобиограф начал с извинительного предисловия: «Определенную черную тень на меня как на члена партии набрасывает мое прошлое до вступления в партию. Это прошлое я, однако, перед партией никогда не скрывал. Письменно и устно я

³⁴⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Д. 663708–4. Л. 3.

³⁴¹ Там же.

информировал партийную организацию о нем вплоть до мелких подробностей. Это прошлое относится ко времени моего пребывания в Сибири, что затрудняет мне возможность доказать правильность моих объяснений. С другой стороны, это осложняет работу по проверке меня».

Рассматривая себя как бы со стороны, автобиограф ставил тем самым вопрос о том, как его социально-политическое «я» должно проверяться. В понятиях большевистской логики, класс был причиной, а сознание и политическое действие – следствием. Социальное положение Левена определить было сложно. В его случае пришлось направить автобиографическое описание вспять: вычислить классовую принадлежность автора из его политических действий. Понимая все тонкости большевистской нарратологии, Левен начал со своего политического черного пятна (служба у белых), затем опроверг мнение, что у него были ретроградные настроения (сектантская религиозность), и только в конце задался проблемой своих социоэкономических корней (зажиточное крестьянское хозяйство).

Левен начал свой главный автобиографический текст, который он назвал «Добавочные объяснения, служба в белой армии Колчака в Сибири с мая по сентябрь 1919 г.», исторической справкой: «Сибирь находилась в руках Колчака ровно 2 года, 1918 и 1919. Февральская и Октябрьская революции прошли для этого района почти незамеченными. Царский режим там прямо сменился на Колчаковский». Не то чтобы родные края были беспросветно реакционные – как и во всей стране, в них действовали исторические силы, двигавшие Сибирь в коммунистическом направлении, но она отставала от европейской России. Отмечая, что «советизация, таким образом, впервые прошла в начале 1920 г.», Левен намекал, что и его обращение должно было быть несколько отсрочено. Но судьбой Левена и Сибири был большевизм раньше или позже – конец истории был вне вопросов.

Включив эсхатологию в свой эскиз сибирской истории, автобиограф перешел к сложной задаче – объяснить, как он оказался в белом лагере: «Колчаковское правительство проводило по всей Сибири регулярную мобилизацию в армию. Первая мобилизация была проведена осенью 1918, родившихся в 1898–99 гг. и... проходила с большими осложнениями. Повсюду она вызывала местные крестьянские восстания». Сухое историческое повествование сопровождалось коммунистическим комментарием: «Сибирское крестьянство в этом выявило свою резкую враждебность правительству Колчака. Советы стали лозунгом не только рабочих, но и широчайших слоев крестьянства». Комментируя в марксистском ключе, автобиограф остановился на объективных слабостях восстания: «Не было, однако, единого сознательного руководства всеми этими разрозненными действиями революционных масс и правительству Колчака удалось своими карательными отрядами по частям подавить восстание». Подразумеваемая принципиальную неспособность крестьян к классовому действию, а отсталых сибирских крестьян и подавно, Левен процитировал знаменитые слова Маркса из работы «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта»: «Основная часть французской нации образована путем простого сложения похожих друг на друга единиц примерно так, как мешок картошки слагается из множества картофелин, засунутых в один мешок» – количество не превращалось в качество, к революционному действию крестьяне не были приспособлены.

От макроистории Левен перешел к микроистории. Социополитический контекст восстания теперь был понятен, и он сузил объем анализа до судеб Славгорода во время Гражданской войны и в конечном итоге до своей собственной судьбы. Петр Столыпин, совершая инспекционную поездку по Транссибирской магистрали, посетил большое поселение, расположенное в районе озера Сикачи, масштабы обустройства его очень обрадовали. Столыпин сказал: «Здесь будет славный город!» Так поселение получило свое название. Наверно к его счастью, он не дождался возможности полюбоваться городом в Гражданскую войну, но в августе 1918 года Славгород и окрестности оказались центром крестьянского восстания против белого Сибирского правительства.

«В восстании в Славгородском уезде участвовала только небольшая группа деревень, более близко расположенных к городу, – уведомлял читателя автобиограф. – Деревни Орловской волости, расположенные в 40–70 километрах от города, не участвовали». В то время Левен находился дома у родителей в деревне Николай-Поле. Он вернулся с учительских курсов большой тифом и во время восстания находился в бессознательном состоянии. «Мать заразилась от меня и лежала в бреду». Умерла она в октябре.

Терзаемый совестью скорее из-за своей политической пассивности, чем из-за недостаточного ухода за матерью, Левен преподнес читателю смесь причитания и негодования в своем описании подавления восстания: «Мы узнали о восстании крестьян только через день-два. Анненковский карательный отряд, который подавил восстание, чрезвычайно жестоко относился к крестьянам восставших деревень. Расстреливали без всякого допроса и суда, грабили, и сжигали избы». Но на непосредственное окружение Левена все это не повлияло: «Наши деревни в основном не были им затронуты. Было лишь следующее: отряды проезжая через нашу деревню делали обыск и забирали ценные вещи. Людей не трогали». Близлежащие деревни не карались, видимо, потому, что они не были достаточно политизированы и не представляли угрозы белому режиму.

Хотя Левен и «не пробудился» во время революции, он не был виноват. Непреодолимые силы сковывали автобиографа, будь то его реакционное окружение или его тифозное тело. Так или иначе, он не мог пасть столь низко, чтобы превратиться в белого добровольца. «Весною 1919, была объявлена мобилизация граждан рождения 1900, 1901 и 1902 годов. К этому времени, жестоким террором, власть Колчака была „укреплена“ и мы этой мобилизации вынуждены были подчиниться. В эту мобилизацию попал и я, так как я рождения 1900 года. Освобождали от призыва только калек, служителей культа, и тех, кто являлся единственным, совершеннолетним сыном в семье. Я этой льготой пользоваться не мог. Можно еще было откупиться за деньги, но для этого была нужна большая сума, которой у меня не было».

Беспомощный и невезучий рекрут был «отправлен в Иркутск на обучение». Все, что читатель узнает об этом периоде, – герой не делал ничего ради белых по собственному желанию. Кроме того, Левен заболел дизентерией и провел два месяца в больнице – это было как нельзя кстати, за это время у него выработалось сильное неприятие колчаковщины. «Когда я вернулся в часть, узнал, что вербуются группа в 15–20 человек, которая должна быть послана в Барнаул с тем, чтобы оттуда сопровождать в Иркутск этап лошадей и ухаживать за ними по дороге. Я решил проявить желание ехать в Барнаул – расположен недалеко от дома (500 км), так как я хотел домой заехать. Думал, с другой стороны, что мне может быть удастся больше в часть не вернуться. По дороге домой мы так и договорились». Домой Левен прибыл в июне. «Я думал скрываться у киргиз, но к этому времени мобилизация была распространена и на них, и эта возможность была отрезана. Скрываться дома тоже нельзя было. Была тогда Колчаком введена строжайшая ответственность родителей и жителей всех деревень за сокрытие дезертиров, и я был вынужден вернуться в часть». Для автобиографа это острый вопрос – ему нужно объяснить, почему он не переметнулся к красным уже на этом этапе. Он уверял, что совесть его была на месте. «Перед отъездом я добыл по знакомству справку, что я служитель культа», – средство для освобождения из армии, уверяет нас автор.

Когда Левен вернулся во все еще подконтрольный белым Иркутск, «там оказалось, что в части по мне отслужили молебен». Иными словами, с точки зрения его возможного вклада в белое движение автобиограф был мертвецом. Просьба об освобождении от активной службы, однако, была отклонена, и Левена отправили на фронт в Омск. Но по дороге он вместе с несколькими другими солдатами дезертировал: «Мы забрали винтовки и лопаты, которые у нас были, ночью заполнив собственноручно бланки увольнительных записок, которые у нас были заготовлены с соответствующими штампами еще в Иркутске, пересели на другой поезд,

и с ним уехали вперед нашей части. Так кончилась моя служба в Белой армии». Автобиограф делал все, чтобы представить свое дезертирство как преднамеренный и сознательный шаг.

Перейдя от реалистического к героическому – «ездили на крышах вагонов», «мерзли и голодали», – стиль Левена играл с поэтикой обращения. Была и ирония, смешанная с сарказмом: «В Ачинске мы миновали самого Колчака с его свитой». Левен двигался вперед, а Колчак отступал: два исторических вектора на мгновение пересеклись. На этом этапе автобиографа было уже не в чем упрекнуть. «Настроение товарищей было очень подавленным и мне приходилось с ними постоянно беседовать, чтобы не вернуться в часть, которая за нами следовала».

Наконец, сознательный большевик Левен отправился в Славгород и по дороге захватил с товарищами паровоз: «Белополяки отняли у нас паровоз; чтобы самим не попасть к ним в руки, мы рассыпались по деревням, которые находились уже в руках партизан. Попав к партизанам, которые вооруженные охотничьими ружьями, пиками и вилами на конях во всех деревнях дежурили, мы им рассказывали, откуда, куда и зачем мы пробираемся». Автобиограф не замечал шатания, полуанархическое политическое поведение окружавших его крестьян. В его картине мира были только красные и белые. Выходя из одного лагеря, он должен был найти себя в другом. «Рассказывали им [крестьянским партизанам] что Колчак бежал, что всей Сибири в его руках осталось только полотно железной дороги, что быстрыми темпами приближаются регулярные части Красной Армии, и что вся Сибирь будет скоро в руках советской власти. Партизаны с большим воодушевлением и интересом слушали нас, приняли нас очень радушно, снабжали нас продуктами и обеспечивали возможность дальнейшего следствия по деревням на лошадях домой».

Через 10 дней путешествия Левен был дома. «По всей Сибири тогда творилось нечто жуткое. По всей дороге валялись неубранными трупы замерзших, умерших от голода и от тифа. На станциях трупы лежали сложенными в штабелях как дрова». С некоторым опозданием Левен проникся всеми ужасами, в которые белые ввергли Сибирь. Камера отъехала опять на пару метров назад, и макроистория заменила микроисторию. Нарратив следовал официальной истории Гражданской войны, повествующей о том, как молодая Советская республика героически выдержала натиск как интервентов, так и бывших российских элит. «Фронта по существу не стало. Бежали чехословаки, англичане, японцы, итальянцы и поляки и вместе с ними русская буржуазия бежала, стараясь спасти свои капиталы».

Левен после месяца путешествий прибыл домой больным, но дома оставался недолго. «Приехали представители деревни Гальштат, где я учительствовал зиму до этого [1918/19], и пригласили опять на работу». Весной 1920 года в Славгороде были организованы курсы по переподготовке учителей, и воодушевленный автобиограф устремился туда.

На этом закончился первый цикл автобиографии Левена. Любопытно, что прочитавший ее понял бы, что Левен был неспособен на предательство революции. Какое-то время он был вынужден действовать вопреки себе, но это было результатом обстоятельств, его злополучного пребывания на территории, занятой белыми. В любом случае делал он очень мало, к тому же тогда наш герой перенес еще два «тяжелых припадка тифа».

Убедив читателя, что не позднее 1920 года его духовное развитие вошло в марксистскую колею, автобиограф позволил себе наконец коснуться ограничений, которые накладывала на его молодое сознание набожность его сектантского окружения. «В немецких деревнях большая часть учителей были заодно и проповедниками. Они были настроены реакционно и вели большую агитацию против курсов [по переподготовке учителей], что это курсы антихриста, кто примет в них участие не будет допущен на работу и так далее». Им удалось добиться того, что все учительство немецкого района бойкотировало эти курсы, но Левен не смутился этим и поехал. «От всего немецкого района нас оказалось всего двое, тов. Янц Яков... и я». Через Янца, который открыл глаза автобиографу на многое, Левен познакомился с товарищами из

немецкой секции при уюте. Он стал посещать политические беседы, которые там устраивались, и результат не заставил себя ждать: «8 августа я вступил в кандидаты партии».

Тревога в отношении своего соцпроисхождения просматривалась отчетливо, когда автобиограф подчеркивал: «В немецкой секции очень хорошо знали меня, когда принимали в партию. Из немецкой секции за это время побывали в нашей деревне и подробно знакомились с семьей». Рекомендовали Левена сами члены немецкой секции и т. Янц, который на один месяц раньше вступил в кандидаты. Иными словами, сама партия посчитала, что семья Левен преодолела свое прошлое и стала достаточно «красной». Растущее отчуждение Левена не прошло незамеченным в родных краях. «Янц и я были первыми, из немецкого района вступившими в партию. Нас за это в районе знали вплоть до маленьких детей. Когда я в это время проезжал по деревне, то жители специально подходили к дороге смотреть на меня как на медведя».

На этом завершилась вторая часть автобиографии: сознание рассказчика достигло должной высоты. Левен гордился досрочным окончанием школы, а еще больше назначением инспектором по переписи в немецком районе. «По окончании этой работы немецкая секция меня откомандировала в Москву в центральную немецкую партшколу при ЦК немецкой секции. Тут я впервые получил политическую подготовку».

Уверенно перемещаясь в теоретическую цитадель коммунизма, Левен посчитал, что пора поделиться неудобными обстоятельствами, связанными с его религиозным прошлым. Отклоняясь от автобиографических конвенций, он вернулся назад к своему отрочеству. Фраза «до этого с 15 лет я был активным антирелигиозником» сигнализировала о поиске истоков большевистского сознания.

С этими антипартийными настроениями у меня увязывалась определенная классовая линия – ненависть к богачам-эксплуататорам, но исходное являлось первое. Я жил и рос в сектантской деревне. Большинство там, в том числе и мои родители, были баптисты. Господствовал сильный религиозный фанатизм и неимоверное лицемерие. По воскресеньям меннонитские проповедники на церковных собраниях выпячивали длинные лица, выступали архи-святыми, как будто они не от мира сего, с тем, чтобы во все остальные дни обдирали, кого можно было и как можно. Это лицемерие вызывало во мне глубокую ненависть и протест.

Автобиограф тянулся к свету. «Религиозный фанатизм мне лично закрывал дорогу к светской нормальной жизни и к занятиям, а я страшно любил жизнь и науку. Книги, которые мне не часто попадали в руки, я любил до ненормального. Я их всей душой обнимал и целовал. В этом лежали корни моей глубокой ненависти к религии, с малых лет, и отсюда вытекала вражда к кулакам, которые срослись с религией».

Приостановить рост сознания Левена можно было только на время. «В первое время, я убежал от религиозной обработки, как со стороны родителей, так и посторонних. Я самым внимательным образом изучал библию и другие священные писания, ища в них внутреннюю противоречивость и несурезицы. Ими я бил своих врагов, которые сами, как следует, Библию не читали. На выпускном экзамене, по окончании деревенской школы весной 1915 г., я получил пятерку за знание закона божьего и экзаменаторы даже отметили, что мне полагается больше чем 5 но нет другой оценки».

Зимой 1915/16 года Левен прослыл по всему району «антихристом». В нем быстро рос талантливый антирелигиозник. «Известный странствующий мастер-баптист объезжал деревни, и ходил по всем домам с проповедью, должен был зайти и к нам». Предусмотрительный автобиограф избежал встречи, ушел к товарищам. «Собралась целая группа ребят в возрасте 14–17 лет. В частности, там я узнал многие подробности из развратной личной жизни этого знаменитого проповедника. К вечеру, когда я вернулся домой, я так прямо на него и уго-

дил. Я хотел убежать, но он меня схватил за рукав и спросил „А как на счет будущей загробной жизни?“ Я резко ответил „Будьте спокойны, господин проповедник, смотрите за собой. Если вы в рай придете, то обо мне не беспокойтесь, я не отстану“. Он немедленно отстал, а на другой день он в церкви с амвона при всем народе послал мне свои божественные проклятия».

Нет смысла приводить еще несколько подобных инцидентов из автобиографии. Вектор аргумента был ясен – сознание Левена росло в постоянной борьбе с религией. «Часто при таких спорах собиралась компания, и получались диспуты. Я скоро в этом деле набил руку и с большим успехом стал бить святых. Активную антирелигиозную работу я вел среди молодежи. <...> С ним я устраивал дело иногда так: сговариваемся быть на такой-то проповеди и внимательно прослушать все, что скажет проповедник. Как правило, религиозная паства крепко спала в церкви, а мы не спали, а слушали. Потом после собрания по косточкам разбирали всю ересь, наболтанную в проповеди». Автобиограф был подростком, воодушевленным просветительским позывом: «С большим энтузиазмом и успехом я занимался этой работой. За исключением детей кулачества и церковников мне удалось вырвать из лап религии почти всех подростков моего возраста в нашей деревне, которые потом пошли в Комсомол, в партию, на учебу, в работу». «Это была моя общественная работа с 1915 по 1920 гг.»

Зайдя довольно далеко, Левен вынужден был частично отступить. Ведь до его настоящего большевистского обращения оставалось еще целых пять лет. «Однако эта антирелигиозная работа, которая увязывалась с соответствующей классовой линией, не поднимала меня до политической зрелости. С классами вообще, с государством и с политикой, она как-то не соприкасалась. Самостоятельно я до этого добраться не мог, а помощи со стороны я никакой не имел. Газет в деревне не выписывали, соответствующие книги мне также в руки не попадали. Что моя антирелигиозная работа может иметь какое-нибудь отношение к царю, это я даже не подозревал».

Автобиография включала сюжет, как нельзя лучше раскрывающий отсталость и политическую апатию родной деревни. «После Февральской революции, мне, учителю, деревенский староста сказал, что велено снять портрет царя в школах. Велел и мне снять портрет. Но добавил, чтобы я его не испортил, может опять скоро вешать придется»».

Останавливаясь на оценке своего сознания в этот период, автобиограф должен был быть предельно осторожен. Если бы он говорил о себе как о человеке сознательном, его нахождение в белой армии стало бы необъяснимым. Если бы он преуменьшал свое отроческое «я», появился бы риск быть признанным типичным клерикалом, поборником Колчака.

Автобиограф нащупывал середину. Интуитивно он был на правильной стороне, но еще не мог обосновать свою правду – требовалось время. Наконец ситуация прояснилась. «Летом 1918 года на учительских курсах в Славгороде с нами занимался Френ Франц Францевич, меньшевик, член Сибирского учредительного собрания. Он получил образование в Германии, и кое-что нюхал по марксистски, конечно в архи-реформаторском издании. Он с нами провел несколько нелегальных бесед на траве. Он про политику прямо тоже ничего не сказал, а говорил о мировоззрении. Я слушал эти беседы с исключительным вниманием, но про политику я ничего не узнал. Больше мне дала Колчаковская армия. Тут я оказался втянутым в политику».

Пассивная форма действия вернулась в нарратив, но ненадолго. С началом Гражданской войны никто не мог остаться в стороне от политики. Описание обращения Левена нельзя было откладывать далее. Настало время пересказать его в феноменологическом ключе, как личное переживание. «В надзоре было запрещено читать газеты. Нам офицер прямо сказал, на беседе что солдат должен быть вне политики. Но, тем не менее, газеты подавали. Вечером на нарах со свечкой мы сидели и читали газеты – новости фронта. По этому поводу вели беседы, которые имели явно характер симпатичный к советской власти и враждебный к Колчаку. Сами порядки в армии Колчака давали богатый материал. Солдатская масса была, в общем, резко враждебно настроенная к Колчаку. Когда однажды поп с нами провел беседу о том, что надо

помирать за православную веру и отечество, то он только случайно выбрался живым из здания. Его собирались сбросить через окно четвертого этажа». Принимая во внимание, что религия была важной составляющей контрреволюционной идеологии, Левен не поленился повторить, что у него выработался к ней иммунитет. Хотя пропагандистскую беседу Левену «так и не дали провести», описание всех попыток Колчака одурманить солдат было важным способом отмежеваться от белого дела. Солдаты отзывались на революционный призыв по своему усмотрению и решали за себя, на чьей стороне воевать. Было ясно, какой выбор сделал бы Левен, если бы не колчаковское принуждение.

Еще один автобиографический эпизод передавал степень неприятия Левеным белого офицерства: «Когда он призвал к присяге, многие от нее отказались под разными предложениями. Отказался и я по религиозным, мол, соображениям». Колчаковский генералитет высмеивался: «Перед отправкой на фронт нам генерал Орлов прочитал напутственную речь. Когда нужно было кричать „Ура“ мы с целой группой по договоренности заранее кричали „дурак“, и это вышло громче чем „Ура“. Я даже было перепугался». Левен заключил эту ретроспективу словами: «Возвращаясь из армии, я начал кое-что понимать». Фокус на понимании, а не на внешнем факте дезертирства хорошо вписывался в тему второй части его автобиографии, посвященной эволюции его сознания.

Дважды рассказав о своей службе у белых, показав связь крестьян-колонистов с белым движением, а затем и с религией, автобиограф был готов обсудить самый щекотливый момент. «Наконец мое социальное происхождение. Отец мой был крестьянин с 1901 по 1927 год. До этого 8 лет рабочим столяром. Хозяйство в Оренбургской деревне было слабо мало-мощно-средняцкое. 6 ребят до 10 лет, отец и мать. Мать до замужества была прислугой и потом горничной у богатых немцев Украины. В 1901 году переехал в Сибирь – пособие от государства 25 рублей [и] обширные плодотворные земли. Немцы Украины дали 75 рублей. Первые годы жили очень бедно, сначала „под землей“ а потом в „землянке“, сеяли 5–10 десятин». Увы, со временем Левены значительно разбогатели. «Хорошие урожаи стали выправлять хозяйство и с 1913 по 27 считалось и являлось середняцким».

Автобиограф докладывал, что «в лучшие годы» сеяли 20 десятин – много! Война шла на руку Левеным, что не могло не настораживать, хотя и «не было наемного труда». Левена можно было запросто принять за кулака, что поставило бы его нарратив – в который раз – на грань разоблачения. Чтобы предотвратить такое прочтение, Левен начал социоэкономический экскурс. «Земля в Сибири, – писал он, – была распределена подворно. В нашей деревне имели по 36 десятин пахотной земли на хозяйство. Так же и отец. При трехполке каждый год отдыхала 1/3 – обработать можно было 24 десятины. Полностью, или почти полностью, она засеивалась только в течение этих 3-х лет».

Справка районного комитета в отношении экономического положения семейства Левен добавляла важные подробности:

С 1919 г. до 1926 г. было до 4-х лошадей и до 2-х коров, его отец имел конную молотилку с 1919 по 1926 год, которой молотил хлеб не только свой, но и 4–5 хозяйств, за что ему отработывали или платили натурой. Хозяйство имело большое количество трудоспособных (4-х взрослых сыновей и 1 дочь) – кроме малолетних. Сыновья были сначала учителями, уехали из дому до Октябрьской Революции в города (Москва). <...> После отъезда сыновей хозяйство сезонно нанимало рабочую силу на время сева и в период уборки. В 1926 году отец уехал в немецкий поселок возле Ташкента, где он занимался садоводством. Хозяйство имело 50 десятин земли (из них 10 на пастбища). Это

был надел меннонитских хозяйств, не делившихся среди сыновей. Все сыновья оставались в хозяйстве вместе со своей семьей³⁴².

Хозяйство Левенов было «с признаками эксплуатации». То, что земля не подлежала разделу, делало хозяйство еще более мощным, но выгораживало Левена, который давно жил в городе. Да, «когда в 1905 году была эмиграция немцев сектантов в Америку, сестра эмигрировала в Канаду», да, отец молот пшеницу соседним хозяйствам за натуру, да, после ухода сыновей хозяйство обращалось к наймитам, во время жатвы. Но тем не менее Левены никогда не лишались избирательных прав, а следовательно, кулаками не считались.

Взывая к снисходительности читателя, Левен завершил свою автобиографию заверением: «Таковы некоторые подробности моей биографии... Изменить или поправить его [прошлое] я не могу. Могу только по возможности помогать партии вскрывать это прошлое и обещать на будущее заплатить более серьезной ценой за Колчаковскую армию»³⁴³.

3. «Интеллигенция»

Теоретически каждый советский гражданин мог стать коммунистом. Такая открытость всем – при условии что кандидат был искренним и принципиальным в своих намерениях – превращала партию в универсальное сообщество. Может быть, РКП(б) и была партией пролетариата, но пролетарием считался человек с определенным мировоззрением, а не представитель касты, в которую можно попасть только по праву рождения. Это заметил Бертран Рассел, который посетил Советскую Россию в 1920 году: «Когда коммунист... говорит о пролетариате, он понимает это слово не в буквальном смысле. В это понятие он включает людей, не являющихся пролетариями, но имеющих „правильные“ убеждения, и исключает из него таких рабочих, которые не имеют пролетарского мировоззрения»³⁴⁴.

Поэтика коммунистической автобиографии строилась на том, что любое прошлое было преодолимо. Человек мог измениться, выковать себя заново. Ведь Ленин же говорил на VII партийном съезде, что «мы принимаем с величайшей радостью [любого, кто нам хочет помогать] независимо от его прошлого»³⁴⁵. Это высказывание отсылает к открытости коммунизма для каждого. Рассмотрим в этом контексте случай интеллигента Корневского Павла Петровича из Смоленского института. Несмотря на то что в графе «основная специальность» у него было написано «морской офицер старой армии», никто из присутствовавших не высказался против него во время чистки 1921 года. Товарищи подчеркивали, что Корневский «есть дельный и оригинальный по своей натуре человек, ничего не гнушающийся», а президиум ячейки института заявил, что «свидетельствуя преданность тов. Корневского коммунистической партии... дает за него коллективное поручительство»³⁴⁶.

Как мог человек, за спиной которого было несколько военных училищ, служба не только на флоте, но и в полевой артиллерии, который годами вращался в кругах старой интеллигенции, заслужить такое доверие? Поэтика обращения, заложенная в коммунистической автобиографии, приходила на помощь. «До революции политикой интересовался мало. Революция же невольно заставила поучиться этому. Я заинтересовался, разобрался в программах партий и в апреле 1917 в душе, да, пожалуй, и на деле, стал большевиком». Какое-то время сформироваться политически и вступить в партию мешало отсутствие «настоящих идейных большеви-

³⁴² Там же. Д. 663708–5. Л. 43.

³⁴³ ЦГАИПД СПб. Ф. 566. Оп. 1. Д. 271. Л. 21–40.

³⁴⁴ Russell B. The Practice and Theory of Bolshevism. London: Allen and Unwin, 1920. P. 27.

³⁴⁵ Ленин В. И. VII Всероссийский съезд Советов 5–9 декабря 1919 г. Заключительное слово по докладу ВЦИК и Совнаркома 6 декабря // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 39. М.: Политиздат, 1970. С. 424.

³⁴⁶ ВКР. 326. 9.

ков». «Я все присматривался, искал, и только в августе 1919 нашел таки [идейного большевика] в лице Военкома снабжения 16 армии, быв<шего> Ад<мирала> Серпень. Беседы мои с ним убедили меня в том, что предубеждения против меня как бывшего офицера в партии не будет, что всякий честный человек и работник для партии желателен, и сейчас же я стал кандидатом... РКП. До сего времени от исполнения партобязанностей не уклонялся. Хочу и стремлюсь принести пользу трудящемуся классу»³⁴⁷.

Главной в ритуалах приема в партию была гибкость души, ее открытость свету коммунизма. Никто не упускал из виду неидеальное социальное происхождение Корневского, но политически он был как чистый лист; показав оформленное политическое сознание, проявив свой потенциал, он должен был стать большевиком на деле. Иначе бы считалось, что его сущность так и осталась половинчатой и неоформленной и, следовательно, подверженной влиянию антибольшевистских сил.

Отношение к таким кандидатам, как Корневский, было двояким. С одной стороны, интеллигенция имела устоявшуюся репутацию врага рабочих. С другой – меньшинство в интеллигенции, ее истинно сознательная часть доказала свою преданность революционной идее в самые тяжелые времена³⁴⁸. На диспуте 1925 года о судьбах интеллигенции в одной из записок затронули вопрос о Марксе, который также был выходцем из этого класса. «Но перешел-то он именно потому, что был Маркс, а не кто иной, – разъяснял один из главных теоретиков большевизма Николай Бухарин. – Маркс был исключением из интеллигенции. Это был исключительно гениальный человек. Исключительная даровитость людей заключается в широте их умственного интеллекта. Фридрих Энгельс был из фабрикантской среды, но он выскочил из нее, потому что он был исключительный человек. В этой идеологической стычке, которая происходит здесь, различный подход к классовому делу»³⁴⁹. Луначарский еще до Октябрьской революции указывал, что в определении идейно-политических позиций различных представителей интеллигенции в революции социальное положение не всегда играло решающую роль. «Целый ряд крупнейших и средних писателей и художников, принадлежавших по своему происхождению и образованию к крупной или мелкой буржуазии, энергично порывали с ней, с презрением сторонились ее базарной, продажной, на отрицании человеческого достоинства построенной культуры, порой гибли гордыми одиночками-отщепенцами, порой вырывали своим гением признание всего общества, вопреки его воле, и стоят перед нами, как великие самостоятельные протестанты, порой, наконец, находили дорогу к естественному своему союзнику – пролетариату»³⁵⁰.

Просвещенная интеллигенция, способная подняться над узкими классовыми интересами, могла вести себя достойно. Это доказывали примеры Маркса, Энгельса и Ленина. Но у обычной интеллигенции были недостатки, с которыми было сложно бороться, – она считалась отчужденной, продажной, слабохарактерной. Большевики приписывали интеллигенции склонность к субъективизму, переводу реалий классовой борьбы в область пустых абстракций. Интеллигенция превращала человека в недотепу, понимая его как отвлеченно мыслящего, а не как активно взаимодействующего с обществом. Партийные публицисты презирали интеллигенцию за ее «дряблость», называли интеллигентов кашей, высмеивали тип рефлексирующего краснобая-интеллигента, только мечтающего о «деле, полезном народу», но ничего не делающего.

³⁴⁷ ВКР. 326. 26.

³⁴⁸ Луначарский А. В. Интеллигенция в ее прошлом, настоящем и будущем. [М.]: Новая Москва, 1924. С. 127.

³⁴⁹ Судьбы современной интеллигенции. 1925 г. Доклад А. В. Луначарского, выступления. П. Н. Сакулина, Н. И. Бухарина, Ю. В. Ключникова // Судьбы русской интеллигенции. С. 37.

³⁵⁰ Луначарский А. В. Культурные задачи рабочего класса. Культура общечеловеческая и классовая // Луначарский А. В. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 7. М.: Художественная литература, 1967. С. 198.

В Гражданскую войну интеллигенция воспринималась как враг. 30 августа 1918 года, сразу после получения известия о гибели Урицкого, Зиновьев предложил «разрешить всем рабочим расправляться с интеллигенцией по-своему, прямо на улице»³⁵¹. Целеустремленным большевикам интеллигентные «болтуны» всегда были глубоко неприятны. Известна фраза Ленина о буржуазных интеллигентах: «На деле это не мозг [нации], а г[овно]»³⁵². Ленин писал Дзержинскому о том, что «профессора и писатели» являются «явными контрреволюционерами, пособниками Антанты, шпионами, растлителями молодежи»³⁵³. Их нужно было разоблачать и отсеивать. Калинин добавлял, что если «прежняя подпольная партия умела быстро перерабатывать буржуазных выходцев... то теперь буржуазным выходцам, приходящим в Коммунистическую партию, не нужно менять свой образ жизни, ибо теперь нет подпольного существования: перейдя в Коммунистическую партию, они тем самым до известной степени спасают свое положение. Войдя в партию, будучи высококвалифицированным человеком, такой буржуазный выходец, несомненно, хотя и слабо, пропитан коммунистическим духом, благодаря своему интеллектуальному развитию, если и не сразу, то во всяком случае в короткое время, занимает довольно ответственное положение в партии. На этой почве происходят столкновения: в партию вливаются две струи – рабочая и мелкобуржуазная. <...> Происходит борьба, которая может идти не только непосредственно по политическим вопросам, но часто является борьбой двух норм поведения, этих двух социальных групп»³⁵⁴.

Ленин боялся, что, не решаясь открыто выступить с требованием реставрации капитализма, меньшевистствующая интеллигенция переобулась и начала проникать в госучреждения в качестве «специалистов», стараясь изо всех сил вредить советской власти³⁵⁵. Даже та интеллигенция, которая поддерживала советскую власть, на самом деле приняла только НЭП, уверял Зиновьев. Он с опаской говорил о том, что партии приходится привлекать специалистов, давать им крупные командные должности, «хотя они не сделались новыми людьми, не совлекли с себя ветхого буржуазного Адама»: «Партия должна выработать ту силу сопротивления, которая нам необходима для того, чтобы не было случаев психологического ассимилирования спецами наших товарищей, чтобы не было людей, которые стараются подражать спецам и быть совсем похожими на хорошего инженера, который цедит сквозь зубы, разговаривая с рабочим, который умеет разговаривать с рабочими как начальство»³⁵⁶.

Но знания пролетариату были нужны, а ими владела интеллигенция. Молотов призывал к «тщательной чистке» интеллигентов, но в то же время признавал, что в последних советская власть до поры до времени нуждается³⁵⁷. Рафаил Фарбман на X партийном съезде проводил историческую параллель: «... как отсталые рабочие и крестьянские массы в свое время думали, будто все зависит от того, что всюду и везде сидит много „жидов“, так же и нынешнее это антиинтеллигентство является основной неправильностью...». Часть партии, отмечал он, занимается «интеллигентоедством» – «все зло она видит в наших руководящих органах и в том, что везде и всюду сидят интеллигенты»³⁵⁸.

27 июля 1921 года ЦК РКП(б) опубликовал в «Правде» обращение «Ко всем партийным организациям. Об очистке партии». В обращении ставилась задача проявить особую строгость

³⁵¹ Стасова Е. Д. Страницы жизни и борьбы. М.: Политиздат, 1960. С. 105.

³⁵² Ленин В. И. 1919 г. А. М. Горькому. 15 сентября // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 51. М.: Политиздат, 1970. С. 48.

³⁵³ Ленин В. И. 421. Ф. Э. Дзержинскому // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 54. М.: Политиздат, 1975. С. 265–266.

³⁵⁴ Девятая конференция РКП(б). С. 168–169.

³⁵⁵ Getty J. The Origins of the Great Purges. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. P. 46.

³⁵⁶ Девятая конференция РКП(б). С. 144.

³⁵⁷ ЦГА ОДМ. Ф. 64. Оп. 1. Д. 78. Л. 18.

³⁵⁸ Десятый съезд РКП(б). С. 274.

по отношению к советским служащим – выходцам из буржуазной интеллигенции. Для проведения чистки ЦК создал Центральную комиссию, на местах партийные органы образовывали городские и районные комиссии. В первую очередь проверялось социальное происхождение и участие в революции, а также политическая грамотность и морально-бытовой облик партийца³⁵⁹. Глава ЦКК Солец в своих инструкциях комиссии по чистке рекомендовал проверять интеллигенцию особенно тщательно³⁶⁰. Получалось, что рабочий класс стал субъектом чистки, а интеллигенция – ее объектом.

Используя свою позицию судей, «рабочие чистильщики» говорили, что интеллигенция пришла к нам «по ошибке» – РКП не партия интеллигенции³⁶¹. В то время как рабочий класс шел в партию после многих лет эксплуатации, интеллигенция всего лишь надеялась устроиться и «перезимовать революцию»³⁶². На места была направлена соответствующая инструкция: к рабочим было велено не придираетсяя, а вот к интеллигентам-бюрократам предполагалось гораздо более строгое отношение³⁶³. «К интеллигентам, в особенности попавшим в партию в 1921–1920–1919 гг., т. е. после Октябрьской революции, был подход особый, – говорил член Московского партийного комитета Матвей Шкирятов. – Не только смотрели, чтобы этот товарищ не был карьеристом, чтобы он был честным, хорошим советским работником и имел теоретическую подготовку, но и удовлетворял бы коммунистическому революционному духу»³⁶⁴. Фельетоны в прессе описывали настороженность рабочих, когда перед ними предстал специалист-очкарик, выходец из эсеров, меньшевиков, Бунда. От неудобных вопросов некуда было деться³⁶⁵. Ошибки рабочих считались простительными в отличие от ошибок образованных коммунистов³⁶⁶.

Протоколы чистки 1921 года в Смоленском политехническом институте заполнены отголосками антиинтеллигентских настроений. Бюро ячейки и стенографисты постарались оставить нам богатый срез дискурса «чистильщиков». Студенты импровизировали, тренировались в красноречии, нащупывали средства языка, которые позволили бы им выразить свое недоверие к интеллигенции. Ощущая попутный ветер, выражаясь достаточно свободно, они по ходу дела активно совершенствовали язык классовой инвективы.

Комиссия по чистке делала свою работу на глазах у всех членов ячейки. Присутствовали и беспартийные представители смоленского пролетариата, но право голоса имели только члены партии. Каждый коммунист выходил, клал перед комиссией по чистке партбилет и личное оружие, отвечал на ее вопросы. Если его признавали достойным оставаться в рядах партии, партбилет и револьвер возвращались. Собрания длились часами. Вызываемые рассказывали свою автобиографию. Любой из присутствовавших мог что-либо сказать, задать вопрос, дать отвод. «Уполномоченный» – большевик с пролетарскими корнями и подпольным прошлым, направленный губернской комиссией по чистке, – имел право собирать компромат на коммунистов, действуя помимо бюро ячейки. С его мнением считались в губкоме, куда поступали результаты голосования по каждой персоне³⁶⁷.

³⁵⁹ К проверке, пересмотру и очистке партии. Стерлитамак: Башгосиздат, 1921.

³⁶⁰ Шишкин В. И., Пивоваров Н. Ю. «Генеральная чистка» РКП(б) 1921 года как инструмент социального регулирования в Советской России // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2015. Т. 14. № 8. С. 118–150; Аифертъев И. А. Первая генеральная чистка правящей Коммунистической партии: причины, итоги, последствия. 1920–1924 гг. // Вестник архивиста. 2015. № 3. С. 167–177; Rigby T. H. Communist Party Membership in the U. S. S. R. P. 96–97; РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 1. Д. 2. Л. 123–129; ЦДНИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 981. Л. 72.

³⁶¹ Правда. 1921. 29 ноября.

³⁶² Правда. 1921. 9 октября.

³⁶³ Правда. 1921. 28 октября.

³⁶⁴ Одиннадцатый съезд РКП(б). С. 373.

³⁶⁵ Правда. 1921. 9, 11, 18 октября.

³⁶⁶ Правда. 1921. 28 октября.

³⁶⁷ Правда. 1921. 9 октября; Родионова Н. И. Годы напряженного труда: Из истории Московской партийной организации.

Апогеем чистки было обсуждение «кандидатуры» ректора института Раздобреева Василия Ивановича в первых числах октября. Стопроцентный интеллигент, Раздобреев получил инженерное образование за границей задолго до революции. С наступлением Октября он стал на сторону большевиков и на последнем этапе Гражданской войны работал как военный комиссар института, пост которого он все еще занимал в 1921 году. Учитывая его социальную «физиономию», удачную карьеру при царском режиме, его позднее присоединение к большевикам (февраль 1920 года), а также тот факт, что он «происходит из мелкобуржуазной семьи», Раздобреев не мог чувствовать себя уверенным в благополучном исходе чистки. ЦК говорил о таких, как он, двойственно: «...особенно строги мы должны быть по отношению к служилому элементу (советским служащим), к выходцам из буржуазной интеллигенции, и полуинтеллигенции. Среди этого слоя процент таких, от которых надо во что бы то ни стало освободить нашу партию, особенно высок». В то же время добавлялось: «Само собою понятно, что и здесь мы не можем действовать огульно. Каждая организация и каждая ячейка найдут достаточно понимания и такта, чтобы действительно честных и преданных партии советских служащих и выходцев из буржуазной интеллигенции оставить в наших рядах». Отпустив вожжи в экономике, партия компенсировала свою гегемонию политически, заботясь о качестве своего состава. «Что касается вообще проверки членов нашей партии, – заметил Шкирятов, – то главная задача ее была не только в том, чтобы исключить жулика, который в нашу партию затесался, а самое важное – это было найти чуждый элемент, даже, может быть, честного человека, но человека, который ничего общего с нашей партией не имеет»³⁶⁸.

«Разбор» Раздобреева занял почти целый вечер³⁶⁹. Бюро проделало много подготовительной работы, выискивая компромат и перепроверяя доносы. Вначале ректору задали ряд подготовленных заранее вопросов. Каждый из них имел целью вывести обсуждаемого на чистую воду и обращал внимание на неясности и противоречия в его автобиографии: «Каким путем, будучи сыном простого казака, [ты] попал в царское время в Министерство Путей Сообщения?» Первый же вопрос подразумевал, что ответчик кривил душой, пытаясь представить себя интеллигентом из народа. Без связей с буржуазией и аппаратом царского чиновничества сыну простого казака было невозможно попасть в министерство. Были все основания полагать, что «спец» привирает, что он вступал в тайные сношения с враждебным пролетариату классом.

Но Раздобреев не растерялся. В министерство он попал не из-за связей, а благодаря выдающейся тяге к знанию и усердной работе на поприще учебы. И чтобы каждый мог понять, что он не голословен, ответчик привел доказательства и сослался на полученные стипендии и рекомендации: «В Министерство путей сообщения попал потому, что был профессорским стипендиатом Томского технологического института, и благодаря рекомендации Управления железных дорог получил доступ в Путейский институт».

«На какие средства вы учились за границей, кроме того, читая книги Маркса и Энгельса почему колебались при вступлении в партию?» Первый ответ не успокоил «чистильщиков», и они еще раз попытались подловить Раздобреева на непролетарском происхождении. Простой студент не мог беззаботно жить за границей. А если он был при деньгах, то, быть может, именно они лежали тяжким грузом у него на душе, не давая ей достигнуть света большевизма, несмотря на тщательную проработку литературы.

Но и здесь Раздобрееву было что ответить. Он не просто учился, еле сводя концы с концами, но мог назвать точные суммы, которые приходилось брать в долг: «За границей я бедствовал, денег у меня совершенно не было. Квартирная хозяйка дома не брала с меня за квартиру и [давала] в долг. Отец мой занял 900 рублей и выплачивал долг из жалования».

1921–1925 гг. М.: Московский рабочий, 1963. С. 69.

³⁶⁸ Одиннадцатый съезд РКП(б). С. 741.

³⁶⁹ ВКР. 326. 1–7.

«Чистильщики» неоднократно подчеркивали важность сохранения старой интеллигенции. Только она могла выступить кадровым резервом в сферах, где требуется интеллектуальный труд. Да и нельзя было произвести новую интеллигенцию иначе как заставив ее учиться у старой. Но все-таки Раздобреев слыл карьеристом и приспособленцем. Многие опасались, что в партии он по утилитарным соображениям.

Поняв, что на сокрытии социального происхождения Раздобреева не подловить, «чистильщики» решили сосредоточиться на неясностях в развитии его политического сознания: «Вы говорите, что долго колебались... но теперь вы не колеблетесь в политике коммуниста?» Требовалось объяснить, откуда вдруг у ответчика взялась большевистская убежденность, если он так долго не мог определиться. Быть может, его убедила возможность урвать теплое местечко в госаппарате? «Ранее не вступал в партию потому, что Колчак был разбит. Деникин тоже, но вступил в партию при начале войны с Польшей, дабы не подумали, что я вступил только потому, что победила Советская власть. <...> Утверждаю, что положение Республики было не совсем обеспечено, потому и вступил в партию». Формулировка «не совсем обеспечено» звучала неубедительно, да и вступление в партию ничего не говорило о личных политических взглядах Раздобреева. Вопросы продолжились:

– Почему так поздно вошли в партию, т. е. вы ранее за границей встречались с эмигрантами, читали произведения Маркса, Энгельса и других?

– Интересовался общественными вопросами с 1905 года. Работал в анархическом кружке. В Институте занимался научной работой и не встречался с товарищами, которые могли бы меня ввести в партию и познакомить с программой. Читал Маркса потому, что это учение лежит вообще в основе социалистических партий, а не только коммунистической. Нужно было понять идею коммунизма, потому и читал Маркса.

Подчеркивая, что погружение в марксизм отнюдь не означало знакомство с большевизмом, Раздобреев признавал, что его сознание в 1905 году было смутным. Но он не был меньшевиком или каким-то еще врагом большевиков. Описание себя как политически несознательного оставляло ответчику место для роста. Однако это не было единственным возможным толкованием.

Захарову, члену партбюро, тоже не понравилась фраза о «не совсем» обеспеченном положении советской власти во время польской кампании. По его мнению, Раздобреев вступил в партию как раз тогда, когда партия была в шаге от завоевания плацдарма для расширения революции на Запад, и случись это, закрепился бы Раздобреев в аппарате уже мировой, а не российской республики Советов. Захаров подозревал, что личные амбиции меньшевистского типа подвигли ответчика прикинуться большевиком: «В партию он вступил в то время, когда были разбиты все контрреволюционные силы. Красная Армия в то время победоносно наступала на Варшаву. Политически он был хорошо развит, так как еще раньше читал Маркса, Энгельса и других основоположников марксизма, но позднее вступление в партию наводит на грустные размышления».

Развеять сомнения Захарова можно было, доказав, что Раздобреев в институте трудился на благо революции, а не прохлаждался. Сделать же это было возможно, лишь углубившись в историю самого института. В самом начале революционных преобразований в Смоленской губернии Раздобреев был одним из тех, кто спас институт, который, как острили смоляне, «засыпает». Помог ему М. Н. Тухачевский, взявший вуз под свое покровительство. В 1920 году по его предложению институт был подчинен военному ведомству и стал называться «Смоленский государственный милитаризованный политехнический институт Западного фронта». Включение института в число военизированных учебных заведений обеспечило ему крепкую материальную базу и огромный дом, некогда принадлежавший смоленскому купцу-мануфак-

турщику Павлову. Военные дисциплины в учебных программах института занимали весьма скромное место. Тем не менее считалось, что все студенты института состоят на действительной военной службе, благодаря чему они получали красноармейское обмундирование и продовольственный паек по фронтовой норме. Чтобы обеспечить институт достаточным количеством студентов, М. Н. Тухачевский издал приказ по фронту, обязывавший всех командиров и начальников беспрепятственно откомандировывать в институт молодых военнослужащих, изъявлявших желание учиться. Незадолго до этого откомандированные Раздобрееву в качестве военкома студенты изъявили готовность участвовать в подавлении Кронштадтского мятежа³⁷⁰. Но было ли рвение учащихся следствием пропагандистских усилий самого военкома или студенты стремились подавить контрреволюцию вопреки желаниям «спеца»?

«Принимал ли Раздобреев большевистскую диктатуру, включая Военный Коммунизм? Или признавал только НЭП, который спас революцию ценой уступок буржуазии?» «Не совершала ли партия ошибок и правы ли коммунисты были, когда вводили продразверстку?» «Продразверстка предполагала передачу всего объема произведенного хлеба государству по установленной («разверстанной») государством норме продукта за вычетом установленных норм потребления на хозяйственные нужды. Этим вопросом «чистильщики» хотели выяснить, что для Раздобреева было важнее: благополучие крестьянских хозяйств или выживание советской власти в целом, на сохранение которой была направлена политика продразверстки. «Не мешало вместо разверстки сразу ввести продналог, – заявил ответчик, – только в этом я не соглашался с политикой коммунистов». Под продналогом имелся в виду твердо фиксированный продовольственный натуральный налог, взимаемый с крестьянских хозяйств, введенный взамен продразверстки в марте 1921 года. Продналог был первым актом новой экономической политики: его размер был значительно меньшим, чем продразверстки.

Ответ ректора требовал дополнительных разъяснений. С одной стороны, Раздобреев полностью солидаризировался с экономическими мерами периода НЭПа, и обвинить его в том, что его оценка экономики периода Гражданской войны совпадала с высказанной Лениным точкой зрения по ее окончании, было нельзя. Но, с другой стороны, такой ответ не давал четкого представления об отношении «спеца» к коммунистическому будущему и неминуемому сворачиванию капиталистической экономики при его наступлении.

Уполномоченный: Из Ваших слов видно, что вы солидаризируетесь только с новой экономической политикой, но ведь эта политика временная?

Ответ: Новая политика, безусловно, временная и сейчас необходимая... политика здравого смысла. <...> Новая политика не может измениться, ибо она на многие годы. Если партия в силу необходимости, в силу здравого смысла переменит экономическую политику, думаю, что сумею осмыслить ее, а также понять и подтвердить. <...> Диктатура пролетариата должна отжить постепенно.

В своем ответе Раздобреев использовал расхожие дискурсивные клише, придававшие вес его речи, однако то, как он делал, добавляя определение «необходимость» НЭПа к его «временности», а к «долгосрочности» советской политики в экономике определение «неизменность», выдавало его несогласие с уполномоченным, проводившим чистку.

Нельзя было перескакивать через исторические этапы. Политика партии была политикой «здравого смысла». Отсюда и положительное отношение Раздобреева к специалистам: «Специалист необходим везде, в частности и в нашей Республике, к спецам отношусь великолепно, что доказываю своей [работой] в должности ректора». В советском аппарате и советском хозяйстве работали десятки тысяч «спецов» – представителей старой интеллигенции разных кате-

³⁷⁰ Очерки истории смоленской организации КПСС. Т. 1. С. 11; Правда. 1921. 27 марта.

горий. Часть «спецов», считавшихся наиболее буржуазными, приняли НЭП главным образом потому, что с ним кончалась тяжелая полоса холода и голода при беспорядочном распределении продуктов по карточкам. Но другие «спецы» шли дальше: они видели в НЭПе отмену системы идей, сковывающих и убивающих развитие рыночных сил, и с нетерпением ожидали полноценной реставрации капитализма. Ссылаясь на то, что X партийный съезд решил лучше относиться к квалифицированным кадрам, Раздобреев заявил, что наконец-то может «выпрямиться и делать полезное для страны дело», а льготы, которые он за это получал, находил само собой разумеющимися. «Мы должны обеспечить ответственных работников, поскольку они необходимы для работы».

Разговоры об «ответственных» пайках часто отличались оттенком неприязни к тем, кто их получал. «Спецы», получавшие пайки, как утверждали в 1921 году многие партийные ораторы, живут в полном довольстве, тогда как рядовые рабочие буквально голодают. Говорилось, что привилегии неправомерны сами по себе, достаются только тем, кто близок к власти имущим, и что путем привилегий отнимается то малое, что имеется у простых коммунистов, выполняющих действительно трудную работу. ЦК поручил центральной комиссии по снабжению рабочих при Наркомпроде «в трехдневный срок установить норму снабжения продовольствием особо ответственных и незаменимых работников центральных учреждений по установленным твердым спискам с тем, чтобы эти нормы не превышали норм рабочего снабжения». В постановлении требовалось отменить все особо повышенные нормы продпайков для отдельных категорий интеллигенции и «подтвердить всем центральным и местным учреждениям недопустимость выдачи своим сотрудникам вне установленного порядка предметов продовольствия, широкого потребления и пр.». Постановление Совнаркома РСФСР от 14 января 1921 года специально предусматривало отмену «академического пайка для ответственных совработников». Раздобреев явно подпадал под эту категорию³⁷¹. Тем не менее многие подозревали, что Раздобреев «раздобрел», отъездившись на «государственных харчах» вопреки постановлениям советской власти, да еще и время от времени приворовывал то небольшое добро, которое она могла предоставить народу в общественное пользование. Продолжая получать повышенный паек, Раздобреев зарвался и посчитал, что теперь ему все можно, что он теперь в Советском государстве новый хозяин.

Внесено было предложение огласить материал о Раздобрееве, имеющийся в бюро ячейки. Королев и Захаров отчитались: «Кроме предъявленных обвинений имеется три заявления на тов. Раздобреева, из коих видно, что два подано от наших служащих Института и одно от студента. 2 заявления указывают на использование своего служебного положения в личных интересах».

В обвинительном материале хозяйственные злоупотребления и политические погрешности шли вперемешку, что соответствовало революционному чувству законности. ЧК, например, не различала экономические и политические преступления. «Мастерские института совершенно не работают для учебных нужд, а усердно обслуживают высшую администрацию, расходуя для этой цели казенный материал». Обвинение подразумевало, что при нынешнем ректоре дело просвещения народных масс в институте отступило на второй план и все его силы были направлены на то, чтобы студентов превратить в новых лакеев администрации. Мало того, имелись сведения, что в лаборатории института крадут спирт и реактивы, которые потом продают. Учитывая барство Раздобреева, можно было предположить, что продают, конечно, не ради обеспечения собственного существования, а для личного обогащения ректора. Раздобреев злоупотреблял автомобилем «для личных, и семейных надобностей, считая его своей собственностью»; позволил своему личному секретарю, подхалиму Агафонову «влиять на себя, благодаря чему [последний] пользовался автомобилем в своих личных надобностях, как пере-

³⁷¹ Декреты Советской власти: В 18 т. Т. 12. М.: Политиздат, 1986. С. 328.

возочным средством»; занимался растратами, выкачивая деньги из Советского государства и разъезжая на них с семьей по командировкам – «продолжительное время за ответработниками института [числилось] около 190.000.000 рублей. При поездке в Москву сопровождает целая свита – жена, сестра и Агафонов».

На ферме института в деревне Вонлярово царил вопиющий беспредел. Пользуясь своим служебным положением, ректор эксплуатировал «в своих личных потребностях, и для своих помощников» ее ресурсы. Например, он использовал землю, удобрения, живой и мертвый инвентарь фермы: «...как при посеве картошки, так и при уборке пользовался наемным трудом. Картофеля собрано 200 пудов для себя, 100 пудов помощнику ректора Равинскому, 100 пудов Китаеву, и 100 пудов Агранову». Разворовывал общественную собственность Раздобреев не только для себя, а раздавал ее своим «сатрапам из администрации». Но если бы он раскармливал за счет страны только своих приспешников! Нет, рабочих он за людей не считал, даже за скот. Собственная корова «спецу» была дороже простого работяги. «[Ректор] выпаивал казенным молоком фермы в деревне Вонлярово собственного теленка в то время, когда для рабочих не хватало молока. У него, при этом, имелась собственная корова. Рабочие возмущались». Как настоящий вельможа, он «огородил проволочным ограждением в Вонлярово свой павильон, где проживает на даче, [во время] полевых работ, устроил дамскую купальню из материалов фермы». Автора доноса возмущала купальня, конечно, не потому, что советские гражданки получили возможность помыться, а скорее он давал понять, что ректор устроил себе гарем из работниц института.

Помимо непристойного сластолюбия ректора, на которое намекал Захаров, донесение Григорьева повторяло картины бесстыдного изобилия технических средств, картошки, молока, скота, украденного у рабочего государства, эксплуатации красноармейцев в «трогательном гнездышке», которое «солидный меньшевичок» свил за спиной партии на фоне всеобщего голода, а также добавляло к этим картинам и новые детали.

Тов. Раздобреев посеял 13 пудов картофеля, получил урожай сам 18, тогда как в совхозе урожай сам – 8. Это является небольшим показателем, куда идут удобрения. Он уверяет, что Китаевым и Ровинским также был посеян картофель, тогда как копали эти товарищи из общего поля. Раздобреев это знал, без сомнения, и ничего не предпринимал. Из этого видно, что солидные меньшевички очень сильно влияют на коммунистов. Скрываясь за его спиной, [они] свивают себе трогательное... гнездышко, ибо эти элементы весьма и весьма чужды коммунизму. <...> Копали картофель красноармейцы, которые сильно возмущались такой эксплуатацией, ибо они были взяты не в порядке соглашения, как говорит Раздобреев, а в порядке приказа. Не буду останавливаться на безрассудной использованности автомобилей в подвозке картофеля, чем также возмущаются рабочие, но подчеркну, хотя бы, это ненормальное выпаивание казенным молоком собственного теленка, в то время как рабочим не хватало этого молока без сомнения. Эта мелочь заводит много ропота и неприязни со стороны рабочих...

Риторика Григорьева была язвительной. Используя классовый язык, он выставил ректора врагом рабочего класса, таким коммунистом, который настраивает рабочих против их же партии. «Тов. Раздобреев никогда не входил и не может войти в крестьянскую рабочую массу... Рабочие, видя пример даваемый виднейшим деятелем коммунистической партии, [начинают] смотреть иначе, не по-коммунистически. <...> Почему не всегда в одинаковой мере снабжают пайками? <...> Почему тов. Раздобреев больше получает паяк? Есть крали и карлики! Почему Раздобреев получает больший паяк, чем профессора, которые также достойно работают?» Траты на женщин, показная роскошь, которой он себя окружал, возбуждали в подчи-

ненных ненависть к советской власти. Пролетарское государство должно было заботиться в первую голову о населении, жертвовать для него всем, а не жировать за его счет, да еще у всех на виду. Такое поведение ректора морально разлагало весь коллектив института, не могло не сказаться на настроениях массы. «В работе Института нет коммунистической линии, – настаивал Захаров, – все говорят, что Институт не Советская, а белогвардейская организация».

Не замедлили последовать вопросы: «Вспоминает ли тов. Раздобреев, что он член РКП большевиков, когда берет усиленный паек, картофель и как смотрит на голодающих?» «Почему урожай так велик? Очевидно, посеяно гораздо больше...» Ни один человек «не имеет возможности засеять и снять собственным трудом». Ректор раздавал картошку приближенным «в то время как на Поволжье, от голоду умирают». «200 пуд картофеля для Раздобреева – жирно! В этом лучше нуждаются рабочие». Недоброжелатели много говорили не только о хамстве Раздобреева, поощряемом новой экономической политикой, но и о его высокомерии. Ректор, подчеркивали они, бравировал своим классовым превосходством, позволял называть себя баринном, а жену барыней. Получив с фермы деревни Вонлярово продукты, прислуга выбросила мясо, говоря, что «его не станут есть собаки, а не то что семья Раздобреева». Чего же удивляться, что «произошло возмущение рабочих»?

Последнее обвинение задело Раздобреева за живое, и он попытался возразить, но ответ звучал не менее возмутительно, чем озвученное донесение. «Людоедская суть» ректора для слушателей проступила с новой силой: «Рабочие вообще недружелюбно относятся к коммунистам и к администрации. Если рабочие дали плохого мяса, то прислуга, вероятно, сказала, что его съедят собаки – я здесь не причем, говорить так ее не учил». Фраза «рабочие дали плохого мяса» звучала не просто оскорбительно для класса – гегемона революции, но имела злоешие коннотации. Она могла быть понята так, как будто Раздобреев не просто ест мясо, краденное у рабочих, забирает данное ему и разбазаривает его (в том, что он вор, «чистильщики» не сомневались), но буквально ест их мясо, пожирает одного за другим, да еще и жалуется, что в этот раз плоть пролетариата была недостаточно хороша для гурмана-необуржуа, что даже барская собака настолько привередлива, что не стала ее есть. Более того, ректор-буржуй решил свалить свои грехи на ни в чем не повинную прислугу, настраивая рабочих против рабочих. Раздобреев продолжил обелять себя с помощью своей старой няни: «Удовольствием для себя не считаю, чтобы меня называли баринном. Это мне не свойственно. Старая няня, петербургская прислуга, называет меня баринном, ее не отучишь, преступления здесь нет». Но преступление, по мнению обвинителей, состояло не в том, что няня называла его баринном, а в том, что он позволил ей себя так называть. «Спецу» нравилось видеть, как рабочий класс ему прислуживает и лебезит перед ним.

На обвинения в привилегированном положении Раздобреев ответил, как и ранее, формальной отговоркой, повторяя положения советской власти относительно «спецов», что «в интересах дела нужно обеспечить всех сотрудников, но пока это невозможно, так что придется обеспечить более ответственных работников»: «Согласно постановлению, имею право получать паек. <...> На довольствии состою с семьей, потому что разрешено правлением института». Все разрешения и юридические постановления снова прикрывали Раздобреева от шторма классовой ненависти, бушевавшего вокруг него.

Ответчик отвергал и остальные обвинения пункт за пунктом, называя номера протоколов, упоминая разрешения, удостоверения, справки, вспоминая о собственных правах и, конечно, о «пользе службы» советской власти, которая для него была всегда в приоритете:

Живу в казенном помещении. Протокол номер 51 от 5-го февраля подтверждает, что помещение казенное, где размещается несколько лиц Института и моя лаборатория. Помещение не мое, дрова взяты правильно, ибо они взяты не для меня, а для казенного помещения. Существует постановление

Правления, ввиду мизерности моего жалования, выдавать мне дрова и вообще обеспечивать всех сотрудников. <...>

Имею право получать молоко. <...> Молоко после отела не годится для питья, хорошего молока для теленка нужно ведро. Давали мне полторы кружки молока, чем поить теленка я не мог. Корова стелилась, и молоко не годилось для питья.

Относительно обслуживания мастерскими ответственных работников СПИ, то мне не было известно также о приготовлении кровати, дал разрешение очевидно Равинский. Нужно иначе ставить вопрос. Я недостаточно слежу за работой мастерских Института.

Автомобилем, как собственностью не пользовался, да и если бы так, я не считаю преступлением, ибо это все для пользы службы. Если я ездил с женой, то не все ли равно, одному ехать или вдвоем.

Несмотря на обеспеченность защиты доказательной базой, отвечая на обвинения, Раздобреев все же иногда проговаривался, и за нейтральным тоном ректора сквозила неприязнь к распоясавшейся черни. В частности, «спец» давал такое объяснение появлению ограды вокруг фруктового сада на ферме: «Огораживал я это не свой дом, без ограды плохо, т. к. около дачи много кустов, например, жасмина, сирени и других, и везде ходит скот, который портит деревья. Кроме того, огорожен для сохранения растений – фруктовый сад. Этим пресечено хищение фруктов и овощей». Не тот же ли скот, разгуливавший около дачи и портивший деревья, по мнению Раздобреева, воровал фрукты и овощи с фермы? Не от него ли он попытался защитить оградой неприкосновенность того, что, по мнению некоторых, уже считал своей вотчиной? Могло показаться, что он хотел во что бы то ни стало сохранить все плоды коллективного труда для себя самого. Но Раздобреев не останавливался, пытаясь дать отпор обнаглевшим выскочкам-студентам и институтским работникам, продолжая по списку:

Дамская купальня. Есть удостоверение на то, что купальня для женщин, ее я не любил и редко пользовался. Она использовалась студентами, красноармейцами и женщинами фермы [в деревне] Вонлярово.

Относительно аванса в 190.000.000 рублей, пожалуй, не верно. Справка: У нас миллионный оборот, но у меня был миллион с лишним аванса, для приезда в Москву. Каждая поездка моя в Москву обходится около 300 000 рублей, а таких поездок было пять. Мною подано в Правление ходатайство об удовлетворении проездными. <...> При поездках в Москву сестра случайно ездила. В этот раз она была командирована в Московское Высшее Техническое Училище. Агафонов ездил как [мой] секретарь. Жена, как лаборантка, ей был предоставлен отпуск, и она использовала его.

Вопрос о краже спирта меня просто оскорбляет. Если это так, то мне здесь не быть, а в Особом отделе или еще где-нибудь. Это дело уголовное. Это лишь слухи. <...> Спирт получить очень трудно. Ведется учетный лист, он находится в фотографической лаборатории, который можно в любой момент проверить, и учесть. Реактивный вообще мало расходуется, имеются книги, в коих списывается приход и расход в определенные сроки, все оформляется, о продаже и речи быть не может, может быть тащат из лаборатории, тогда я не причем.

Об овсе и сене я ничего не знаю. Просил фуража для коровы, мне отказали, лошадь имелась одна и была казенная, а овес для нее отпускался.

Не может быть, чтобы я грубо обращался со студентами. Когда у меня была открыта дверь кабинета, шел товарищ, курил и плевал; я просил не плевать, он грубо мне ответил, за это я сделал ему выговор.

То, что на ферме гнил скошенный овес, мне нельзя поставить в вину, потому, что я занимался своим делом.

На особенно спорный вопрос, кто обрабатывал земли, Раздобреев ответил, что «у него работало 6 красноармейцев, 2 у Равинского». Землю имения Сторожище «обрабатывал сам со своей женой и няней». А с картофелем вышло «недоразумение»: «Не могу существовать пайком, поэтому имею свое хозяйство. Каждый рабочий должен себя обеспечить. Картофеля собрал 200 пудов, со своего огорода. Но что я использовал пустующую землю, в этом преступления никакого нет. В имении Дубровке и Сторожище мне также отведены были огороды. <...> Урожай сам 18 действительно вышел. В среднем в Вонлярове урожай сам – 8, а на моей земле – 18. Посеял 13 пудов, преступление ли, что земля родила столько? Отдам или нет часть картошки? Вы не знаете!»

Объяснения, данные Раздобреевым, могли показаться скандальными и лишь подтверждающими поступившие донесения. Не только цифра в 200 пудов казалась неприлично большой для одного хозяйства, но и указание на то, что каждый сам должен прокормить себя собственными усилиями, звучало, во-первых, вопиюще индивидуалистски, показывало, что ему наплевать на благополучие товарищей, а во-вторых, выдавало самодовольство ректора, похвальнощегося своим урожаем. Финал же речи, предполагающий, что Раздобреев еще подумает, делиться ли с нуждающимися или нет, и вовсе переходил все дозволенные пределы коммунистической этики.

Насчет поездок за казенный счет ответчик рассказал следующее: «Автомобиль в Вонлярово ходит только раз в сутки туда и обратно. Грузовиками в течение лета не распоряжался. Ровинскому дров отвезено куб, Китаеву тоже. Откуда они достали дрова, не знаю. Семья моя не из двух душ, а из семи, которую необходимо прокормить. <...> О Поволжье вспоминал, когда рыл картофель». Трогательные воспоминания «спеца» об умирающих от голода крестьянах, нахлынувшие на него при сборе изобильного урожая, о котором он на момент чистки продолжал размышлять, не оставить ли его весь себе, вряд ли вызвали дополнительные симпатии публики и не могли поколебать уверенность «чистильщиков» в справедливости выдвинутых обвинений.

Григорьев продолжал гнуть свою классовую линию, в то же время сознавая, что с формальной стороны к Раздобрееву было не подкопаться. Оставалось взывать к классовому чутью присутствовавших. Обвинитель надеялся раскрыть глаза публике, убедив ее не верить приведенным доказательствам, показать, что они не более чем следствие образованности изворотливого «спеца». Добиться этого Григорьев попытался, противопоставив буржуазным ухищрениям Раздобреева его собственное, пролетарское мастерство владения большевистским языком, надеясь переиграть ректора на его поле. Неожиданная игра слов, использованная им, безусловно, заслуживает внимания, поскольку демонстрирует способность оратора придать привычным выражениям новые смыслы. Выступающий остановился на «бесценности» и незаменимости Раздобреева как ответработника, которую «спец» неоднократно упоминал, и заодно прошелся по указаниям ректора на то, что каждый обеспечивает себя сам: «Все приводимые для обвинения факты и его ответы ярко говорят, за то, что он спец, от мозга костей и, что он умеет красиво говорить, чем очень часто, а может быть и теперь, отыграется. Не буду отрицать, что он незаменим как спец, но как коммунист он бесценен (читай: ничего не стоит. – И. Х.), что бесценно, то мы должны выкинуть, в этом есть задача нашей партии, а поэтому я предлагаю исключить спеца из нашей партии, которая не есть убежище для спеца. Я не против обеспечения ответственных работников, но обеспечение не самообеспечение (читай: обеспечение в первую очередь самого себя, без заботы о коллективе. – И. Х.), что очень горько, так

как некоторые ответственные и испытанные старые товарищи находятся в более худших материальных условиях».

Чем выше был накал страстей, тем язвительней становились полемические приемы. Едва ли можно допустить, чтобы в таких сварках проявлялась вся сложность классового анализа, но вопрос о пайках сразу затрагивал принадлежность Раздобреева к интеллигенции. Захаров «добивал» ректора по-своему. Помимо попыток в духе Григорьева пробудить классовый инстинкт собравшихся и указать, что ловкость, с которой Раздобреев увертывается от обвинений, только доказывает их верность, Захаров указал на отсутствие пролетарского инстинкта у самого ректора. Более того, классовая чуждость Раздобреева была лишь одним из компонентов обвинительной речи. Другим было «мещанство» ректора – термин, указывающий на этический регистр и противопоставляемый оратором универсалистскому гуманизму коммунистического мировоззрения. Настоящий партиец трудился на благо всего общества, а не только ради упрочения собственного благополучия. Более того, то, что Раздобреев не рассматривал представленные обвинения по существу, а пытался лишь ловко от них защититься, также вскрывало его чуждую сущность. Пытаясь отгородиться от коллектива забором из бумажек и постановлений на съезде, не соглашаясь признать хоть какие-то ошибки, он лишь подтверждал, что в партии он чужой:

Как коммунист, Раздобреев теоретически соглашается с РКП, но практически он далек от партии. Здорового пролетарского коммунистического инстинкта он не имеет, потому что воспитывался и сейчас живет чуждый пролетариату и нашей партии. Вообще, как революционер, он ни в чем себя не проявил и преданность революции и партии ничем не доказал. <...> Перед нами ярко вырисовалась юркая мещанская личность Раздобреева. Он ловко использовал свое служебное положение в личных интересах. Пользуется для личной цели штатом института. Все предъявленные ему обвинения тов. Раздобреев, с ловкостью спеца, сводит к нулю, и не считает [постыдным] для коммуниста пользоваться наемным трудом. Партийная этика в личной жизни Раздобреева совершенно отсутствует. Со стороны личной жизни Раздобреев достаточно характеризуется как мещанин, это говорит за то, что он чужд нашей партии.

Теперь необходимо обратить внимание, что из себя он представляет как общественный и партийный работник и как коммунист. <...> Будучи назначен руководителем ячейки, тов. Раздобреев ничего не сделал в смысле работы с ней, а наоборот был оторван от партийной массы, с которой ничего не имел общего. Партийные обязанности выполнял он скверно, в отряде не состоял, субботников не посещал, и на все имеет бумажки. Как за Ректором и Военкомом Института, за ним скрывается шайка контрреволюционеров, творящая всевозможные безобразия. Во многих из предъявленных ему обвинений и будучи виноват, он блестяще сумел отпарировать их, что доказывает его нестойкость как коммуниста. По-моему, если он честный коммунист, то должен был сознать свою вину с открытой душой, заявить об этом, за что партия простила бы ему все его ошибки.

Понимая, что поле боя отдавать на откуп обвинителям более невозможно, доброжелатели осажденного ректора наконец озвучили свои оценки. Один из первых, давший отпор обвинениям, еще не будучи уверенным, имеет ли защита какие-то шансы на успех, тов. Иоффе решил для начала козырнуть партийным стажем: «Я являюсь, до некоторой степени, старым членом партии» – участником революции 1905 года. Только после напоминания, что он многое повидал, Иоффе развернул свой аргумент: «Тов. Раздобреев есть хороший спец и вполне разделяет

программу РКП. <...> Не ставьте на одну плоскость работу спеца и работу рабочего. <...> Выдвинутые факты против Раздобреева мизерны и даже безосновательны. Был ли замешан тов. Раздобреев в какой-либо саботирующей кучке инженеров? Он есть честный работник. Он был и администратор, и Военком, и руководитель, и посему предлагаю утвердить членом РКП». В протоколе слова Иоффе обозначены как «пространная речь», что многое говорит о симпатиях секретаря собрания, записывавшего обсуждение. В материалах чистки обвинения были приведены подробнейшим образом, по пунктам, в то время как от речи защитника сохранилось, несмотря на заслуги оратора перед революцией, лишь краткое резюме и упоминание о ее «пространности».

«Наши ответственные работники не живут, и не могут жить на таком же, как мы пайке, – согласился товарищ с пролетарской фамилией Слесарь. – Воздается каждому по потребностям, и каждому по способностям». В исполнении Слесаря лозунг «от каждого по способностям – каждому по потребностям», описывающий состояние социалистического общества на вершине его развития – коммунизме, парадоксальным образом перетолковывался как соответствующий реалиям НЭПа: выдающиеся способности работника выражались в его особых потребностях, и в пусть переходном, но социалистическом обществе они должны были полностью удовлетворяться. Подобная неортодоксальная интерпретация марксистской формулы в целях защиты Раздобреева еще раз свидетельствует об открытости языка большевизма для новых ситуативных прочтений, явно идущих вразрез с оригинальным смыслом высказывания, но при этом сообщающих участнику обсуждения авторитет знатока канона.

Слесарь верил, что сближению Раздобреева с массами мешало разделение труда, которое на этапе НЭПа имело объективный характер. Подзащитный ничего не мог поделать с собственным положением в системе, но свою социальную функцию выполнял: «С массами он не сталкивается потому, что он является кабинетным работником, мелкие грешки тов. Раздобреева не служат основанием исключения его из партии».

Джусь не был столь уверен в невинности ректора. Дело было не в незаменимости Раздобреева для дела, а в его непомерной решимости выгородить себя во что бы то ни стало, в нежелании прислушаться к мнению партии: «Зная Раздобреева как человека дела, хорошего спеца, я глубоко уважаю его. С 1918 года, он много делал для Института. <...> Но когда... на совещании активных коммунистов... предложено ему очиститься и исправиться, на что он с возмущением отвечал – прав во всем. За дело его ценю, но как коммунист говорю, что он другого лагеря, и других убеждений и не годится быть коммунистом. Сам он происходит из буржуазной семьи, он не общественник. Действительно, он не может быть в партии – в партии рабочих и крестьян».

Но Слесарь стоял на своем, не обращая внимания на возражения Джуся и парируя выпады Захарова по поводу нежелания ректора трудиться на благо комячейки: «Тов. Раздобреев не меньше делал каждого из рядовых членов нашей ячейки. Незаметность его в работе ячейки не служит основанием для удаления из партии. <...> [Ничего] антибольшевистского у него нет». Слесарь предложил оставить Раздобреева в партии кандидатом «или дать ему другое наказание». Захаров же прислушался к возражениям Слесаря, и его сердце смягчилось. Он добавил, что «Раздобреев плохой коммунист, но дельный и хороший спец, а потому... совершенно его выбрасывать из партии нет необходимости, а только исключить на месяц с правом вступить опять в партию и с прохождением кандидатского стажа».

Тут вмешался уполномоченный Смоленской городской проверочной комиссии Носырев с поправкой: «В кандидаты переводят лиц, делавших преступления по недоразумению, которые могут исправиться. Сюда не подходит ректор Института – ибо кандидатский стаж не штрафной батальон». Уполномоченный указал: «Коммунисты везде должны являться примером для всех подчиненных. Поступки Раздобреева допустимы ему как спецу, но проступки в высшей степени не желательны как члену РКП и Военкому института. Почему никто не

указал по его партийной работе, и [не дал] характеристику как коммуниста? Что он сделал в области политической работы Института?» Уполномоченный воспринял всерьез все жалобы на ректора, и поскольку с его мнением считалась губернская комиссия, у недоброжелателей ректора-спеца были все основания надеяться, что классовое чутье на этом собрании все-таки восторжествует над юридическими формальностями. Пока не было ни одного свидетельства в пользу заслуг Раздобреева на партийном поприще, а не в качестве ректора, чаша весов на чистке могла склониться не в его пользу.

Настоящий перелом собрания произошел, когда за вопросом, заданным Носыревым в ответ на прозвучавшие обвинения, последовало заготовленное заранее «резюме» председателя комячейки [и председателя собрания] Королева: «Прежде всего, я должен дать собранию характеристику тов. Раздобреева, как члена ячейки: если бы все члены ячейки были бы так дисциплинированы как тов. Раздобреев, то было бы очень хорошо. Он аккуратно посещал все собрания, заседания ячейки, если находился в Смоленске, всегда исполнял задания Бюро... Теперь резюмирую сказанное на этом собрании: все единогласно, в том числе и уполномоченный, тов. Носырев, говорят, что предъявленные Раздобрееву обвинения пустяки. Обвиняют его в том, что у него, как кажется некоторым, не коммунистическая душа. То, что „кажется“ некоторым, не является авторитетным для нас. Так будьте последовательны и точны до конца. Если обвинения пустяки, то за пустяки к высшей мере наказания, к политическому расстрелу, тов. Раздобреева присуждать нельзя, а принимать во внимание его дисциплинированность... его громадные заслуги перед Республикой по организации и руководству нашего Института. Считаю, что он уже достаточно наказан данным собранием, что перед всем собранием в сто человек, он должен был отчитываться в том, в чем мало был виновен. <...> Обвинения являются слухами. Говорить об удалении Раздобреева из партии, думаю, очень опрометчиво, он не заслуживает этого».

Королев признавал, что новая экономическая политика породила у некоторых членов старой интеллигенции надежду на то, что советская власть превратится в буржуазную. Если часть интеллигенции придерживалась буржуазных, реставраторских взглядов, то значительная ее часть, в том числе Раздобреев, понимала НЭП как объективную необходимость стать ближе к советской власти. Ответчику необходимо было время и какие-то промежуточные ступени для приобщения к идеям социализма.

Председатель огласил предложение Слесаря «о прекращении прений по кандидатуре тов. Раздобреева». На последующем голосовании за оставление его в партии проголосовало 33 человека, против – 9, воздержалось – 3.

Примерно каждый четвертый коммунист в ячейке Смоленского института считался интеллигентом – представителем группы, которая была под прицелом в первую очередь. При чем «интеллигенцией» считались очень разные лица – от высокопоставленного ректора через мелких буржуа среднего пошиба с неподходящей классовой психологией до сорвиголов-леваков. В ряды интеллигенции можно было угодить в силу социального происхождения или черт характера.

«Меня крайне удивляет безалаберность состояния вашего билета», – заметил уполномоченный Могилевкину Давиду Моисеевичу. И добавил с издевкой: «Тем более что вы „человек интеллигентный“. Нет отметок о переездах и командировках, шесть месяцев не платит членских взносов, что противоречит нашему уставу». Могилевкин извинялся, что много ездил как сотрудник редакции «Рабочий путь», но его разоблачили как буржуя: «Вы говорили, что у вас были скудные средства, но не имели ли вы прислугу?» – «Мать имела, а я не имел».

Товарищи не любили Могилевкина за склонность к асоциальности, отчуждению от переживаний, связанных с физическим трудом, обидчивостью и крайне уязвимым чувством собственного достоинства. Григорьев указал: «Могилевкин – второй тип Раздобреева, умеющий

хорошо говорить. У него строго интеллигентские привычки, целует дамские ручки». Физиономисты выискивали жесты, гримасы, выдающие слабость характера интеллигента³⁷².

Русская интеллигенция, писал Троцкий, приучена к самонаблюдению, что «изощряло интуицию... чуткость, женственные черты психики, но в корне подрезывало физическую силу мысли». «Рыхлая, тестовидная, бесформенная» повседневность не давала «за что зацепиться»³⁷³. «Прислужливые отпрыски интеллигенции типа Могилевкина когда-то умели гипнотизировать рабочих, заставлять их действовать против собственных интересов, во имя отвлеченных, культурнических идеалов, но этому настал конец».

«Из всей автобиографии видно, что он [Могилевкин] много говорил о том, что нас мало интересовало, а про главное он умолчал», – заявил Малашников.

– Вы говорили что отец ваш был земледелец, но царское правительство воспрещало евреям заниматься земледелием, и, кроме того, кажется, родственники ваши имели магазин.

– Отец имел две десятины земли, что он обрабатывал собственным трудом и служил у своего брата приказчиком. Я забыл, что у матери был магазин, а потому не указал – профессия матери меня не интересовала.

В автобиографии Могилевкин упомянул, что «февральская революция явилась для него неожиданностью» и он не смог быстро сориентироваться. «Свержение Керенского считал преждевременным, не нужным». Такие оценки лишней раз доказывали, что Могилевкин – чужак, цепляющийся за отжившее прошлое и не желающий его от себя отпустить, вступив на путь строительства светлого будущего. «Однажды вы выступали в саду... на митинге, – заметили ему язвительно. – Почему это Вас солдаты хотели побить? В то время они были настроены, кажется, по-большевистски». Могилевкин отрицал, что поддерживал империалистическую бойню. «[Я] выступал, и речь моя сводилась к тому, чтобы бросить воевать». Этому уж точно никто не поверил, и его исключили из партии без больших сомнений.

В большевистских понятиях Раздобреев и Могилевкин представляли уточненную, старую интеллигенцию, с ее барством и отчужденностью от настоящей жизни. Но интеллигенция могла существовать в виде вожаков деклассированной толпы с ее склонностью к стихийному бунту, нигилизму и революционному максимализму³⁷⁴. Совсем недавно Ленин писал о «детской болезни левизны в коммунизме», которая повторяет ошибки социал-демократов «только с другой стороны», называл врагом революционность, «которая смахивает на анархизм». Видя в ажиотаже партийной интеллигенции «своего рода наказание за оппортунистические грехи рабочего движения», он, однако, считал, что «ошибка левого доктринерства в коммунизме является, в настоящий момент, в тысячу раз менее опасной и менее значительной, чем ошибка правого доктринерства», может и должна быть «легко излечена»³⁷⁵.

Таков был случай Никифорова Ивана Ивановича, антипода Раздобреева и Могилевкина и тем не менее тоже интеллигента, как указано в анкете Смоленской институтской ячейки. Вторя диагнозу Ленина, некоторые сочувствовали Никифорову: «Единственное, что имеется у т. Никифорова, это бунтарская жилка», – защищал ответчика Захаров. Джусь был знаком с Никифоровым полтора года: «Раньше был слишком анархичен, что проглядывает и сейчас, много бунтарского в нем духа, но этого нельзя поставить ему в вину. Тов. Раздобреев, определенный спец, и получил звание коммуниста. Он правее нас, то почему же, человеку по убеждению левее нас не предоставить место в нашей партии?»³⁷⁶

³⁷² ВКР. 326. 16.

³⁷³ Троцкий Л. Д. Об интеллигенции // Сочинения. Т. 20. М.: Госиздат, 1926. С. 336.

³⁷⁴ Правда. 1921. 28 октября; Правда. 1921. 30 ноября; ЦДНИТО. Ф. 1. Д. 981. Л. 57.

³⁷⁵ Ленин В. И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме. С. 5–90.

³⁷⁶ ВКР. 326. 17.

Другой институтский прямолинейный «левак» Поздняков Юлиан Андреевич был знаменит своей «ненавистью к евреям», которую он выдавал за революционность. При обсуждении его кандидатуры главный вопрос заключался в том, изжил ли Поздняков антисемитские убеждения своей молодости, или темное прошлое до сих пор держит его в своих цепких когтях. Джусь винил в этом «ненормальную обстановку, при которой воспитывался тов. Поздняков» – пресловутый шовинизм мещанской интеллигенции, – но считал его антисемитизм «давно изжитым»: «Этот признак прошлого тов. Подзняка, не является упреком последнему, а всецело следствием той среды, в которой он когда-то вращался». Захаров признал несколько заслуг Подзняка в деле защиты революции и особенно подчеркнул «честность» последнего. Секретарь партячейки Королев подтвердил слова предыдущих товарищей и дал справку, что со дня его знакомства с Подзняковым за последним никакого антисемитизма не замечено: «Пройдена, безусловно, школа антисемитизма, но теперь ставить в вину изжившему это давно товарищу было бы преступно»³⁷⁷.

Вышерассмотренные обсуждения выявляют многие нюансы и оттенки в отношении к интеллигенции в большевистском дискурсе. Допуская в начале 1920-х годов, что избранные члены этой группы честно влились в партию, большевики считали, что в целом интеллигенция является врагом пролетариата. Коммунисты из среды интеллигенции приносили с собой мелкобуржуазную экономику (чрезмерный энтузиазм в отношении НЭПа или, наоборот, его недооценку), мелкобуржуазную политику (правый меньшевизм или его не менее опасную противоположность – инфантильно-левацкий анархизм), мелкобуржуазное поведение («лукавство» и «самовлюбленность»). Вся суть интеллигентов заключалась в притворстве и неискренности. Их принимали за софистов, лакеев и умников, которые только и хотели, что превратить партийную политику в теорию и абстракцию, утопизм и «мудрствование».

В начале 1920-х годов большевики всячески отодвигали интеллигенцию от власти и ущемляли ее в правах. Партия ставила целью очистить промышленность, систему управления и вузовскую систему от «буржуазных элементов». Многие из старых инженеров, управленцев и преподавателей были лишены работы, и им пришлось наниматься чернорабочими. Чистки и перерегистрации усугубили дискриминацию – в результате разных ограничений доля интеллигенции в партии упала на 3,6 % с 1921 по 1923 год³⁷⁸. Даже в своей природной, университетской среде интеллигенция почувствовала себя некомфортно. Прием интеллигенции в университетские партячейки строго ограничивался, не в последнюю очередь «из-за сложности найти поручителей». Студенты из третьей классовой категории должны были заручиться рекомендациями пяти членов партии с пятилетним стажем³⁷⁹. Сибирская парторганизация предлагала кандидатам в партию «теоретический экзамен»: только тот интеллигент может войти в партию, который хорошо осознает задачи коммунизма³⁸⁰. Суханов из Томского технологического института посчитал себя в этом плане «неподготовленным»: «Для того чтобы вступать в партию в ВУЗе, нужно достаточно проявить себя»³⁸¹.

С сентября 1922-го по февраль 1923 года только четыре заявления на прием в партию поступило в вузах Володарского района Петрограда (в сравнении с 88 заявками на заводах района). За тот же отрезок времени Василеостровский район наделил статусом кандидата в партию лишь трех интеллигентов (в сравнении с 76 рабочими и 33 крестьянами); скорее всего, те 82 заявки, которые вообще не рассматривались, принадлежали непролетариям³⁸². В 1922 году

³⁷⁷ ВКР. 326. 9–10.

³⁷⁸ Rigby T. H. Communist Party Membership in the U. S. S. R. P. 102–117; ЦГАИПД СПб. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1 г. Л. 44.

³⁷⁹ ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 24. Л. 318.

³⁸⁰ ЦДНИТО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 36.

³⁸¹ ЦДНИТО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1065. Л. 28 об.

³⁸² Сборник материалов Петроградского комитета РКП. Вып. 6. Пг.: Изд. Петербургского комитета РКП, 1923. С. 173, 201.

партячейка Ленинградского института инженеров путей сообщения докладывала: «Заявлений о приеме не поступало, да и в учреждении нет подходящего желательного элемента. Большинство работников в учреждении интеллигентны»³⁸³. Даже когда наблюдалась «тяга в партию со стороны основников и рабфаковцев», райком был неумолим – «принять всех за интеллигентов, а потому при поступлении им всем требуется 5 рекомендаций. Так быть!» В институтском бюро намек поняли: «Доступ в партию не задерживать формально, [но] фактически принять все к недопущению не рабочего элемента... Строго следить за рекомендовавшими»³⁸⁴.

Куток Р. не могла уяснить себе, почему ее обращение о приеме в партию рассматривается так долго, ведь социальное происхождение было подходящим. «Отец, рабочий, весовщик на нефтяном складе, мать домохозяйка. С 17 лет живу своим трудом, по найму; профессия „нешкольница“ с 1914 года», иными словами – профессиональная революционерка. Куток подала заявление еще весной 1923 года, но оно было рассмотрено только 3 марта 1924 года и отклонено «ввиду постановления XII съезда о неприеме интеллигенции». Дело в том, что Куток одно время в Двинске служила преподавательницей на «курсах для рабочих на еврейском языке»³⁸⁵.

Характеристика партбюро ячейки ЛГУ на кандидата в РКП(б) с 1920 года Шульгина гласила: «Несмотря на 5-летнее пребывание в партии, не изжил в себе „интеллигентщины“, приобретенной по своему социальному происхождению. За время пребывания в коллективе РКП(б) и Комсомоле нашего университета проявил тенденцию карьеризма»³⁸⁶.

Студенты из интеллигенции прибывали в партию последними и выбывали первыми. Они были повсеместно под подозрением, и их прием всегда сопрягался с определенным риском. 1 марта 1925 года в партбюро коллектива Ленинградского сельскохозяйственного института поступило письмо за подписью восьми коммунистов: «По некоторым сведениям мы узнали, что в коллективе вашего института состоит кандидат РКП, окончивший Костромской рабфак в 1923 г. студент Чумаков Г. А. <...> Считаем своим партийным долгом и обязанностью сообщить в коллектив некоторые сведения о тов. Чумакове, которые, мы уверены, коллектив не знает и которые имеют важное значение. <...> Хотя происхождение из крестьян, но Чумаков по своему положению является чистейшим интеллигентом, окончившим учительскую семинарию. [Он проявил] бюрократическое и грубое отношение к рабочим, будучи ответственным работником профорганизации. <...> Отношение в 1918 г. всей семьи Чумаковых, в частности Григория, к советской власти и к работникам на местах было враждебным».

Затем следовал рассказ о том, как в Костроме затеяли процедуру исключения гнилого интеллигента Чумакова из комсомола. Перекрашивая себя в пролетарские цвета, «Чумаков старался вступить в РКП на рабфаке, мотивируя, что комсомол он перерос. Для этого он находил, помимо рабфака, рекомендателей с достаточным партстажем, даже старых партийных товарищей». Бюро ячейки рабфака отвергло его кандидатуру. «Тов. Чумаков на этом не останавливается, а продолжает действовать – он заручается хорошими отзывами... например от члена президиума правления союза соработников тов. Фролова, который между прочим в настоящее время исключен из РКП». Налицо была круговая порука среди «интеллигентщины», и не исключено, что «ее щупальца доходят и до Ленинграда». Бдительные коммунисты Костромы убедительно просили «при разборе вопроса о приеме его [Чумакова] в партию» принять во внимание их заявление. Также они просили «для более подробного освещения данных вопросов» пригласить их на собрание коллектива или партбюро института. «В крайнем случае просим известить нас о результате, – и тут звучит недвусмысленная угроза, – чтобы мы

³⁸³ ЦГАИПД СПб. Ф. 1085. Оп. 1. Д. 10. Л. 4.

³⁸⁴ Там же. Д. 12. Л. 240.

³⁸⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Д. 72. Л. 2.

³⁸⁶ Там же. Д. 28. Л. 11.

могли своевременно, если тов. Чумаков будет переведен в РКП, поднять этот вопрос в высших партийных органах»³⁸⁷.

Доля интеллигентской когорты среди студенчества непосредственно влияла на величину вузовской партиячейки. В то время как большинство студентов Томского технологического института были пролетариями, среди студентов городского госуниверситета преобладала третья категория и работа ячейки буксовала³⁸⁸.

В 1923 году партиячейка Томского государственного университета состояла поровну из пролетариев и интеллигенции (38:38)³⁸⁹. Но и этот паритет не был бы достигнут без усилий университетской канцелярии. Статистики играли ключевую роль в определении классовых ярлыков студентов. Они добавляли «социальное происхождение» студента к его «главной профессии» и получали желаемое «социальное положение». Как эта алхимия работала, оставалось профессиональным секретом работников канцелярии. Иногда требовалась недюжинная изобретательность. Маркеры «крестьяне» и «рабочие» оставались в силе, даже когда студент занимался умственным трудом: «наследственный рабочий» Галичанин остался «рабочим», хотя зарабатывал на хлеб в канцелярии совхоза; дочь крестьянина Деревянина не стала «интеллигенткой», несмотря на работу учительницей начальной школы. Крестьяне по социальному происхождению Слезнев, Чернов и Золоторев числились пролетариями, несмотря на указание Томской парторганизации, что фельдшеры – служащие. Когда канцелярия партбюро все же записывала студента как интеллигента, это часто было меньшее из двух зол: Баскович и Хилетская были «дочерьми мещан» и таким образом избежали категории социально чуждых. Были, конечно, случаи, когда ничего сделать было невозможно. Некоторые студенты стали «интеллигентами», несмотря на крестьянские корни: Зудилов – ввиду административной стези, которую он себе выбрал, а Толетухина и Клеткина – как школьные учительницы. Когда переход к умственному труду происходил до вступления в партию, депролетаризацию нельзя было игнорировать³⁹⁰.

По причине «засилья» интеллигенции Томский университет был на плохом счету в окружке, считавшем классово негодными старорежимную профессию и гуманитарную учебную программу. Во время «ленинского призыва» партиячейка соседнего технологического института активно росла за счет прибытия студентов-производственников и за счет приема – университет вынужден был отговаривать своих студентов от попыток поступления. Последующие послабления не изменили картину: между мартом и июнем 1925 года только семь студентов попросились в университет в партию, но приняли не всех³⁹¹. Существенный рост партиячейки все-таки имел место зимой 1925/26 года, но к разочарованию партбюро это происходило в большой мере за счет интеллигенции.

Таблица 7. Социальное положение членов РКП в Томском государственном университете, 1925/26 учебный год

<i>Социальное положение студентов</i>	<i>Ноябрь 1925</i>	<i>Апрель 1926</i>
Рабочие и крестьяне	33 (77%)	33 (60%)
Интеллигенция	10 (23%)	22 (40%)
Всего	43 (100%)	55 (100%)

³⁸⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 258. Оп. 1. Д. 46. Л. 28–29.

³⁸⁸ ГАНО-П. Ф. 2. Оп. 1. Д. 17. Л. 233; Д. 24. Л. 318; ЦДНИТО. Ф. 320. Оп. 1. Д. 7. Л. 29.

³⁸⁹ ЦДНИТО. Ф. 115. Оп. 2. Д. 3. Л. 6–16; Д. 4. Л. 41.

³⁹⁰ ГАНО. Ф. 1053. Оп. 1. Д. 589. Л. 51; ЦДНИТО. Ф. 320. Оп. 1. Д. 19. Л. 126–127; Ф. 115. Оп. 2. Д. 3. Л. 6–27.

³⁹¹ ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 963. Л. 4.

Источник: ЦДНИ ТО. Ф. 115. Оп. 2. Д. 3. Л. 6–16; Д. 4. Л. 41; Д. 7. Л. 55; Д. 8. Л. 26–35, 146.

Оправдываясь, секретариат ячейки утверждал, что классовые данные искажают картину, что процент интеллигенции в партячке на самом деле ниже и каждый второй студент в этой категории – выходец из полупролетарской семьи. Местные органы статистики делали все возможное в 1926 году, чтобы улучшить социальный профиль студентов. Хотя в ячейке насчитывалось только 22 непролетария, в списке коммунистов было девять канцелярских работников, девять фельдшеров, три врача, семь школьных работников, а также агроном и партработник – каждый из них мог бы попасть в интеллигенты³⁹².

Желая соответствовать партийным приоритетам, студенты умаляли свои образовательные заслуги. Останкин, студент Ленинградского сельскохозяйственного института, заявил в своей автобиографии: «Отец из крестьянской семьи... в молодости он был батраком». В восьмилетнем возрасте автор «был отдан» в начальную школу – но у него был сильный крестьянский иммунитет и он «не набрался интеллигентских штучек». Молодой Останкин хотел стать хлеборобом, как отец, но, увы, обстоятельства этого не позволили. Не входя в детали жизненного пути, автобиограф писал, что не мог пойти работать на фабрику, потому что их не было поблизости: «Был поставлен в такие условия: или остаться дома без дела, или же продолжать учебу. Механически перешел из низшей школы в высшее начальное училище»³⁹³.

Тяга к знаниям не должна быть эгоистичной. Ленинградского студента Колодина исключили из университета в 1923 году как «интеллигента-индивидуалиста». Протокол описывал его как «стремящегося только к своему образованию, ничем не зарекомендовавшегося в коллективе»³⁹⁴. Тьдман В., родившийся в семье витебского железнодорожника, утверждал в автобиографии, которую он направил в ячейку Ленинградского института путей сообщения 22 апреля 1923 года, что учеба в реальном училище не только не сделала из него «бесхребетного интеллигента», но, наоборот, «выправила его молодые мозги», научила азам классового анализа. Учеба на экономическом отделении Московского коммерческого института, куда автобиограф поступил в 1912 году, и последующее «знакомство с соответствующей литературой и студентами-большевиками, проводившими ряд забастовок и демонстраций [весной 1916 года] против войны гарантировало от усвоения чисто буржуазной идеологии». После революции Тьдман работал в большевистских учреждениях, был комиссаром Красной армии. Описания революционной активности были необходимы, чтобы не прослыть старомодным интеллигентом и сохранить шанс на партийный билет³⁹⁵.

Преподаватель Ленинградского института инженеров путей сообщения Синюхаев Г. Т. (1875 года рождения) чувствовал, насколько шатко положение старой интеллигенции. Сын казачьего офицера («усыновленный» – смягчал автобиограф) и дочери бедного земледельца («замужем за кулаком» – тут уже некуда было деться), окончивший когда-то историко-филологический факультет Петербургского университета, Синюхаев подался в партию в ноябре 1924 года. «XIII съезд РКП(б) нравственно обязывает лучшую часть учительства СССР вступить в ряды РКП(б) для организованной борьбы за лучшее будущее трудящихся всего мира, – писал он в своем заявлении. – Так как студенческие организации неоднократно публично убеждали меня в том, что я действительно принадлежу к этой лучшей части учительства, то я открыто заявляю о своем желании вступить в ряды РКП(б)».

³⁹² ЦДНИТО. Ф. 115. Оп. 2. Д. 8. Л. 146.

³⁹³ ЦГАИПД СПб. Ф. 1085. Оп. 1. Д. 23. Л. 199.

³⁹⁴ ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 1. Д. 16. Л. 84.

³⁹⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. 1085. Оп. 1. Д. 24. Л. 14.

Отвод поступил молниеносно: «Считаю нужным сообщить, что преподаватель рабфака тов. Синюхаев в годы 1905–07 состоял членом монархической партии правого характера, являясь, если не ошибаюсь, уполномоченным по Василеостровской части. Занимаясь на рабфаке в группе, где преподавал тов. Синюхаев, он всегда производил на меня впечатление подделывающегося под дух времени»³⁹⁶.

Проблема с интеллигентами типа Тыдмана или Синюхаева с большевистской точки зрения заключалась в том, что они формировались в царской образовательной системе. Если Тыдман мог только надеяться на понимание со стороны властей, то студенты, получавшие образование уже при советской власти, открыто протестовали против дискриминации интеллигенции.

Обнаружив, что попал не в ту категорию, студент ЛГУ Трифонов Василь Матвеевич бушевал: «Желая вступить в ряды РКП(б), я неожиданно наткнулся на убийственную дилемму, именно, или вступить в РКП на правах интеллигента, или совсем не вступить. В корне не соглашаясь с первым пунктом, против второго протестуя, считаю нужным и обязательным высказать следующее: если партия рассматривает всю интеллигенцию через одну призму (в этом сомневаюсь), не делая подразделения на старую консерваторскую и новую трудовую, выдвинувшуюся во время существования и благодаря существованию советской власти, то считаю это в корне неправильным». Объясняя истоки своего недовольства, Трифонов возвращался к своей автобиографии: «Я крестьянин, пролетарий по происхождению, среднее и то неполное образование я получил в период 1922 г., одновременно служа в Красной армии и учась. <...> Я спрашиваю, товарищи, что общего между мной и каким-нибудь интеллигентом по роду, который получил образование в старое время и если бы не революция... мне университета было бы не видать как своих ушей. Одно это сравнение унижает мое духовное „я“, и если принять во внимание, что я вновь испеченным интеллигентом именно стал считаться с октября 1923 года, т. е. со дня приема в университет, куда я прибыл не от маменьки и от папеньки, а прямо от сохи, то это сравнение равносильно насмешке».

Бюро все же решило воздержаться от приема Трифонова «в виду скорого окончания университета и полной политической безграмотности»³⁹⁷.

Усольцева Е. из Сибирской партийной школы приняли в партию, но отнесли к «служащим». Он протестовал: «Просматривая список относящихся к этой категории товарищей по нашей ячейке, я нахожу, что подвести меня по аналогии с ними нельзя, во-первых, по положению, которое занимает тот или иной товарищ как служащий и по положению в производстве вообще. Если брать только количество лет службы вообще – а комиссия по определению исходила из этого принципа – то правда я должен быть отмечен как служащий. Исходя же из положения с крестьянским хозяйством, то я к категории служащих не должен отнестись. Я до настоящего времени имею собственное хозяйство. В работе своего хозяйства личным трудом постоянно не участвую только с 1923 года. До этого времени, начиная с 1920 года, я служил в своем селе конторщиком и делопроизводителем и в то же время принимал личное участие в своем сельском хозяйстве... особенно в сезонные периоды. Зарплата в то время была никакая, и [я] главным образом существовал на производстве своего крестьянского хозяйства. До 1920 года я был почти в положении батрака, ибо своего хозяйства не было, и жили в крестьянском хозяйстве дяди и вместе с матерью работали на него. <...> В партию меня ячейка в деревне принимала, как крестьянина. Райком тоже. <...> Определения меня как занимающего в общественном производстве роль интеллигентской прослойки при наличии связи с своим хозяйством было бы неверно». Резолюция на письме гласила «оставить служащим»³⁹⁸.

³⁹⁶ Там же. Д. 26. Л. 68.

³⁹⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Д. 188. Л. 144.

³⁹⁸ ЦДНИТО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 465. Л. 27–28.

Интеллигентское прошлое прощалось, если оно компенсировалось серьезным вкладом в революционную деятельность. Рассмотрим короткий опрос Чернякова В. М., сына служащего:

- Когда начал вести свою активную политическую жизнь?
- Активно начал работать с 1921 года после убийства отца. С 21 года я работал в Чека.

А вот разговор на ячейке с интеллигентом Трофимовым, тоже середины 1920-х годов:

- Как у тебя развивалось политическое сознание?
- Отец мой участвовал в Февральских восстаниях, часто были у нас обыски, была конспиративная квартира. Большевикам я помогал распространять разные листовки и оружие, участвовал в нелегальных организациях. При Соввласти тоже много работал, в партию вступил, чтобы формально закрепить свои убеждения.

Оба эти студента Томского государственного университета были приняты в партию чуть ли не на правах профессиональных революционеров³⁹⁹.

Сложнее были обстоятельства у Шергова, его кандидатура обсуждалась 15 июня 1927 года. Отец ответчика до революции был подрядчиком, купцом 2-й гильдии. Шергов был совсем юным во время революции, но с интеллигентским образованием. Не служил в Красной армии, «как студент не был мобилизован», а вот в Белой армии служил рядовым полтора месяца.

- Почему попал в Белую армию?
- Был на Востоке мобилизован из школы. <...> Был издан приказ о мобилизации с 18 до 40 лет, и служил 1½ месяца. <...>
- Почему после побега из Белой армии не был партизаном?
- Не представлял в то время задач, стоящих передо мною, так как мне было всего 18 лет. <...>
- Почему братья и сестры раньше попали в сферу революционного движения, а ты отстал?
- Я больше жил дома и тогда политически не мыслил.

Был ли Шергов на самом деле неисклюшенным юнцом или сознательно избегал большевиков? Некоторые коммунисты в институте знали, что ответчик участвовал в скаутской организации – в типичном для интеллигенции ученическом кооперативе, хотя мог бы вступить в комсомол. «Шергов в то время был политически не развит», – заступился за кандидата Зельманович. Но Гребенкин поспорил: «Шергов тогда оканчивал гимназию», то есть уже был образованным. Бетищев присоединился к мнению, что, как интеллигент, Шергов не мог не разбираться в политике, но добавил, что кандидат «в настоящее время окупил себя на работе и показал свои хорошие стороны». А сам Шергов нашел «оскорбительными» высказывания товарищей, что он хочет «пролезть в партию»: «Я честно работал, и если я не был бы коммунист в душе, то не проводил бы директивы [коммунистической] фракции». 17 коммунистов проголосовали за Шергова, но многие (восемь) воздержались⁴⁰⁰.

В 1925 году партия стала лучше относиться к работникам умственного труда. Раньше в списках можно было найти такие категории, как «трудовая интеллигенция», «лица интеллигентского труда» или просто «интеллигент». Теперь же поступил ряд инструкций, согласно которым «интеллигенты» не выделялись в особую социальную группу, а относились к группе «служащих» и уравнивались в правах с «трудящимися классами». Августовский циркуляр партийного секретариата гласил: «К группе служащих относятся те коммунисты, основ-

³⁹⁹ ЦДНИТО. Ф. 115. Оп. 2. Д. 12. Л. 62.

⁴⁰⁰ Там же. Д. 11. Л. 28–29.

ной профессией которых является административная, хозяйственно-распределительная, культурно-просветительская, судебная, врачебная и прочая работа в качестве руководящего или обслуживающего персонала на предприятии или в учреждении»⁴⁰¹. На XIV партсъезде выдвигались предложения о том, чтобы «создать особую группу для некоторой части советской интеллигенции, например для сельских учителей». После некоторых раздумий специальная комиссия отклонила это предложение: «Не требуется внесения этого в устав, потому что это может быть сделано особым указанием со стороны Центрального Комитета в смысле обращения большего внимания на ту или другую группу интеллигенции и служащих, кои особенно были бы ценны для партии. В устав вносить дробление на советскую интеллигенцию и на другие сорта интеллигенции, на низших и на высших служащих, по нашему мнению, совершенно не нужно»⁴⁰².

Те, кого невозможно было отнести к рабочим, крестьянам или служащим, попадали в категорию «прочие» – никакая другая классификация коммунистов в статистических разработках не допускалась. К прочим относили кустарей, домохозяек, а также студентов без определенной профессии до поступления в вуз, и эта категория включила в себя многие малоприятные определения, которые прежде связывались с «интеллигенцией». В то же время «прочими» были профессиональные революционеры (не менее 35 делегатов XIII партийного съезда 1924 года были «прочими»)⁴⁰³.

Комсомольский работник Исаева из Коммунистического университета значилась в личном деле как «прочая». Она негодовала: «Не претендовать на возврат своего [трудового] социального происхождения я не могу и не имею на то морального права, ибо я „прочей“ не была. <...> Я рождена в селе Котовке Нижегородской губернии в семье бедняка крестьянина, который умер в 1912 году, и с этого времени я находилась у дяди, на крестьянской работе, работая, с одной стороны, как „своя родня“, и следуя лозунгу дяди: „работай, от других не отставай и учись обогнать соседа“, с другой стороны (1918–22 гг.). Я отдала партии все что могла: юность, здоровье, потерять мое социальное происхождение не могу»⁴⁰⁴.

Изменения в социальном составе ЛГУ фиксируют недолгую толерантность партии в отношении интеллигенции и прочих. Опустошенная недавней чисткой, в начале 1925 года ячейка насчитывала только 162 члена. Однако в течение 1925/26 учебного года она утроилась и ее непролетарская составляющая достигла 40 %.

Таблица 8. Социальный состав парторганизации Ленинградского государственного университета на 1927 год

	<i>Члены партии</i>	<i>Кандидаты партии</i>	<i>Члены комсомола</i>
Рабочие	190 (48,5%)	65 (37,4%)	394 (34,6%)
Крестьяне	51 (13,0%)	27 (15,5%)	365 (31,9%)
Служащие	89 (22,7%)	55 (31,6%)	318 (27,9%)
Прочие	62 (15,8%)	27 (15,5%)	64 (05,6%)
Всего	392 (100%)	174 (100%)	1,141 (100%)

Источник: ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 1. Д. 148. Л. 148.

⁴⁰¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 3. Оп. 1. Д. 841.

⁴⁰² XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). С. 877.

⁴⁰³ ЦГАИПД СПб. Ф. 3. Оп. 1. Д. 841; Ф. 984. Оп. 1. Д. 249. Л. 1–2, 5.

⁴⁰⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 197. Оп. 1. Д. 217. Л. 34.

Ситуация стала настолько напряженной, что Василеостровский райком отказался утверждать каких-либо кандидатов в партию из студенческого комсомола. В результате когорта молодняка в университете значительно разрослась – примерно каждый четвертый студент был комсомольцем в 1927 году. «Необходимо отметить ненормальное положение с принятием комсомольцев переростков в кандидаты партии, – утверждал партком ЛГУ. – 66 % комсомольцев, проведенных через общее собрание коллектива... отклонено райкомом»⁴⁰⁵. После обсуждения вопроса на общем партсобрании попросили пересмотреть ограничения, но ленинградский аппарат, обуреваемый страхами засилья интеллигенции, стоял на своем⁴⁰⁶. В конце концов ленинградские власти разрешили продолжить прием студентов в партию, но только по третьей категории, со всеми сопряженными с этим ограничениями⁴⁰⁷.

В 1927 году Образов из Томского технологического института жаловался: «Нашим комсомольцам перед приемом в партийной ячейке нужно пройти 4 инстанции, а затем еще райком. Я об этом говорил в райкоме, и мы все же остановились на этих принципиальных соображениях, что наши ячейки могут самостоятельно провести прием в партию. При приеме мы каждого рассматриваем как интеллигента, а когда его приняли в партию, его считают как рабочего. Это некоторая неточность [в определении социального положения]. Может быть, мне кто-нибудь из райкома разъяснит, как устранить это несоответствие?» «Переростки из комсомола исключаются, не входя в партию, – недоумевал Пивнев. – Они жили лет 6 коллективной жизнью. Надо теперь поставить определенный пункт, чтобы молодежь хорошую принимать»⁴⁰⁸.

Проблема классовой дискриминации против студентов разбиралась на самых различных уровнях, от вузовских партячеек до райкомов и губкомов. В марте 1928 года ЦК поручил губкомам создавать специальные комиссии с целью пересмотра социального профиля коммунистов⁴⁰⁹. Как видно из материалов Томской комиссии, она не только не разоблачала интеллигенцию, но и использовала возможность переокрасить студентов в более приемлемые цвета.

Таблица 9. Изменения в социальном положении томских студентов-коммунистов, 1928 год

⁴⁰⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 1. Д. 244. Л. 27.

⁴⁰⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 6. Оп. 1. Д. 224. Л. 206; Ф. 984. Оп. 1. Д. 244. Л. 27; Ф. К-141. Оп. 1. Д. 1а. Л. 5.

⁴⁰⁷ Студент революції. 1927. № 5. С. 21–22; Дубатова О. О работе комсомола в вузе // Красное студенчество. 1927. № 8. С. 38.

⁴⁰⁸ ЦДНИТО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 749. Л. 156.

⁴⁰⁹ Carr E. H., Davies R. W. Foundations of a Planned Economy 1926–1929. London: Palgrave Macmillan, 1969. P. 100–101; Rigby T. H. Communist Party Membership in the U. S. S. R. P. 163.

от	к	Технологический институт	Рабфак Томского государственного университета
прочий	→ студент	21	—
прочий	→ служащий	19	—
прочий	→ рабочий	13	—
служащий	→ рабочий	9	3
прочий	→ крестьянин	19	1
рабочий	→ служащий	2	—
служащий	→ крестьянин	2	1
крестьянин	→ рабочий	1	10
служащий	→ студент	1	—
крестьянин	→ служащий	—	1
рабочий	→ крестьянин	—	1

Источник: ЦДНИ ТО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 483. Л. 132–133, 138–142. Случаи, оставшиеся без изменений, в таблицу не включены.

Почти никто из «рабочих» или «крестьян» не был разоблачен как служащий, зато значительному количеству студентов удалось выбраться из непроизводственных категорий.

Благодаря гибкости, заложенной в классовый дискурс, социальные категории собирались и разбирались при очередных изменениях в условиях социальной инженерии. Методы категоризации уточнялись: после появления «рабочих от станка» и «крестьян от сохи» в 1923–1924 годах возникла и «трудящаяся интеллигенция», которая в скором времени была поглощена «служащими». Дискурсивный артефакт, а не объективная данность: интеллигенция меняла свое лицо с каждым изменением партийного курса.

«Прежде всего, что такое интеллигенция? – спрашивал Луначарский в 1925 году. – Если мы подойдем к обществу с точки зрения его классовой структуры, то для каждой группы, о которой мы говорим, определение которой мы ищем, надо найти классовое место. Каково классовое место интеллигенции? Интеллигенция не класс. Об этом вряд ли кто будет спорить. Это довольно пестрая, сложная, своеобразная группа, но если она не класс, то все же она должна найти свое место между классами. <...> Интеллигент вооружен, если не инструментами, как ремесленник, то прежде всего специальными знаниями, которые являются известной привилегией, квалифицируют его по отношению к неквалифицированному рабочему». Где проходит граница между влиянием пролетариата и капиталом, Луначарскому было трудно сказать, так как она зависела от множества условий. «Часть интеллигенции, как и вообще мелкой буржуазии, примыкает к пролетариату не полностью, с оговорочками. Точно так же и в лагере крупной буржуазии их фактические союзники юридически или теоретически стараются порою отгородиться в особую партию, хотя по существу принадлежат к лагерю крупного капитала. Интеллигенция настолько испытывает это тяготение в разные стороны, что ее лучшая часть внедряется в пролетариат, другая примыкает только частично»⁴¹⁰. Луначарский отметил, что свое место в революции каждый интеллигент определял под воздействием сложного комплекса факторов, их переплетения и взаимодействия. Он верил в возможность перестройки хода мысли старой интеллигенции, выразив уверенность, что «вдыхая постоянно новую атмосферу, многие из них способны переродиться»⁴¹¹. Правда, нельзя переделать сознание интеллигенции одним махом.

⁴¹⁰ Судьбы современной интеллигенции: Доклад А. В. Луначарского. С. 18–20.

⁴¹¹ Печать и революция. 1923. № 7. С. 15.

На первых порах важно, чтобы она утвердилась в главном – в том, что ей с буржуазией не по пути: «Не нужно... требовать от них четкости коммунистического или хотя бы марксистского мышления. Не нужно ставить им чрезмерные политические требования... Нет: „кто против буржуазии, тот с нами“ – вот лозунг, который должен быть поставлен в основу»⁴¹².

Последний вопрос Луначарского: «... всегда ли будет необходима интеллигенция? Является ли она такой категорией, которая неизбежно вновь возникает и в нашем обществе? Ясно, что мы в течение долгого времени не сможем передать весь мировой опыт массам в новых наслоениях, даже чисто пролетарским массам, чтобы создать демократию, равную по знаниям, без ущерба для рабочих. Этого скоро сделать нельзя. Нам в течение долгого времени придется иметь организаторов, готовить командный состав по разным областям, только с той оговоркой, что этот командир не должен командовать в дурном смысле, а должен быть организатором, обслуживающим массу, а не повелевающим массой. Общее развитие массы будет подниматься. Из этого вы видите, что, в конце концов, мы можем ожидать действительного исчезновения интеллигенции. Но я не думаю, чтобы мы дошли когда-нибудь до уничтожения разделения труда, а думаю, что разница между организатором и организуемым постепенно, в процессе развития, будет стираться. Конечно, придет время, когда интеллигенция сыграет свою роль и ляжет в музее рядом с каменным топором и государственной властью»⁴¹³.

Ю. В. Ключников писал, что судьба интеллигенции подчиняться и не требовать для себя командных должностей: «Но вот уже в работе как беспартийный и интеллигент я спрашиваю: должен ли я внести что-то свое, что у меня есть, как у интеллигента так и беспартийного, или даже ради общей пользы я должен добросовестно стремиться действовать и мыслить, как коммунист». Ключников подчеркивал: «... нужна известная атмосфера свободы, для социального и культурного творчества, известная возможность идти в Рим разными дорогами... <...> Я спрашиваю себя только в порядке вопроса: если мы в будущем получим совершенно однородную массу, совершенно одинаково мыслящих людей, то как будет идти общая работа? Нет ли здесь какого-то социологического предела, какой-то опасности, которая рождается не от того, что путь избран неправильный и что, например, марксизм нужно заменить чем-то совсем иным, а исключительно от того, что создалась однородность, достигнуто однообразие мыслительного аппарата человечества». «Мне кажется, – замечал Ключников Луначарскому, – есть громадная ошибка в представлении о том, будто интеллигенция нужна до известного момента. Я считаю, что задача заключается не в уничтожении интеллигенции во имя того, чтобы остались только рабочие и крестьяне, какими они представляются сейчас, а в том, чтобы все рабочие и крестьянские массы стали интеллигентскими и только интеллигентскими»⁴¹⁴.

Разрабатывая конкретные меры завоевания интеллигенции, партия исходила из особенностей ее мелкобуржуазной психологии, указывая на очень важную ее черту – склонность к идеализму, которая порождалась спецификой умственного труда. В груди интеллигенции, по словам Луначарского, не одна, а две души – «одна насквозь отравленная буржуазными наклонностями, другая – более идеалистическая, роднящая интеллигента с социалистическим идеалом». Учитывая противоречивый духовный облик интеллигенции, нарком предлагал парализовать первую ее душу и поддержать вторую убеждением и приглашением к сотрудничеству⁴¹⁵. В одно и то же время интеллигент был членом общества конкуренции и индивидуализма, где он мещанин, обыватель, и членом общества, строившегося на коллективных началах, где он носи-

⁴¹² Судьбы современной интеллигенции: Доклад А. В. Луначарского. С. 19.

⁴¹³ Там же. С. 23.

⁴¹⁴ Там же. С. 43–44.

⁴¹⁵ Луначарский А. В. Борьба за душу // Народное просвещение. 1919. № 29. С. 3–4.

тель разума и альтруизма. Кто победит в этой борьбе, спрашивал Луначарский. «Это вопрос персональный. Тут происходит отбор, фильтрация»⁴¹⁶.

В соответствии с большевистским сценарием, интеллигент выходил чаще всего из городского мещанства, которое накладывало на него отпечаток индивидуализма. Лучшее образование, чем рабочий, он мог быть отделен от производства и придерживаться мелкобуржуазных убеждений. В душе интеллигента иногда находилось некоторого рода пролетарское зерно, которое делало возможным воспитание в духе пролетарской идеологии. Но чаще интеллигенты предпочитали описывать историю своего чудесного перерождения. Основные грехи обычно совершались в ранний период жизни, а автобиография демонстрировала постоянное самосовершенствование: надклассовое, универсальное мировоззрение постоянно шлифовалось. Взаимодействие с пролетарским окружением и революционная активность приводили интеллигента к пониманию классовых отношений и избавляли его от узкобуржуазных черт характера. Ленин уверял, что жизненный опыт приведет интеллигенцию к социализму, но при этом «инженер придет к признанию коммунизма *не так*, как пришел подпольщик-пропагандист, литератор, а *через данные своей науки*, что *по-своему* придет к признанию коммунизма агроном, по-своему лесовод и т. д.»⁴¹⁷

На вопрос «Когда и почему вы вступили в партию?» историк Генкина «искренно рассказывала, как было дело во время чистки 1929 года в ИКП»: «В конце 1918 г. мне удалось получить на один вечер работу В. И. Ленина „Государство и революция“. Ее привез в Екатеринослав (Днепропетровск) видный партийный работник Я. А. Яковлев, дал своему брату Д. А. Эпштейну, который учился тогда в реальном училище в том же городе, а его приятель, тоже реалист, передал эту книгу мне. Работа Ленина буквально решила мою судьбу, все мне объяснила, сделала меня большевичкой, хотя я и вступила в партию позже, в 1920 г. Но мой рассказ об этом вызвал почему-то резкую отповедь отдельных товарищей, они говорили, что я якобы „книжная большевичка“...»⁴¹⁸

Образец автобиографии интеллигента, рассказ студента Ленинградского государственного университета Андропова Ионы Иосифовича, родившегося в 1903 году, следовал этим предписаниям⁴¹⁹. Автобиограф мастерски описал свою эволюцию от узкого индивидуализма к пролетарскому сознанию. В соответствии с требованиями жанра сухие биографические детали дополнялись феноменологическим описанием их воздействия на душу героя. Автобиография завершалась извинением: «Некоторые „лирические отступления“ в этой записке вызваны тем, что моя анкета очень невыразительна. Надо было рассказать, *почему* это произошло и *кто* я такой» (выделено в оригинале).

Автобиография открывалась обязательным рассказом о семье: «Отец был служащий Старого режима, помощник начальника железнодорожной станции... <...> Отца своего не знаю и никакой роли в моей жизни он не играл. Умер, когда мне было четыре. Мать говорила, что был пьяница, неудачник, бил меня нещадно, брал взятки». Мещанство и интеллигенция оказали свое формирующее влияние на душу молодого Андропова: «Начиная с предсмертной болезни отца, я жил у чужих, у матери не было времени и средств... Мать жила в Витебске, но в тогдашнем Петербурге имела мастерскую... [Я] жил у бабушки, знакомых и особенно долго помню о какой-то богатой интеллигентной семье инженера. Это, наверное, наложило известный отпечаток на меня».

⁴¹⁶ Троцкий Л. Д. Об интеллигенции // Троцкий Л. Д. Сочинения. Т. 20. С. 10.

⁴¹⁷ Ленин В. И. Об едином хозяйственном плане // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 42. М.: Политиздат, 1970. С. 346.

⁴¹⁸ Генкина Э. Б. Воспоминания об ИКП // История и историки: историографический ежегодник. 1981. М.: Наука, 1985. С. 268.

⁴¹⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 1. Д. 126. Л. 35–39.

До начала обучения в гимназии в Витебске Андронов переехал к матери. Следовало прояснить характер ее экономической активности, так как теперь он подвергался ее влиянию. «Вначале жилось очень скверно-бедно, никто мать не знал, заказов было мало. Потом пошло лучше – мать расширила дело: были ученицы у нее, и помню, одна мастерица, тоже из учениц матери. Дело матери, сама она и окружавшая меня тогда обстановка были типично ремесленные, но с тенденцией развития не в сторону капиталистического обрастания, а в обратную – пролетаризирования».

Не вызывает сомнений присутствие уже перерожденного рассказчика, который оглядывался на свое прошлое, вооруженный марксистской теорией. Анализ хозяйственной деятельности Андроновых не имел ничего общего с тем, как члены семьи воспринимали себя сами, а следовал азам «Капитала» Карла Маркса. «Тенденция экономического развития» семьи оценивалась осторожно: «Семья матери нищала и распадалась. Хозяйство бабушки трещало по всем швам. Сестра матери служила горничной в Питере. Один брат бродяжничал. Другой работал на заводе, в революцию был коммунистом, на ответственных постах. И умер на гражданском фронте. Дальнейшее развитие капитализма бросило бы, несомненно, и мою мать в ряды пролетариата».

Андронов знал, что «бытие определяет сознание». Следовательно, он должен был указать на то, как повлияло экономическое положение матери на его мышление: «Но особенные условия ее ремесла – портяничество с его работой на заказ – сталкивали мать и меня с такой средой („заказчицы“) которая, конечно, содействовала построению сознания на мелкобуржуазный лад».

Обучение Андропова в гимназии только углубило рваческий менталитет: «Мать дает образование [надеясь, что] „выйду в люди“. Я попал в класс, где были дети мелких чиновников, деревенских попов, евреи [которые прозвали меня] „портняжкин сын“ [что] заставляло очень подозрительно относиться к людям... отходить от человеческой жизни. <...> Вообще, гимназия мне не дала ничего положительного, а только развила склонность к отрешению от людей, влечение к жизни только книгами, индивидуализму. Этого индивидуализма много и сейчас, хочется его вытравить с корнем, и обстановка партии мне очень поможет сделать это».

Доленинградский период, проведенный в Витебске (до 1921 года), характеризовался в автобиографии «большой работой над приобретением знаний и развитием». Андронов посвящал много времени саморазвитию, «читал философию и литературу», писал и подрабатывал репетиторством. Он работал во всяких студенческих организациях (в его анкете указывается, что в 1919–1921 годах он учился в Витебском педагогическом университете), «встречался с множеством людей, спорил о современности, о коммунизме».

Автобиограф умело набросал портрет интеллигента старой формации. Он понимал свою жизнь в терминах, свойственных эпохе, самосовершенствовался, бахвалился интеллектуальными дуэлями с другими интеллигентами: «Но сдвинуть меня не могли, хотя и бывало наоборот. Я примыкал тогда очень близко к толстовству, совмещал его как-то с философией эпигонствующего символизма и много говорил о „несопротивлении“».

При такой направленности мысли неудивительно, что Андронов упустил важность Октября. Согласно марксизму, этого и следовало ожидать от пацифиста. «Революция разворачивалась, я много видел, много говорил о ней, но смысла ее не понимал... никакой политической литературы не читал, а окружавшие меня коммунисты связно и стройно изложить мне систему марксизма не могли. Было много сомнений, но не было никого, кто мог бы мне указать коммунистический путь их разрешения».

В 1921 году Андронов поступил в Петроградский педагогический институт им. Герцена. После переезда в Петроград он углубился в жизнь столичных литературных кружков. Автобиограф сыграл ведущую роль в переиздании сочинений Некрасова и, упоминая свой вклад в эту работу, помещает себя где-то на линии между толстовством и большевизмом. Наконец

он перешел к действию и разорвал контакты с литературными кругами, «которые смакуют интеллектуализм и поклоняются индивидуальности». Андронов начал преподавать экономику СССР на рабфаке ЛГУ и в электротехническом институте. В анкете он с гордостью заявил, что не получил официального образования в этом вопросе и освоил его самостоятельно.

В начале 1920-х годов Андронов все больше и больше уделял внимание лекциям и студенческим собраниям в пролетарских вузах. «От толстовства не осталось и следа, несопротивление показалось таким же подленьким, как и меньшевистские сладкие речи». Автор писал, что «злопахательства» той академически-литературной среды, в которой он все время вращался по работе, многое могли повернуть вспять. Но, погрузив себя в пролетарскую атмосферу рабочих факультетов, он, однако, не сошел с правильного пути: «Еще стоя на старых общепhilosophических позициях, стал все больше думать о коммунизме и историческом значении нашей революции. Становился чем-то вроде „попутчика“ с той разницей, что они-то знают все и все же только „попутчики“, я же пока ничего и не знал и политически был совершенно безграмотен».

Развитие Андропова еще не завершилось, однако пролетарское самосознание уже выривалось на горизонте. «Попутчики» остановились на месте. Их потенциал был исчерпан, предположительно, вследствие их традиционного для интеллигенции способа мышления. Так как Андронов все еще мог двигаться вперед, он был умственным пролетарием. В конечном итоге, как учила партийная программа, пролетарием был тот, кто имел пролетарское сознание, и никто другой.

После освоения пролетарской теории обращение Андропова было неизбежным. Тем не менее решающий момент был все еще впереди: «Засел за Маркса. Это сделало первый полный переворот, все прежние неопределенные построения рассыпались, как картонный домик... Сомнений больше не было, но были большие сомнения в себе».

«Работник просвещения» было ответом Андропова в анкете на вопрос «ваша профессия». «Книги и идеи так исковеркали меня, что от первоначальной трудовой основы не осталось ничего, кроме подсознательного чутья правоты дела угнетенных. В результате почти целиком был в интеллигентщине». Использование бранного слова «интеллигентщина» свидетельствовало о близости разрыва с прошлым. Наконец наступил перелом. «Первое, что толкнуло меня к сокращению этих сомнений – это смерть Ленина... Революция стала непреложной не только в сознании, но и в чувствах».

Перед нами пример совмещения личного развития с объективным историческим процессом. Обращение Андропова произошло в результате революционного катарсиса, вызванного смертью вождя.

Андронов посвятил следующие годы анализу своего «я», пытаясь выяснить, будет ли он способен стать преданным коммунистом. Автобиограф хотел вступить в партию, но был ли он достаточно чист и достоин? Он много работал с рабфаковцами – солью пролетарского университета, в процессе занятий проверяя свое сознание и свою «классовую тягу».

По-видимому, результаты самоисследования были удовлетворительными. Автобиограф заявил, что он предан революции вне зависимости от того, примут ли его в партию, – явный знак истинной веры. Выражено было сожаление, что возможность вступить в партию во времена ее подполья была упущена навсегда, так как это послужило бы лучшим доказательством его искренности. Тем не менее подчеркивалось, что он уже не тот «балласт, который долго еще надо обрабатывать» и может быть полезен: «Не поздно еще и хоть время потеряно, но много еще впереди работы. Оставаясь же вне партии – молодой еще – я естественно остаюсь одиночкой. Очень больно становится, когда вспомнишь, что ты вне партии, не в тесной связи, плечо к плечу с пролетариатом». Описание жизни, потерянной для коммунизма, могло быть бесконечным, но смысла в нем было мало. Лучше бы такой автобиограф исчез с лица земли – Андронов предпочитал смерть невступлению в партийные ряды.

Чтобы быть достойными партии, студенты из интеллигенции должны были показать, что они преодолели то, что считалось их характерными чертами, – эгоизм, гордость и отчужденность. Это преодоление было тем более необходимо, когда индивидуализм кандидатов из интеллигенции принимал политическую форму солидарности с одним из анархических течений, которые пытались превзойти большевиков в радикализме. Исключенный в 1922 году из партии за самоуправство и недисциплинированность, Бунтарь Н. Ф., студент Ленинградского государственного университета, – яркий пример этого.

Родившись в 1902 году в деревне Ярунино Тверской губернии, Бунтарь, несмотря на свое бедное крестьянское происхождение, стал служащим. Он признался, что потеря классовых корней произошла в очень юные годы. Ранняя смерть его отца и последующий переезд матери в Петербург, где она нашла работу прислугой, деклассировали детей: младшая сестра автобиографа стала горничной, а Бунтарь был отправлен в городское начальное училище. Отказавшись от сельскохозяйственной работы и не сумев стать промышленным рабочим, он потерял свой социальный компас и вступил на путь распутного времяпрепровождения городских отбросов общества. По окончании начального городского училища был устроен учиться в Высшее начальное училище. «Школьная учительница [в ответ] на доводы матери о том, что нет средств учить дальше, взяла меня к себе... у нее в шкафах было много брошюр социалистического толка, и я с жадностью прочел некоторые из них».

Бунтарь не мог оторваться от среды, и судьба его была предопределена – он пошел по интеллигентской стезе. Оставшаяся часть заявления-автобиографии была посвящена размышлениям о роли интеллигенции в партии – вопрос, который имел прямое отношение к автобиографу, так как он предпочел учебу военной карьере: «Вы отказали мне в приеме в среду рабочей партии, мотивируя это... исключительно тем, что я не рабочий, а интеллигент, а партия держит курс исключительно на рабочих от станка. Прежде всего, разрешите довести до вашего сведения, что себя интеллигентом в полном смысле слова я не только не считаю, но и считать не могу до тех пор, пока я не окончил университет и не получил возможности исполнять квалифицированную работу работника умственного труда. В случае моего ухода или исключения из университета я должен буду пойти на фабрику или на завод. <...> Пока я в университете и его не окончил, я не работник умственного труда, а интеллигентный чернорабочий».

«Какую роль играет эта наша собственная интеллигенция и какими опасностями обставлена ее рабфаковская и вузовская колыбель? – мог прочитать Бунтарь у своего наркома просвещения. – Нет сомнения, что опасность велика. Во-первых, бросается в глаза сразу, без дальнейшего анализа, что в самом термине рабоче-крестьянской интеллигенции сказывается некоторое внутреннее противоречие. В самом деле, поскольку мы скажем о рабоче-крестьянской интеллигенции, все обстоит как будто благополучно. Как же рабочему классу не вырабатывать своего авангарда? Но если скажешь: рабоче-крестьянская интеллигенция, то вы внесите как будто фальшь. Выходит, что мы из общей массы трудовых элементов выделяем новую интеллигенцию, она отрывается от станка и начинает жить, как жила старая интеллигенция. А ведь бытие определяет сознание. Если сравним, как живет новый студент, то увидим, что его жизнь похожа на жизнь прежнего студента. Второе – очень легко и нечувствительно для себя можно соскользнуть к „привилегиям“. Быть организатором – это лучше оплачиваться, иметь лучшую долю быта, иметь долю власти. <...> От этого предостерегал нас Ленин, он торопился сломать этот новый бюрократизм, но тем не менее существования этой опасности мы отрицать не можем. Ясно, что нужны большие противоядия. Для того, чтобы уравновесить академические знания нового подрастающего интеллигента, подрастающего элемента партийной работой, общественной деятельностью, надо постараться, чтобы как можно более неразрывных крепких нитей привязывало этого интеллигента к массе»⁴²⁰.

⁴²⁰ Судьбы современной интеллигенции: Доклад А. В. Луначарского. С. 26–27.

Если бы Бунтарь был интеллигентом в старом понимании или интеллигентом-вырожденцем, он бы остался канцелярским работником в Красной армии. Единственной причиной его демобилизации было «нежелание стать военным специалистом в мирные времена», желание осуществить смычку с рабочим классом. Автобиограф обратился к основному значению понятия «интеллигенция»: «Если же отбросить определение интеллигента по роли его участия в производстве, то личное умственное развитие не может быть позорным с точки зрения пролетарской этики, а наоборот похвально. Рабочая революция не может победить, пока каждый рабочий не будет достаточно развит для того, чтобы быть руководителем общественного производства». Чтобы стать хорошим революционером, рабочий должен был развивать свое сознание, и в этом он зависел от интеллигенции. Бунтарь напоминал, что массовая критика интеллигенции и ее духовных ценностей называется «махаевщина» – синдикалистская ересь, осуждаемая партией на всех возможных языках. Согласно Бунтарю, рабочая интеллигенция должна быть так скомплектована, чтобы обеспечить пролетарскую победу в борьбе за умы: «В переходный период... интеллигенты, по умственному развитию вышедшие из низов, в случае если они в то же время коммунисты по мысли и духу, особенно ценны и не менее ценны, чем рабочие от станка, потому что они являются необходимым дополнением к ним. <...> Партия должна учитывать тяжесть ненормальности экономических условий жизни рабочих... что рабочий, под влиянием этой тяжести, легко бывает подвержен отклонениям в сторону от коммунистической мысли и что только живая, не шаблонная агитация способна в такие минуты оживить рабочую среду и заставить их мыслить по-рабочему».

Бунтарь не отрицал наличия характерной для каждого класса системы мышления. Но все дело в том, настаивал он, что иногда, при необходимых обстоятельствах, отдельные личности могут испытывать влияние чуждых установок. Без помощи со стороны новой интеллигенции рабочие, которые испытывали жизненные или производственные трудности, присущие НЭПу, могли поддаться мелкобуржуазным соблазнам. Автобиограф считал, что только бдительная и истинно революционная интеллигенция может разоблачить лживых проповедников, которые пытались сбить рабочих с правильного пути: «Рабочий сравнительно малоразвитый, а на фабрике и заводе особенно развитые рабочие коммунисты все-таки не часты, не может поднять духа и не бывает неуязвимым для критики какого-нибудь хорошо развитого меньшевика, втершегося на завод ради агитации. Здесь необходимо присутствие интеллигенции из рабочих, и тогда не надо излишней траты энергии ГПУ, возможно допустить некоторую свободу слова, что также нужно для оживления рабочей политической мысли».

В общем, однако, Бунтарь считал, что политические свободы должны быть ограничены, так как многие рабочие все еще были недостаточно сознательными, чтобы одержать верх в политических дебатах с меньшевиками. Но эта ситуация должна была измениться с ростом истинной рабочей интеллигенции. «Нам необходимо, чтобы кадры интеллигенции были натренированы идеологически на определенный манер, – читал Бунтарь у Бухарина. – Да, мы будем штамповать интеллигентов, будем вырабатывать их, как на фабрике»⁴²¹.

Незаметно автобиография Бунтаря превратилась в развернутую апологию новой интеллигенции. Автор был непреклонен в том, что те, кто старался выдворить его из партии, преднамеренно погубили ростки будущего: «Партия не могла и не может держать курс исключительно на рабочих от станка и хочет ограничить доступ в РКП никудышной интеллигенции, мыслящей не по-рабочему. Смешение с подобного рода интеллигентами... меня оскорбляет. Оскорбляет еще более, потому что та интеллигенция скорее нащупывает лазейки в партию, чем интеллигенция рабочая, считающая унизительным искать себе лазейки, а не пути». Ссылаясь на то, что он не имеет отношения к старой интеллигенции, но является членом новой, которая полностью принадлежит советскому политическому строю, Бунтарь пытался превра-

⁴²¹ Там же. С. 39.

тить слабость интеллигента в источник силы. Заключение его автобиографии «Мне кажется, что как интеллигенту... по-рабочему мыслящему, двери партии должны быть мне открыты» должно было послужить девизом для тех, кто верил в преодоление классовых различий в коммунистическом обществе⁴²².

Большевики утверждали, что в переходный период от капитализма к социализму в корне преобразовывалась социальная сущность интеллигенции. Формирование новой интеллигенции, которая была бы тесно связана с рабочим классом и трудовым крестьянством, считалось важной составной частью культурной революции первого десятилетия советской власти. Интеллигенция высвободилась от буржуазных и мелкобуржуазных взглядов и навыков, перевоспитывалась в духе социализма и превращалась в социальный слой, интересы которого неотделимы от интересов пролетариата. На все лады перепевались слова Ленина, опубликованные в 1924 году: «...среди рабочих растет страстное стремление к знанию и к социализму, среди рабочих выделяются настоящие герои, которые... находят в себе столько характера и силы воли, чтобы учиться, учиться и учиться и вырабатывать из себя сознательных социал-демократов, „рабочую интеллигенцию“»⁴²³. Сохранившиеся существенные различия между новой интеллигенцией и другими социальными группами понимались как различия по роли в общественной организации труда, по характеру и содержанию трудовой деятельности, но не как классовый антагонизм. В связи с научно-технической революцией и расширением масштабов применения умственного труда предполагалось, что роль интеллигенции будет только повышаться.

В материалах Ленинградского института инженеров путей сообщения можно найти письмо Кириенко, «студента-музыканта» из Владимирской губернии, описавшего свои надежды в этом отношении. «Я считаю, что вышел из среды бедных рабочих, из самой бедной семьи, которую только можно представить. Горжусь тем, что мой отец, каким бы его теперь ни считали [стал кустарем и, следовательно, мещанином] был в свое время честным пролетарием». В 1922 году появилось желание получить квалификацию транспортного инженера «на благо трудового народа». Автобиограф ставил себе целью «убедить и заслужить от трудового народа их доверенности»: «Мы, новое поколение, не стремимся отойти от рабочей массы, а наоборот, стремимся сблизиться и быть товарищами. Стремимся к новой жизни и работать рука об руку с ними, чтобы между нами не было преграды – бюрократизма, чтобы инженер отличался от рабочего только своими знаниями, а идеология у них должна быть одинакова. Трудным путем, тернистым, но мы, а в частности я, добьемся этого. Я добьюсь, что рабочий на нового спеца будет смотреть не как на белоручку-бюрократа, а как на своего товарища-пролетария». Кириенко не видел себя вне партии и считал большевиков партией, «излагающей основной интерес рабочего класса», «авангардом этого класса». Интересно, что в этой формулировке РКП скорее походила на партию рабочей интеллигенции, чем на партию самих рабочих⁴²⁴.

Партия считала делом принципа не исключать на основании классового происхождения не только интеллигенцию, но и вообще кого-либо. Студенческие автобиографии, написанные «чуждыми элементами», высвечивают некоторые сценарии, которые даже им давали возможность стать достойными коммунистического братства⁴²⁵. Например, когда обнаружилось, что семья коммуниста Бермана С. З. владела большим домом в Чите, и райком аннулировал решение партячейки Томского технологического института о его принятии в партию, Берман попросил уделить внимание той части его жизни, за которую он сам нес непосредственную

⁴²² ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 1. Д. 126. Л. 73–77.

⁴²³ Ленин В. И. Попятное направление в русской социал-демократии // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 4. М.: Политгиздат, 1967. С. 269.

⁴²⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 1085. Оп. 1. Д. 26. Л. 240.

⁴²⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 1. Д. 249. Л. 5.

ответственность. Не скрывая, что его родители были мещанами, автобиограф указывал, что с семнадцати лет он работал «учителем, а затем экспедитором по заготовке скота». Важнее, что политическое развитие Бермана проходило в пролетарском духе. Заключенный в тюрьму Колчаком, Берман описал шесть месяцев, проведенных в «белой тюрьме», как опыт обращения.

Члены партячейки были удовлетворены. «Когда Берман просил рекомендации у меня, и я спросил, какого он происхождения, он сказал „сын торговца“, – указывалось в одном рекомендательном письме. – По своему происхождению надо бы [Бермана гнать вон], но видя его четырехлетнее пребывание с положительной стороны, беру на себя ответственность и рекомендую в члены РКП(б)». Только два члена ячейки (из 89) выступили против Бермана, объяснив свою позицию тем, что «не знают его как личность, и он чужд по социальному положению», и его кандидатура была одобрена⁴²⁶.

Когда Бухарева С. А., студентка Томского технологического института, подала заявление в ту же партячейку, что и Берман, она также посчитала свое происхождение из семьи служителей культа серьезным препятствием (1925 г.). Хотя секретарь университетской комсомольской организации засвидетельствовал, что Бухарева – сознательный член комсомола, некий Дервягин перечеркнул его слова, заявив, что она, состоя в комсомоле, оставалась до 1922 года в семье отца-священника, «не порывала с ним связи»: «Эти три года в комсомоле и проживания с отцом в одной квартире можно вычеркнуть из комсомольского стажа». Нашлись убедительные доказательства, что Бухарева поборолла влияние своего социального происхождения, и ее приняли в кандидаты партии⁴²⁷.

Настаивая на том, что начали жизнь с революцией, студенты практиковали публичные «отказы» от родителей. Гумерову Л. А., студенту Коммунистического университета народов Востока, инкриминировалось, что он, сын муэдзина, «не изжил мещанской идеологии». Ему посоветовали «отложиться родства»⁴²⁸. А вот история чуть ли не лишеньки Тумашевой О. из Томска. На эту студентку донесли, что родители ее имеют скот и четырех работников-батраков. «До сих пор у Тумашевой имеется связь с родными, не только письменная, но и посылки [получает]. Отец – крупнейший эксплуататор... Поехав домой и видя, что у отца есть рабы... она ничего не предпринимала, хотя она и говорила, что она их лечила, [но] она могла их лечить из простого чувства сострадания, или как рабочую силу отца». На «личном допросе» Тумашева доказала, что со своими буржуазными корнями порвала бесповоротно. Оказалось, что «ей пришлось окончить гимназию, и то при поддержке дяди, которого она выдала и которого расстреляли за контрреволюционное выступление». Тумашева вступила в политработу в городе Павлодаре, где была принята в РКП(б). «С тех пор всякие связи с дядей порваны, а также с отцом. Была связь с матерью, но чисто органическая, т. е. психическая». Последний раз была дома в 1923 году летом, где прожила две недели.

Тумашеву товарищи защитили – она вела достаточно скромный образ жизни. «У многих коммунистов жены блистают в золоте, однако их не сдают в МОПР⁴²⁹. Если чистить, то много у нас есть таких похуже Тумашевой»⁴³⁰.

При обсуждении заявления Попова Ф. в партячейку Томского технологического института его спросили, имеет ли он связь с матерью-буржуйкой. «В год два письма и больше ничего», то есть на политическое сознание сына она влияния не имела, как и мать Тумашевой на свою дочь⁴³¹.

⁴²⁶ ЦДНИТО. Ф. 320. Оп. 1. Д. 7. Л. 17.

⁴²⁷ ЦДНИТО. Ф. 115. Оп. 2. Д. 7. Л. 42.

⁴²⁸ РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 2. Д. 13. Л. 115.

⁴²⁹ Международная организация помощи борцам революции, созданная в 1922 году решением IV конгресса Коминтерна.

⁴³⁰ ЦДНИТО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 370. Л. 54.

⁴³¹ Там же. Д. 1065. Л. 5.

Похожим образом обстояли дела у Станкевича Владимира Ильича, «из духовного звания». У этого студента из Смоленска отношения с отцом были «натянуты», и, поверив ему на слово, ячейка проголосовала за сохранение его партбилета⁴³². И другие юноши, которые легко могли очутиться в рядах лишенцев, находили дорогу в партию. Из автобиографии Раленченко Якова Прокофьевича, тоже из Смоленского политехнического института, следовало, что его отец – «бывший жандарм». В анкетах Раленченко об этом не писал потому, что он «уже 11 лет как оставил эту должность». После отец Раленченко стал заниматься пчеловодством.

– Какого убеждения отец и [каковы] взаимоотношения с сыном?

– Убеждения толстовского. Отношения хорошие, потому что отец добрый.

Раленченко уверял, что хотел вступить в партию «дабы быть активным гражданином», и ячейка признала, что клеймить человека «бесчестным именем» только за звание отца «не следует»⁴³³.

Даже юнкера старой армии – а тут уже подозревалась реакционная убежденность – иногда умудрялись найти путь к большевизму. Студентов из Смоленска настораживало, что Масленников Дмитрий Денисович не принимал участия в Октябрьской революции, находясь в Ораниенбаумской военной школе. «Можно сказать, что школа не выступала, – защищался он во время чистки 1921 года. – В это время каждый устраивался лично, как мог». По всей видимости, солдаты 3-го запасного полка атаковали школу, но Масленников «лично избиениям не подвергался». В скором времени стало понятно почему: в Мстиславле он сформировал карательную роту и красноармейцами «был избран Председателем ротного товарищеского суда». Несмотря на революционные заслуги, к Масленникову необходимо было «отнестись очень и очень осторожно, так как будучи юнкером в Ораниенбаумской военной школе, не мог не выступать для подавления Октябрьской Революции. Помнится, что юнкерские школы были двинуты на подавление Октябрьской Революции к Петрограду»⁴³⁴.

Но и в этом, крайне подозрительном случае ничего не решалось априори. Студенческие автобиографии обсуждались конкретно, и шанс защитить искренность отказа от старой жизни и обращения в большевика был у всех.

Ветерана Гражданской войны Горелова И. М. в 1925 году не приняли в Коммунистический университет им. Свердлова – слишком уж буржуазным было его социальное происхождение. В своем протесте Горелов напоминал, что пролетарий определяется личными заслугами перед партией, а не родословной: «Я безусым 18-летним мальчишкой с беззаветной преданностью добровольно бросился защищать завоевания революции, меня никто не гнал, – писал он. – ...Нужно было во имя партии и революции производить массовые расстрелы – расстреливал. Нужно было сжигать целые деревни на Украине и в Тамбовской губ. – сжигал, аж свистело. Нужно было вести в бой разутых и раздетых красноармейцев – вел, когда уговорами, а когда и под дулом нагана»⁴³⁵.

Партия никогда не отождествляла моральное торжество революции с интересами одного-единственного класса. Большевизму был присущ универсализм: любой мог встать на пролетарскую точку зрения и распознать смысл истории. Классовая принадлежность и моральная чистота не всегда шли рука об руку. Партия знала рабочих, которые не доросли до пролетарского сознания. Знала она и дворянских сыновей, и даже поповичей, отдавших жизнь за Ленина и Троцкого. Буржуазные корни могли быть преодолены, сыновья и дочери чуждых классов получали партийные билеты. Однако универсализм большевиков бесследно испа-

⁴³² ВКР. 326. 13.

⁴³³ Ibid.

⁴³⁴ ВКР. 326. 19.

⁴³⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 68. Д. 153. Л. 11.

рялся, как только разговор заходил о тех, кто сознательно сделал неправильный выбор, вступил не в ту партию. Этим последним спасти было гораздо труднее – не зря их называли «социал-предателями».

Глава 3

Лавры и тернии

Большевики надеялись, что с созданием коммунистической системы все граждане страны станут сознательными пролетариями. Считалось, что крестьяне, новая интеллигенция и рабочие объединятся в одно бесклассовое общество. Это должно было случиться после того, как исчезнут различия между умственным и физическим трудом (то есть интеллигенцией и рабочим классом), так же как между сельскохозяйственным и промышленным трудом (то есть крестьянством и рабочим классом). В 1920-х годах крестьянские, интеллигентские и другие «мелкобуржуазные» самоидентификации были приемлемы, так как большевики воспринимали их как последствия НЭПа. Мост между «непролетарской» структурой разума и коммунистическим сознанием был заложен. Коммунистическая партия принимала в свои ряды тех, кто в собственном личном развитии пересек этот мост и чье сознание достигло пролетарского универсализма.

Однако тенденция на включение в партию социально чуждых элементов, перестроивших свое сознание, давала сбой, столкнувшись с политически неблагонадежными. К выходцам из других партий большевики проявляли крайнюю недоверчивость. Оно и понятно: политическая индифферентность классифицировалась как ошибка. Как правило, такой человек был политически неграмотным, он не знал о коммунистической «благой вести». Надо было подождать, пока он научится политграмоте, идеологически подкуется. А вот случаи союза с «соглашательскими партиями» в прошлом считались тяжкими политическими преступлениями. Ведь эти партии, несмотря на их революционную программу, препятствовали победе пролетариата и делали это вполне сознательно.

К 1922 году социалисты, обратившиеся в большевизм за последние годы, составляли 5,7 % членов РКП(б). Бюро партячеек было обязано регулярно рапортовать в губком, указывая точное количество товарищей, являющихся «выходцами»⁴³⁶. Партбюро ЛГУ, например, представило в 1923 году такой перечень: из сионистских партий – 4; из меньшевиков – 11; из левых эсеров – 6; из правых эсеров – 5; из Бунда – 8; из американских социалистов – 2⁴³⁷. Расклад среди коммунистов вузовской ячейки Иркутского округа на 1928 год был чуть более обобщающим: из РСДРП/меньшевиков – 18; из социал-революционеров —19; из Бунда —20; из прочих – 21⁴³⁸.

Было бы преувеличением говорить, что в процессе обсуждения биографических подробностей того или иного индивидуума большевики в качестве основания своего отношения к бывшему меньшевику, эсеру или бундовцу использовали только зафиксированную в документах идеологию этих партий или политическую историю их взаимоотношений с РКП в период революции. Как показывают документы, аргументы типа «Анархисты в 1918 году выступали против Ленина» действительно были весомыми – тем более их много в протоколах чисток вузовских ячеек, студенты которых (не говоря уже о преподавателях) на порядок лучше любого рядового коммуниста должны были знать подробности взаимоотношений ПСР и РКП, Бунда и украинских анархистов из НАБАТа. Зачастую – в привязке к конкретному месяцу, а не году и к конкретному уезду: свидетельства о том, как вел себя тот или иной «чистящийся» в 1918 году где-то в дальнем углу Сибири, всегда ценились очень высоко – и многим они стоили партийного билета. Но гораздо чаще разбор автобиографического нарратива производился на основе не столько того, что считалось политическими фактами о других партиях, соперничавших и

⁴³⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 1085. Оп. 1. Д. 30. Л. 15.

⁴³⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 1. Д. 12. Л. 31.

⁴³⁸ ГАНО. Ф. П-6. Оп. 4. Д. 22. Л. 756.

союзничавших с большевиками в различных эпизодах революции, сколько того, что имеет смысл назвать «партийным воображением», – того набора стереотипов о конкретной партии, который сложился на основании ее собственной революционной мифологии, о ее образе действий, о ее социальной базе, о характере ее пропаганды. Чистки 1920-х годов очень часто скатывались к дискуссии внутри самих «чистящих» о том, что вообще свойственно, например, анархистам, каков на деле «анархистский дух», какие черты индивидуальных характеров могут сильнее проявляться в меньшевистском или эсеровском коллективе.

Стереотипы в отношении анархистов, эсеров и меньшевиков для нас очень ценны. В первую очередь именно их изучение дает нам возможность понимать смысл внутрибольшевистских категорий, применявшихся членами РКП к себе: почти невозможно судить, что такое «большевистская выдержанность» или «твердость», если не видеть, что она стандартно противопоставляется анархистскому «презрению к дисциплине» или «меньшевистской мягкотелости». Но есть и другая сторона: наш материал позволяет хотя бы в общих чертах восстановить тот способ, каким этот набор стереотипов о других партиях совмещался с партийными программами, с персоналиями и вождями. И то, что в каком-то смысле мы можем видеть эту картину только глазами большевика, – преимущество, а не недостаток. Попытки «объективного» взгляда на любую партию, участвовавшую в революции, при изучении советской субъектности, а тем более в ранней постреволюционной России, бессмысленны – мы в настоящем не являемся частью тогда существовавшей палитры типов политического сознания. У нас нет и не может быть способа картографировать восприятие, например, Бунда иначе, чем посмотреть на то, как бундовца воспринимал условный меньшевик, кадет, боротьбист и анархист-синдикалист. Смотреть на эти партии глазами какого-нибудь политизированного ума – значит понять, кем был тот, чьей оптикой мы пользуемся. Поскольку мы имеем дело в основном с большевистской герменевтикой, мы в конечном счете изучаем «взгляд большевика», чтобы понять, как и почему действовали большевики.

И здесь мы почти сразу столкнемся с тем, что, по крайней мере для большевиков, манера думать и вести себя партий-попутчиков и партий-соперников была зачастую трудноуловимой и являлась предметом внутренних споров и противоречивых оценок среди коммунистов. Их не волновало обычно, что думали эсеры о Марксе или как Бунд отнесся к какой-нибудь Эрфуртской программе (и поэтому конкретный объект чистки мог считаться ненадежным, опасным субъектом, даже если он придерживался правильной доктрины). Большевики судили о том, анархист перед ними или нет, не столько по бумажкам, сколько по принципу «похож он или не похож на анархиста». Если человек говорил: «Мне важнее всего свобода», – и все время критиковал начальство, его признавали за анархиста. А вот если человек имел партбилет анархистской партии, но был суров, выдержан и расстреливал мешочников в 1919 году в Могилеве, потому что они душили Петроград, то он, в общем-то, не такой уж был и анархист. Этот герменевтический принцип большевики обозначали как «видеть суть». Отчасти это была их реакция на хаос революции, смешение стилей и постоянное заимствование (мимикрию) политических сил друг у друга всего на свете – от лозунгов до принципов организации.

Большевики судили коллег по революционному движению именно по «стилю», тактическим особенностям, достаточно часто просто по отношению того или иного движения к легальности организованного насилия и к его возможной и допустимой роли в историческом процессе. Меньшевики считались «мягкотелыми», потому что отрицали полную обоснованность и целесообразность революционного террора и вооруженного противостояния. Напротив, анархисты считались «неуправляемыми», поскольку были склонны к отрицанию идей диктатуры пролетариата. Нагромождение таких толкований членами РКП могло быть в отдельных случаях непомерным, иногда документы показывают, как из таких тезисов формировались целые сложные объяснительные конструкции. Но в этих нагромождениях стереотипов важнее всего была большевистская интуиция, родная сестра «пролетарского чутья». Как будет пока-

зано ниже, нередко ключевым моментом герменевтики являлось озарение: студент считался, скажем, похожим на меньшевика, поскольку он выглядел как меньшевик и у него просматривался меньшевистский характер. В свою очередь, такая оценочная логика указывала на то, что существовал природный характер и темперамент, типичный для большевика, во многом определяемый происхождением, но больше – личной историей обращения и духовного роста. Цена вопроса была предельно велика. Марксистская историософия и марксистская социология предполагали, что построение будущего коммунистического общества есть общественный процесс, в котором нынешние социалистические партии будут превращаться в единство людей, уже не обладающих отдельным политическим сознанием, а имеющих сознание коммунистическое – ровно то, что должен иметь идеальный коммунист уже сейчас. Сроков наступления коммунизма не знал никто, поэтому нынешний бывший эсер или бывший меньшевик, претендовавший на партбилет РКП или уже имевший его, обязан был считаться частью будущего царства коммунизма наряду с теми, кто еще не родился. Совокупность всех «историй большевиков» в настоящем и будущем в сущности и была историческим процессом.

По большому счету присутствие «бывших» в партийных рядах воспринималось как аномалия. В каком-то смысле вызов был нарратологическим. Жизненные истории бывших членов «согласительских группировок» подрывали сценарий коммунистического обращения. Считалось, что студенты, принадлежавшие к этой категории, только симулировали идеологическую невинность. На самом деле они уже были «приобщены к политике», и этот акт инициации совершили не большевики, а другая политическая организация. Подозревалось сознательное решение присоединиться к конкурирующей партии. Большевистская печать противопоставляла два типа интеллигенции, вливавшейся в партию: из меньшевиков либо эсеров и политически неискушенных. Первые характеризовались как «зрелые», уже наделенные развитым политическим сознанием. Вторые были «сырой материал», и им легче было утверждать, что они пришли к коммунизму постепенно, осознавая правду пролетариата со временем⁴³⁹. И те и другие раз за разом проходили проверку на соответствие их образа мыслей, всей их жизни, выраженной в автобиографии, партийному этосу. Проблема виделась не столько в предшествовавших вступлению в РКП политических идентичностях самих по себе, сколько в чертах характера, которые эти идентичности воспитывали. Причем амбивалентность этих черт признавалась самими «чистильщиками».

Так, анархизм прививал тягу к бунту, но желание бросать вызов авторитетам и представителям власти необязательно шло вразрез с членством в коммунистической партии. Бывший анархист мог направить унаследованное от предыдущей политической идентичности бунтарство в полезное большевизму русло. К примеру, он мог стать незаменимым борцом с подхалимством перед высшим советским чиновничеством и иерархическим бюрократизмом в партии. Для этого ему всего лишь требовалось доказать на примере собственной автобиографии, что в определенный момент стихийное возмущение стало чуждым ему, что он осознал, что бороться с пережитками авторитаризма в социалистической России можно, лишь подчинив свой горячий характер партийной дисциплине. Постепенно бывший анархист превращался в непримиримого большевика.

С бывшими эсерами ситуация во многом была сходна. Однако эсеровское бунтарство проистекало из ошибочной доктрины, на определенном историческом этапе прямо предписывавшей членам этой партии выступить против большевистского правительства. Желание защищать беднейшее крестьянство, которым была так знаменита партия социалистов-революционеров, разумеется, могло пойти на пользу нэповской России, где поддержание смычки между городом и деревней было насущнейшей задачей РКП. Проблема была в том, что в период Граж-

⁴³⁹ Попов Н. О социальном составе РКП(б) и о Ленинском призыве. С. 310–311; Большевик, подпольщик, боевик: Воспоминания И. П. Павлова / под ред. О. А. Пруцковой. М.: ЦГИ Принт, 2015. С. 17.

данской войны отсутствие понимания необходимости подчинить интересы крестьян выживанию рабочего государства вкупе с мелкобуржуазными демократическими иллюзиями толкнуло многих эсеров на путь крестьянского восстания и открытой контрреволюции. Поскольку в случае с эсерами имело место не стихийное, а сознательное бунтарство, покоящееся на ложных политических принципах, бывший член этой партии должен был своей биографией доказать верность государству Советов. Если это удавалось, то, без сомнения, самоотверженность бывшего эсера также могла сослужить большевикам службу и в мирное время.

Меньшевики в своем политическом развитии, по мнению их бывших товарищей по РСДРП, безусловно, стояли на ступень выше эсеров. Последние были осколком ушедшего XIX века, сторонниками отжившей неонароднической доктрины. Однако свет нового марксистского завета, целительный для бывших эсеров, в случае меньшевиков оборачивался смертоносным ядом. Политическая ошибка, которую нес меньшевизм, заключалась в избыточном доктринерстве, неспособности почувствовать тот свежий ветер истории, который давно развеял песочные замки абстрактных теорий, так долго и так безуспешно отстаивавшихся меньшевиками. Бывшие члены этой партии оступились по причине отсутствия осознания того, что большевистская теория отражала движение жизни, в то время как их собственная перестала говорить на языке масс. Раз за разом, дискуссия за дискуссией, до самого 1917 года большевики давали шанс своим заблуждавшимся товарищам осознать собственную неправоту. Эта комбинация высокой теоретической подкованности и массы возможностей для исправления предьявляла к бывшим меньшевикам в РКП особенно высокие требования. Автобиограф был обязан знать конкретный пункт разногласий и ясно описать, как он наконец воссоединился с историей. Полное осознание своих ошибок в случае бывшего меньшевика означало, что из оторванного от жизни интеллигента он превращался в подкованного во всех аспектах марксизма теоретика. Для коммунистической партии, перед которой в начале 1920-х годов стояла колоссальная задача воспитания молодых коммунистов, он был незаменимым кадром. Кто, как не раскаявшийся меньшевик, знал обо всех опасностях, стоящих на пути усвоения марксистской доктрины, кто, как не он, мог объяснить во всех тонкостях последние ее достижения простым рабочим и крестьянам?

Но проблемы со всеми бывшими членами других социалистических партий могли заключаться не только в психологическом впечатке, который оставляли на них ошибочные политические убеждения. Никто не состоял в партии, большевистской или другой, в одиночку. Политическая организация была средой общения, устойчивых связей, которые ее член поддерживал с товарищами, и если в отношении сформированного политически чуждым опытом характера большевики могли проявить терпимость, то отречение от связей с не принявшими новое учение требовалось полное. Поскольку обретение большевистской сознательности мыслилось как ключевой водораздел в биографии каждого члена РКП, сочувствие к бывшим товарищам означало неокончателное духовное преображение. Такой вступивший в партию только прикидывался осознавшим конечную истину большевизма, на деле же оставался прежним и, возможно, скрывающим недобрые намерения в отношении советской власти.

С точки зрения партийного аппарата, автобиографии бывших политических оппонентов были подозрительны и требовали тщательной и многоэтапной проверки. Но были исключения – они касались членства в левых партийных группах, которые присоединились к РКП(б) во время Гражданской войны. Меньшевики-интернационалисты, боротьбисты, эсеры-максималисты, революционные коммунисты и некоторые анархистские группировки пользовались привилегиями в приеме. Переход давался им относительно легко, поскольку по своим взглядам и тактике они немногим отличались от РКП.

Эта легкость перехода свидетельствовала о большем, чем просто формальное согласие с положениями политической тактики партии. Большевики никогда не довольствовались формальностями. Дело было в том, что все перечисленные радикально левые группы прошли с

большевиками один и тот же исторический путь, все время сражались в одних рядах. Иными словами, речь шла не о простом согласии, а о единстве коллективных биографических траекторий. Всех перечисленных с большевиками уже объединяло совместное переживание одного нарратива. Именно поэтому, читая заявления о вступлении крайне левых в большевистскую партию, поражаешься тому, что переход в РКП они описывают не как драматическое событие, перевернувшее всю их жизнь, а как сухую констатацию факта. Вступление для них было закономерным шагом, следствием движения по единому для них и для большевиков пути.

В то время как прием выходцев из соглашательских партий требовал чуть ли не одобрения ЦК, партийный устав был снисходительным к своим предтечам. Структура автобиографического нарратива была вписана в устав партии и определяла его – иначе нельзя объяснить, откуда такая терпимость к представителям одних социалистических партий и подозрительность к другим. Тот же устав РКП(б) четко оговаривал, что в случае с выходцами из мелкобуржуазных партий социальное положение не следовало принимать в расчет.

Такие кандидаты должны были говорить не о классовом происхождении, а о своем партийном прошлом и делать это подробно и напрямую, касаясь всех перипетий революционных лет. В своих автобиографиях им необходимо было изображать прежние политические воззрения как «идеологическую распутицу», из которой они в конце концов сумели выкарабкаться. Если же кандидат шагнул ногой в ногу с большевиками, вместе защищал общее дело, не щадя себя, то не было смысла подозревать в нем наличие внутренней воли, противоположной партийной. Он не требовал перековки, был подготовлен к вступлению всем ходом своей жизни. По сути он уже давно пережил становление большевика, и от присоединения к РКП его отделяло не иное понимание истории, а лишь отсутствие партбилета.

О мотивах своего решения перейти к большевикам анархист Цыганков А. писал: «Находясь на фронте и работая вместе с тов<арищами> коммунистами, я убедился, что только партия коммунистов-большевиков ведет по правильному пути трудящиеся массы к торжеству светлого социализма и окончательной победе труда над капиталом»⁴⁴⁰. Мало чем отличалось заявление Полякова А. В.: «Состоя действительным членом партии революционных коммунистов и вместе с тем работая в течение более полугода совместно с членами РКП на Урале и в Сибири, я убедился [в] нецелесообразности ведения политики партии Р<еволюционного> К<оммунизма> и потому выхожу из числа ее членов с твердым намерением перейти в ряды РКП»⁴⁴¹.

Членство в добровольно распустившихся партиях считалось предвосхищением коммунистической деятельности, а не конкуренцией с ней. Чем ближе тактика партии к большевистской, тем выше шансы ее выходца сохранить партийный стаж при вступлении в РКП⁴⁴². Объединившись с большевиками уже осенью 1919 года, «меньшевики-интернационалисты» полностью доказали свою преданность коммунизму. Соответственно, циркуляр ЦК РКП от 30 декабря указывал, что их прием «в наши ряды» может происходить через простую замену билета «интернационалиста» билетом большевика. Это нужно было сделать до 1 февраля 1920 года; позже просить о приеме можно было только «на общих условиях». После объединения с левой группой Украинской социал-демократической рабочей партии («незалежные») в 1919 году левое крыло Украинской партии социалистов-революционеров, назвавшее себя Украинская коммунистическая партия (боротьбистов), тоже было в почете. Хотя они и выступали с теорией «украинской революции» и «украинского коммунизма», боротьбисты признавали социалистический характер Октябрьской революции и диктатуру пролетариата. 20 марта 1920

⁴⁴⁰ Советская Сибирь. 1919. 6 декабря.

⁴⁴¹ Советская Сибирь. 1920. 28 января.

⁴⁴² Shapiro L. The Communist Party of the Soviet Union. London: Random House. P. 180–181; Известия ЦК РКП(б). 1920. 18 сентября; Известия ЦК РКП(б). 1920. 24 октября; ЦГАИПД СПб. Ф. 408. Оп. 1. Д. 1179. Л. 133–134.

года Всеукраинская конференция боротьбистов приняла решение о самороспуске УКП(б) и слиянии с КП(б) Украины путем индивидуального приема членов. Из примерно 15 000 человек в ряды партии большевиков вступило около 4000; боротьбистов принимали в РКП без вопросов⁴⁴³.

В марте 1920 года произошел перелом и в воззрениях максималистов. Проанализировав программу и тактику Союза эсеров-максималистов, члены этой группы пришли к выводу, что ходом революции идеология народничества изжита, РКП(б) с ее марксистской идеологией должна объединить все социалистические элементы и «только диктатура пролетариата, руководимая Коммунистической партией, способна довести революцию до полного торжества социализма». «Для наибольшего использования своих сил в деле социальной революции» было решено выйти из Союза максималистов и вступить в РКП(б)⁴⁴⁴. Условия приема эсеров-максималистов были чуть более строгими. Хотя и они могли стать членами РКП более или менее автоматически, но партийный стаж им засчитывался только после октября 1917 года. Большевики считали, что максималисты пришли к правильной политической позиции только во время Гражданской войны; до захвата власти большевиками они были ближе к обыкновенным эсерам⁴⁴⁵.

Принимались во внимание и революционные коммунисты, отколовшиеся от левых эсеров после поражения мятежа в июле 1918 года. Уже в феврале 1920 года Омская группа подняла вопрос о необходимости вхождения в РКП(б) на основании того, что программно-тактические разногласия между партиями стерлись и дальнейшее существование ПРК нецелесообразно и даже вредно для развития революции. Омичи содействовали созыву всероссийского съезда ЦК ПРК, который объявил в Москве в мае 1920 года о самороспуске партии и настоял на приеме революционных коммунистов в местные организации большевиков, засчитывая им партстаж со времени вступления в ПРК. Революционные коммунисты создали тройки, которые передали учетные материалы на своих членов большевистским организациям: членские списки, номера парткарточек и подробные автобиографии, включая компрометирующую информацию, а также список вычищенных из партии.

1. Бунд

С Бундом ситуация была сложнее. «Всеобщий еврейский трудовой союз в России и Польше» был основан в Вильно 7 октября 1897 года. Бунд стремился объединить всех еврейских рабочих в Российской империи в единую социалистическую партию, а также вступить в союз с более широким российским социал-демократическим движением для построения демократической и социалистической России. Видя себя как пролетарскую организацию, Бунд избегал любой автоматической солидарности с евреями среднего и высшего классов и в целом отвергал политическое сотрудничество с еврейскими группами, придерживавшимися религиозных или сионистских взглядов. В основе видения будущего Бунда лежала идея о том, что нет противоречия между национальным аспектом, с одной стороны, и социалистическим аспектом, с другой. Несмотря на интернационалистическую направленность, Бунд участвовал в национальном движении евреев, боролся против дискриминации и организовывал союзы еврейской самообороны. Большевикам не устраивало, что вожди Бунда требовали персональной культурной автономии для еврейской нации со школами на идише, это расценивалось как национализм.

⁴⁴³ РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 1. Д. 3. Л. 7.

⁴⁴⁴ Советская Сибирь. 1920. 4 апреля.

⁴⁴⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. 501. Оп. 1. Д. 1.

До 1920 года, пока шла борьба за «низы местечка», ЦК продолжал рекомендовать «не блокироваться с Бундом»⁴⁴⁶. Но когда на 12-й конференции 12–19 апреля 1920 года в Гомеле Бунд провозгласил, что «единый социалистический фронт» с принципиальными противниками советской власти, разграничивающими пролетариат и его правительство, невозможен, что настал момент, когда Бунд может отказаться от официальных оппозиционных взглядов и взять на себя ответственность за политику советского правительства, Коминтерн предложил изжить отчужденность и враждебность между парторганизациями. Соглашаясь с предложением исполкома Коминтерна, чрезвычайная всероссийская конференция Бунда, работавшая в Минске 5–11 марта 1921 года, отметила:

1. Весь Бунд проникнут твердой волей сомкнуть ряды всего еврейского коммунистического пролетариата под знаменем той партии, программа и тактика которой является программой и тактикой Бунда, партии, которую каждый член Бунда считает руководительницей мировой революции, партии, с которой мы все теснее и теснее сплывались в соименной борьбе и совместном строительстве, – Российской коммунистической партии. <...> 4. <...> б) При создавшихся условиях, при той позиции, которую в данном вопросе занимает РКП, дальнейшее самостоятельное существование Бунда вне рамок РКП или привело бы его объективно, помимо его воли, к необходимости вести открытую борьбу с РКП, которая в процессе своего развития могла сгруппировать вокруг себя недовольные, не совсем коммунистические, националистически настроенные элементы еврейского рабочего класса или, при стремлении избежать какой бы то ни было борьбы с РКП, умертвило бы его политическую активность, парализовало бы его влияние на рабочие массы, превратило бы его в замкнутый кружок и тем самым лишило бы его возможности исполнять свой коммунистический долг по отношению к еврейским массам, как в Советской России, так и в других странах. в) Как трудны и неблагоприятны ни были бы условия еврейской коммунистической работы вне организационных форм, предложенных Бундом, – эта работа может вестись с успехом только в том случае, если она целиком входит в общий единый план деятельности единственной носительницы Советской власти в России – Российской коммунистической партии.

Руководство Бунда призвало всех членов партии объединиться вокруг решения о вхождении в РКП,

чтобы вновь объединенный авангард еврейского пролетариата мог рука об руку со всем коммунистическим пролетариатом в повседневной напряженной работе и проведении общих и еврейских коммунистических задач фактически построить в РКП наиболее широкие формы своей самостоятельности и своего влияния на еврейские трудовые массы, а также содействовать тому, чтобы эти формы как можно скорее нашли себе открытое признание в рядах РКП.

Отвечая взаимностью, 24 марта 1921 года Секретариат ЦК РКП предложил всем местным организациям РКП немедленно принять в свой состав членов местных организаций Бунда и «приложить все старания к тому, чтобы в дружной организационной работе возможно скорее изжить ту отчужденность, а иногда и некоторую враждебность, которые естественно сложились

⁴⁴⁶ Известия ЦК РКП(б). 1920. 11 ноября.

в результате отдельного организационного существования»⁴⁴⁷. Для проведения объединения в жизнь в центре и на местах создавались центральные и местные комиссии, в составе которых было по одному представителю от ЦК или местных комитетов Бунда и по одному от ЦБ или местных бюро евсекций. Все члены Бунда автоматически принимались в члены РКП путем предоставления в комиссию местной организации Бунда списков членов с заполненными анкетами, зарегистрированных в ней к моменту объединения. Всем членам Бунда партийный стаж исчислялся с апреля 1920 года, причем в партийную книжку заносился предыдущий партийный и революционный стаж. Члены Бунда, пропустившие указанный срок, лишались права на автоматический прием к РКП, им не зачислялся прежний стаж, они принимались на общих основаниях, указанных в Уставе РКП. В Белоруссии один бундовец был включен в Центральное бюро КП(б)Б, а два бундовца – в районные комитеты КП(б)Б⁴⁴⁸.

В то же время репутация бундовцев все-таки была несколько подмочена из-за опасения, что выходцы из еврейских партийных организаций имели свои, более узкие ожидания от советской власти, направленные на улучшение положения евреев. Надо быть «осторожным в подходе к Бунду, так как, в смысле революционного стажа, это старая организация», отмечал Матвей Шкирятов из Центральной контрольной комиссии в 1922 году. Предлагались следующие критерии: насколько бывший бундовец «был деятелен в своей тогдашней партии до вступления в нашу партию, насколько деятельное участие он принимал, вступивши в нашу господствующую партию: работает ли он только как советский работник или же участвует в революционной работе по воспитанию масс»⁴⁴⁹.

Заявления бундовцев о вступлении в РКП(б) поступали в начале 1920-х годов в массовом порядке. Например, невзирая на то, что Хана Сашанова была в партиях Бунда и «Камфер-банда», ее приняли в Петроградский комвуз на основании отхода от программы Бунда в годы Гражданской войны и влечения к большевизму⁴⁵⁰. Автобиография Гирша Росина уверяла, что он попал в Бунд в 1915 году «по бессознательности» и что «там пробыл несколько месяцев, после вступления в ряды царской армии порвал связь». Наверное, не случайно «в эпоху отступления царской армии» читатель находит Росина «во фракции окопников против „бунда“». Последовал короткий рецидив – «после демобилизации опять связался», но в 1919 году автобиограф наконец «официально порвал» с Бундом и в 1924 году уже считался в комвузе примерным коммунистом⁴⁵¹. Отзыв о его однокурснике по Ленинградскому комвузу учителе еврейского языка Давиде Когане был уже менее лестный. Характеристика включала «особое примечание»: «Пребывание с 1905 года в Бунде оставило на Когане очень отрицательные черты, как-то индивидуализм и прочие». Мешало также «многолетнее изучение талмуда», считавшееся способствующим только механическому заучиванию наизусть определенных текстов, а не формированию навыков широкого мышления⁴⁵². Дескать, не столь важно, заучивал ли Коган религиозные тексты, речи Цицерона или таблицу логарифмов, важно, что не овладевал диалектикой.

Показательна автобиография 1921 года студента Смоленского политехнического института Трейваса Льва Александровича. Автор делал все возможное, чтобы свести на нет отличия Бунда от большевизма: Бунд, по его сценарию, являлся не чем иным, как еврейским предшественником большевизма⁴⁵³. Трейвас был беден, хотя и жил в мелкобуржуазном местечке. «Я родился в семье небогатых родителей в Ковенской губернии, – так начиналась его авто-

⁴⁴⁷ Бунд: Документы и материалы. 1894–1921 гг. / под ред. Ю. Н. Амиантова. М.: РОССПЭН, 2010. С. 1175–1179.

⁴⁴⁸ Там же. С. 1178–1179; Правда. 1921. 1 апреля; Справочник партработника: Вып. 2. М.: Политиздат, 1922. С. 109–110.

⁴⁴⁹ Одиннадцатый съезд РКП(б). С. 374.

⁴⁵⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. 197. Оп. 1. Д. 115. Л. 106.

⁴⁵¹ Там же. Д. 108. Л. 11.

⁴⁵² Там же. Д. 107. Л. 9 об.

⁴⁵³ ВКР. 326. 42.

биография. – Нужда выгнала к тому времени отца из дому, и он эмигрировал в Лондон, где ему удалось после длительной безработицы найти работу на одной из фабрик в качестве простого рабочего. Но болезнь матери заставила его вернуться на родину. При полном отсутствии каких-либо занятий и источников существования родители при помощи каких-то родственников открыли лавку».

Тут семья обнаружила некоторые меркантильные чаяния. Однако нарратив Трейваса использует воздействие капитализма на его родную область: «Жизнь в местечке стала развиваться: открылась фабрика-мастерская по выделке валенок. Местечко, недавно патриархальное, стало промышленным». Пускай фабрика по производству валенок – это чуть усовершенствованный централизованной паровой машиной ручной труд, при этом артельного устройства. Пускай это даже не был армейский заказ – валенки для армии производились в других краях. Но автобиографу важно было подчеркнуть, что «к 1905 г. местечко имело значительное рабочее население». Развернувшаяся классовая борьба сформировала сознание Трейваса: в западных районах Российской империи Бунд призывал к более демократической политической системе и обеспечению равных прав для евреев. Еврейские революционеры ориентировались на крайние формы борьбы – всеобщую стачку и вооруженное восстание. Трейвас пережил обращение: «Революция 1905–6 гг., несмотря на мой детский возраст (мне было тогда лет 8), оставила во мне глубокое впечатление. Старший брат мой, состоявший тогда в Бунде, был всецело поглощен революционным движением. Мне лично, ребенку еще тогда, пришлось переживать немало страшных моментов, как, например, полицейские облавы, бесконечные обыски, арест брата, наконец, подавление в конце 1905 г. летучего отряда какой-то карательной экспедицией. Драгуны того отряда разграбили нашу квартиру и на моих глазах били отца моего за то, что не выдавал моего брата, скрывавшегося тогда. Я видел, например, как солдаты били прикладами рабочих на площади после разгрома демонстрации, как проводили на навозных телегах в цепях закованных революционеров, бегство брата за границу и еще многое. Все это без сомнения врезалось глубоко в мою детскую память и воспитало меня в духе недовольства существующим строем – революционизировало меня».

Весь этот пассаж уникален: редкая автобиография описывала приход к чему-то иному, нежели большевизму. Стань Трейвас революционером до 1903 года, его превращение в бундовца не выглядело бы странным. Но обращение произошло уже после возникновения ленинской партии, и рассказчика могли упрекнуть в неправильном политическом выборе.

Будучи осмотрительным, Трейвас не вдавался в подробности ни своего вступления в Бунд, ни специфики своей деятельности в нем. Вместо этого он обсуждает революционную атмосферу своей юности вообще, игнорируя различия между Бундом и большевизмом. «С малых лет я интересовался политикой. Газетами позже стал зачитываться, запрещенной социалистической литературой, которую я заставлял у рабочего-переплетчика, некоего тов. Сегала, старого революционера. Книжки уцелели от зорких глаз жандармов и полиции благодаря его, переплетчика, находчивости: он ухитрился вклеивать в начале каждой книжки передние листы псалтыря или молитвенника, или других богословских книг». Трейвас притязал на обладание четким революционным сознанием чуть ли не с детства. Вообще, в избегании самого простого и убедительного тезиса – в местечке невозможно было вступить в РСДРП, там никакой ячейки социалистов-демократов не было, вариантов было два: или Бунд, или сионисты – проявлялась его нарратологическая стратегия: нельзя обижать большевиков указанием на их немассовость до 1905 года и незначительное проникновение в национальные общины, пусть даже и пролетарские.

Вот как он описывает свою встречу с еврейским образованием: «Учиться я был отдан шести лет в школу „хедер“, где меня любили в первые годы обучения за мои способности и прилежание и ненавидели в последующие за критику отошедшего в вечность всего старинного, включая и „хедер“ с главой его – так называемого „ребе“». Хедер представлял собой своеобраз-

ную начальную школу, которая располагалась на дому у меламеда (учителя). Главное внимание в ней уделяли не общеобразовательным предметам: письму, чтению, счету, а еврейским традиционным знаниям. Борьба с хедером была частью атеистической кампании в стране Советов. Во время религиозных праздников проводились антирелигиозные демонстрации комсомольской молодежи с факелами, флагами, транспарантами и оркестром, читались лекции по атеизму. Всего за несколько месяцев до того, как Трейвас сел за написание своей автобиографии, Наркомпрос потребовал, чтобы хедеры были немедленно закрыты. Власти стали проводить на местах «антихедерные» митинги; в Бобруйске большевики вывели на демонстрацию малолетних детей – учащихся хедеров, в Витебске инсценировали публичный суд над хедером⁴⁵⁴.

Еще подростком Трейвас преодолел религиозные предрассудки, желал учиться по-настоящему. «Первую светскую грамоту я получил в еврейском народном училище и сельском одноклассном училище, окончив то и другое». Государственные школы для еврейских детей были учреждены «в духе, противном нынешнему талмудическому учению». Особенностью этих школ было изучение наряду с общеобразовательными предметами традиционных еврейских дисциплин. Сельское же одноклассное училище научило Трейваса читать на русском и приобщило его к универсальным ценностям – без этого он бы не стал революционером. Родители хотели развивать мальчика далее, поместить его в реальное училище, где уклон давался в сторону точных наук. Увы, «несостоятельность» сделала это невозможным. Для автобиографа начались «невыносимые» годы, «одинокая жизнь без средств к существованию». «Так продолжается до начала империалистической войны 1914 года».

Уже в нежном возрасте Трейвас смотрел на милитаризм косо. Если один из ветеранов войны Н. Бубнов, автобиография которого анализировалась выше, критиковал Первую мировую только задним числом, оглядываясь на нее из 1920-х, а другой рассмотренный нами ветеран Ф. Анфалов разочаровался в ней, попав в царскую армию, Трейвас осудил войну сразу, едва она началась. Единственному из троих, кто вовремя принял позицию пораженцев, считавших, что истинному пролетарию нечего участвовать в империалистической бойне, ему хватило духа уклониться от царской службы. В каком-то смысле этим он искупал приверженность Бунду в юности: несмотря на то что этот факт вызывал подозрения в оппортунизме, Трейвас мог, основываясь на своей фундаментальной посылке, что у Бунда и большевизма одна и та же суть, позиционировать себя как протобольшевика.

Далее следовало перечисление классических вех революционной жизни. Вместо того чтобы воевать, Трейвас вступил в подпольную политическую организацию и начал подрывать устои царизма. «Убедившись в беседах со мною в моих взглядах и революционном настроении моем, тов. Сегал доверил мне тайну, что в Оникштах имеется небольшой конспиративный кружок из нескольких товарищей, рабочих, активных революционеров 1905 г. Через несколько дней (это было в начале 1915 года) я был втянут в кружок. С энтузиазмом я принялся за работу в кружке, состоявшей в обучении политической грамоте втягиваемых в кружок одиночками рабочих. К весне 1915 г. наш кружок вырос в целую организацию. К тому времени мы уже связались с организацией уездного города Вилькомира. Собирались мы зимою по вечерам по пятницам, на краю городка, в лачужке одной бедной крестьянки, где при завешенном окошке при свете свечи обсуждали наши вопросы; с наступлением весны мы перенесли наши собрания за город в лес, где мы собирались по субботам и устраивали читки. За короткое сравнительно время нашей работы мы провели 2 экономические забастовки и 1 политическую стачку 18 апреля по случаю 1 мая по новому стилю. [После стачки] нам недолго уже пришлось работать. При аресте одного из главарей Вилькомирской организации, тов. Янкеля (должен заметить, что очень немногих товарищей я помню по фамилии, так как мы знали друг друга и называ-

⁴⁵⁴ Локшин А. «Гражданская война кончилась – борьба против хедеров началась»: Судьба еврейского религиозного образования в Советской России (1917–1930) // Лехаим. 2005. № 10. С. 162.

лись по именам) у него было найдено письмо нашей организации, писанное между прочим, моей рукой, в котором мы запрашивали, как нам поступить первого мая, будут ли присланы прокламации, какую форму придать забастовке, прибудет ли товарищ из Вильны к 1 мая, и тому подобные вопросы. Письмо было написано мною, но написал я не свою фамилию, а имя другого товарища, Гарбера, которого знали лично вилкомерские товарищи, и по оплошности я написал также и его фамилию. Последствия сказались быстро: через пару дней было произведено на нас много арестов среди рабочих, из которых многие были непричастны к нашей организации».

Трейвас уже считался «из рабочих». Он стал важным активистом, хотя и местного масштаба. Жандармы гонялись за ним повсюду. «Пошли массовые обыски, главным образом искали автора письма». Надо было уехать. Автобиограф сделал все, чтобы выдать себя за интернационалиста, но теперь надо было вернуться к более узкой еврейской теме. Началось выдворение евреев из пограничной полосы, Трейвас «с массой выселенцев направился в свой родной городок, куда хлынула большая волна переселенцев». «Я тогда отдался всецело работе по оказанию помощи выселенцам». Образование Еврейского комитета помощи жертвам войны в 1914 году было вызвано появлением с первых же дней войны огромного числа евреев, бежавших из зоны военных действий. Их количество резко возросло в результате антиеврейских мероприятий верховного командования, достигших апогея в акции по изгнанию около двухсот тысяч евреев из Ковенской и Курляндской губерний весной 1915 года. Эти акции вызвали хаос в торговой и экономической жизни края. Города опустели, торговля замерла, фабрики простаивали, население страдало от дороговизны. Военные власти позволили изгнанникам вернуться в свои дома, но при этом они должны были выделить заложников из равнинов и богатых евреев – с предупреждением, что в случае измены со стороны еврейского населения заложники будут повешены. Евреи отказывались возвращаться на этих позорных условиях, и высланные из города Вилкомира написали главнокомандующему: «Мы оскорблены в наших патриотических чувствах и не согласны выделить заложников, сыновья и братья которых сражаются за честь и славу России»⁴⁵⁵. «В июне того же 1915 г., – гласила автобиография Трейваса, – отступавшие казаки разграбили нас и выгнали всех евреев в течение 30 минут (был опубликован такой приказ коменданта) из местечка, откуда мы ушли пешком». «Родители с младшими детьми уехали как беженцы в Могилев», но революционер Трейвас не мог себе этого позволить. Он принял особые полномочия при Еврейском комитете помощи жертвам войны и стал оказывать содействие «проходящим и проезжающим беженцам и переселенцам».

Неясно, преследовали ли Трейваса как революционера, как еврея или как дезертира, но автобиограф описывал себя и своих соратников-бундовцев как мучеников. Избавление пришло вместе с Февральской революцией, которую он пережил «в маленьком городке». После свержения царизма Трейвас, уже заметный пропагандист, учредил бундовскую организацию среди беженцев и солдат. «Работал я тогда под руководством тогдашнего председателя Воронежской организации Бунда тов. Ошеровича И. Т.» – делегата X конференции Бунда, которая состоялась в Петрограде 1–6 апреля 1917 года. «Ныне, – подчеркивал автобиограф, – [Ошерович] член главного бюро еврейской секции при Центральном бюро Коммунистической партии Белоруссии» (иными словами, бундовец, который стал видным коммунистом).

В 1917 году Бунд поддержал Временное правительство, отменившее все законы и распоряжения, ограничивавшие евреев в правах, был категорически против установки Ленина на развязывание «социалистической революции» – автобиография умалчивала эти детали. Не писал Трейвас и о том, что после Февральской революции Бунд стал частью меньшевистской партии, что в июле многие его сообщники участвовали в создании Белорусской

⁴⁵⁵ Кандель Ф. Евреи России. Времена и события. История евреев Российской империи / под ред. М. Кипниса. М.: Мосты культуры, 2002. С. 819.

рады. Да и в целом история Бунда и еврейского движения в Могилеве и в Белоруссии была настолько сложной, что упростить ее таким образом можно, только сознательно лукавя и опуская важнейшие подробности. Уверая, что еврейский вопрос будет сразу и навсегда решен в результате свержения самодержавия, большевики критиковали начинания в пользу еврейской автономии, инкриминировали Бунду национализм. На обвинение в национализме шефы Трейваса отвечали: наша организация не националистическая, а национальная. Общая программа РСДРП, которую они признавали, должна была, по их мнению, быть дополнена собственной национальной программой. Какое-то время в окружении Трейваса поддерживали программу национально-культурной автономии, согласно которой из ведения центральной государственной власти изымались функции, касавшиеся культуры евреев, и передавались учреждениям, избранным еврейским населением.

Об Октябрьской революции Трейвас писал мимоходом. Она застала его все в той же местности, за теми же делами. Автор текста не придал этому событию обычного значения катарсиса: для политически сознательной личности революции 1917 года были, без сомнения, долгождан-ными и радостными, но они не могли стать преображающими событиями. Все было ясно уже давно. Когда большевики захватили власть, Бунд осудил было создание однопартийного правительства из одних большевиков, но затем поддержал военный отпор погромщикам и белогвардейцам. Когда в ходе войны войска Деникина начали приближаться к Москве, Бунд объявил мобилизацию своих членов в Красную армию. Трейвас ушел в строй, воевал на Южном и на Польском фронтах, не ударил лицом в грязь.

В глазах автобиографа Бунд и большевики всегда придерживались одинаковых идеалов, и первый сохранял свою организационную независимость лишь потому, что это позволяло успешнее осуществлять задачу обращения еврейского населения в коммунизм. Пропаганда Бунда приспособилась к условиям еврейской черты оседлости, основывались революционные газеты, выходившие на идише, и т. д.⁴⁵⁶ Воронежская организация Бунда, членом которой Трейвас состоял, «мобилизовала» его для этих целей. Затем центральный комитет Бунда «передал» его политуправлению Западного фронта, чтобы вести агитацию среди красноармейцев. В скором времени наш герой оказался на должности секретаря президиума бундовского комитета в Смоленске – еще до формального «слияния» Бунда с РКП. В этом качестве он поддержал большевизацию своей организации, а во время раскола Бунда в 1920 году примкнул к Комбунду.

Наконец, автобиограф мимоходом упомянул, что в декабре 1920 года уже проходил по «объединенному списку РКП и „Бунда“» делегатом на 1-й съезд частей и учреждений полевых управлений Западного фронта. Это обстоятельство излагалось исключительно кратко, дабы подчеркнуть, что для Трейваса это было ничем не примечательное событие. Любая другая трактовка сработала бы против рассказчика, высветив перемену в его партийной принадлежности и превратив его в «бывшего». Давая понять, что изменение в названии партии, членом которой он являлся, не имеет значения, Трейвас придерживался своей имплицитной посылки, что Бунд – это предшественник партии большевиков. Решение влиться в РКП не проливало добавочного света на политическую сознательность бундовцев. Лишенный всякого идеологического или политического значения, это был прагматический шаг с их стороны, отражавший тактическую целесообразность упразднить обособление еврейского коммунизма.

Считалось, что бывшие бундовцы могли полностью исправиться. Растворившись в РКП(б), их исходная партия не предлагала никакой идеологической альтернативы коммунизму. Приход Трейваса четко вписывается в уже знакомую нам модель постепенного обращения, почти растворения в РКП. Трудно найти в его автобиографии момент сомнений, душев-

⁴⁵⁶ *Gitelman Z. Jewish Nationality and Soviet Politics: The Jewish Sections of the CSPU, 1917–1930. Princeton: Princeton University Press, 1972. P. 444–445.*

ной драмы. Не то чтобы жизнь Трейваса не была напряженной или событийной. Дитя своего времени, он раз за разом находил себя в гуще революционных событий. Эмоционально, однако, Трейвас оставался ровным. Как бундист, он медленно, но неуклонно приближался к истине и голос его ни разу не задрожал. Об анархисте, эсере или меньшевике такого не скажешь. Автобиографии приверженцев этих партий полны душевных скачков и метаморфоз, резких сердечных поворотов. Вовсе не ведя себя как младшие братья, эсеры и меньшевики спорили с большевиками, пытались перетянуть последних на свою сторону. Душевные струны протагонистов, которых мы встретим ниже, неустойчивы в своей фундаментальной структуре. Отсюда недоверчивость к ним большевиков: выходцы из партий социалистов-попутчиков считались ненадежными как идеологически, так и организационно.

2. Анархисты

То ли партия, то ли движение, анархисты были двойниками большевиков, но и их кошмаром. Большевикам нравился их радикализм, но безответственные призывы анархистов к воле, перетекающей в беспредел, настораживали. Определяя государство как инструмент в руках капитала, большевики находили, что власть в их руках может служить могучим средством в деле освобождения пролетариата. Поэтому они ратовали за пролетарское государство. Находя такое положение в корне ошибочным, анархисты считали, что власть всегда связана с эксплуатацией и порабощением народных масс. Государство и власть, по их мнению, отнимают у масс инициативу, убивают дух самостоятельности и воспитывают в них рабскую психологию подчинения, ожидания и надежды на верхи, на начальство. Все анархисты отрицали государство, но спорили о том, отменяется ли оно эволюционно (через создание синдикатов и коммун, которые постепенно охватывают все общество) или одномоментно (посредством восстания).

Считая невозможным в данный момент полное осуществление идеалов трудящихся – их независимость, свободу и равенство, большевики удерживали целый ряд институтов царизма и капиталистической системы: принцип государственного принуждения, наемничество, ограничение в правах и многое другое. Анархисты находили, что все это разворачивает революцию вспять, и отстаивали тотальную социальную революцию, развитие кооперативных форм хозяйства наперекор организации сверху вниз. Установленный большевиками в России режим диктатуры пролетариата, который должен был явиться переходной ступенью к полному коммунизму, в действительности привел, по мнению анархистов, к восстановлению классового неравенства.

Однако в такое принципиальное видение вещей анархисты постепенно начали вносить некоторые коррективы. Синдикалист А. Давыдов оценивал вклад анархизма в революцию следующим образом: «А) Первый период Октябрьской революции, то есть 1918–1920 гг., протекал под знаком раздувания революционного пламени по всему миру, в расчете на мировую победоносную революцию; этот период носил внешне характер социалистической революции, которая в действительности оказалась социалистической лишь в смысле аграрном. Б) В этот первый период анархисты-практики находились в двух различных лагерях. Одни считали момент вполне назревшим для анархической революции и группировались в „НАБАТЕ“ или в Гуляй-Поле, а другие находили большевизм максимумом исторических возможностей в России, работали вместе с коммунистами и никакой самостоятельной позиции не выявляли. Впрочем, нашлась еще третья категория анархистов, которая и Октябрьскую революцию считала преждевременной и, чтобы не очутиться в меньшевистско-эсеровском лагере, совсем ушла в сторону от событий». С точки зрения анархистов, поворотный пункт в истории Русской революции обозначился почти полным падением производства и распылением рабочего класса, «несостоятельностью системы огульной национализации производства и торговли», начавшимися восстаниями, «взрывом мелкобуржуазной стихии» и «ликвидацией гражданских фрон-

тов». Результатом всего этого было «уничтожение разверстки, отступление к государственному капитализму, раскрепощение частной инициативы, свобода торговли, то есть НЭП(О)». «Ближайшие последствия» Новой экономической политики носили смешанный характер:

- 1) экономические, политические, а возможно даже военные договоры и соглашения РСФСР с буржуазно-капиталистическими государствами;
- 2) признание буржуазной Европой принципа сосуществования государств старой формации с новым типом государства, представляющим переходную форму к государственному социализму;
- 3) возможность участия РСФСР в новых международных комбинациях, а следовательно, в новых возможных войнах;
- 4) зарождение нового торгово-промышленного класса буржуазии в России;
- 5) зарождение нового класса промышленного и торгового пролетариата;
- 6) ослабление интернационалистских и кристаллизация национальных идей.

Тактическая программа анархистов-синдикалистов предполагала среди прочего:

- 1) Признание Октябрьской революции и руководящего в ней положения коммунистической партии. <...>
- 3) Определение Октябрьской революции как социальной и аграрной, ставшей в русских условиях неизбежной стадией по пути к революции социальной.
- 4) Признание в советском государстве нового и могучего исторического фактора, воплощающего в себе идеалы среднего крестьянства и недоразвитого полукрестьянского рабочего класса. <...>
- 8) Признание необходимости строгого отмежевания от всех элементов революционной фразы и идейной путаницы, способных при современной международной конъюнктуре лить воду на мельницу контрреволюции; в особенности – отмежевания от прикрывающихся знаменем анархии буржуазно-демократических и реставрационных стремлений⁴⁵⁷.

«В борьбе между коммунистами-государственниками и либералами-демократами, буржуями, защитниками частного владения» другое ответвление анархизма – универсалисты – тоже были на стороне РКП(б), на стороне «коммунистов-государственников, уничтожающих частную собственность». В 1920 году кредо анархо-универсализма звучало следующим образом: «Анархо-универсализм отрицает классовое деление общества. <...> Анархо-универсализм утверждает мировое хозяйство без хозяев. Анархо-универсализм утверждает универсальное общежитие, космополитизм. <...> Анархо-универсализм провозглашает универсализацию территории, национализацию земель. <...> Анархо-универсализм означает мировое правление без правителей, самоуправление». Анархо-универсалисты совершенно отвергали «дезорганизаторские приемы борьбы, бунтарство, террор и частичную экспроприацию». В период нападения «защитников частного владения» они неуклонно стояли «за защиту революционной России от всяких покушений на нее со стороны капиталистов и их держав»⁴⁵⁸. «Креаторий Российских и Московских анархистов-биокосмистов» констатировал в декабре 1921 года: «Факт появления революционной Советской власти, непредвиденной историческим анархизмом, заставил приступить к пересмотру вопроса о власти и государстве вообще». В своем «общественном творчестве» анархисты-биокосмисты опирались на завоевания Октябрьской революции, «расчищая дорогу дальнейшему шествию революции и тем положительно способствуя закреплению и расширению уже достигнутых ею результатов»⁴⁵⁹.

⁴⁵⁷ Анархисты. Документы и материалы. 1883–1935 гг.: В 2 т. Т. 2: 1917–1935. М.: РОССПЭН, 1998. С. 381–383.

⁴⁵⁸ Анархисты. С. 383.

⁴⁵⁹ Известия ВЦИК Советов рабочих, крестьянских, казачьих, красноармейских депутатов и Московского Совета рабочих и красноармейских депутатов. 1922. № 3 (1442). С. 3.

По большей части анархисты начала 1920-х годов симпатизировали большевикам: те для них были наименее оппортунистическими сторонниками коммунизма, хотя и ошибочно считали, что для достижения цели нужно использовать государство. Исходя из этой логики, значительное меньшинство анархистов вступило в большевистские ряды. По данным партийной переписи 1922 года, в рядах РКП(б) насчитывалось 633 бывших анархиста. Многие из них заявляли, что ленинский коммунизм был непоследовательный, половинчатый анархизм. Вместе с тем сейчас было не время для таких разборок – экспроприацию экспроприаторов нужно было углублять совместными усилиями.

Отголоски этих настроений звучали не раз в Смоленском политехническом институте во время чистки 1921 года. В местной партийной ячейке было неординарно большое количество студентов с анархистским прошлым, все они попали в партию во время Гражданской войны, и все были кандидатами на исключение. Бывшие анархисты считались партийным бюро своеправными, инфантильно-радикальными, а главное – недисциплинированными, чурающимися партийного устава.

Кочуя между городом и деревней, анархист Кутузов Николай Афанасьевич (1899 года рождения) не мог стать большевиком в одночасье. Его отец был сыном дьякона. Отбыв «солдатчину», Кутузов-старший «попал на Брянский завод». После забастовки в 1905 году он был уволен, но через пару лет его «потянуло» обратно и «он опять поступил в сталелитейную мастерскую». Автор подчеркивал этими подробностями, что родился в инстинктивно пролетарской семье. Семена революционного сознания были посеяны, но жизнь сделала зигзаг – родители потянулись назад к деревне. «После смерти родственников остался в деревне дом с огородом. <...> С трудом обосновались, завели клячу и с утра до вечера, помогая лошаденке, пахали землю». Озвучивая народнический мотив, автобиограф писал о крестьянах, работающих наравне с животными. Отцу, «оставившему всю силу и здоровье на заводе», сельскохозяйственная работа оказалась не по силам, и он умер в 1918 году, что побудило Кутузова-младшего покинуть деревню и уехать в Архангельск. Там он «застрял», так как город захватили белые.

Сознание юного автобиографа тормозило. Пробравшись в революционный лагерь и вступив после долгих мытарств в Красную армию, Кутузов был уже в какой-то мере политизирован, но «долго колебался между политическими течениями»: «Своими мнениями я делился с товарищами и при встрече с коммунистами я устраивал отчаянный бой. Главным образом я не соглашался с политикой ревизионных отрядов, бесчинствами отдельных партийных личностей». А вот к анархизму испытывал явное притяжение: «Главным образом привлекала неограниченная свобода, воля индивидуума». Идеалом Кутузова в это время была анархия – общество, в котором не было никаких властей, никакого владычества человека над человеком. Свобода гарантировала полное и всестороннее развитие человека, без какого-либо внешнего ограничения. «Я брал брошюры анархического содержания, увлекался мыслями о будущем строе и обществе и вполне душой и телом отдавался этому высокому, светлому будущему», – писал автобиограф.

Кутузов признавал, что анархизм он впитал с «духом крестьянской воли». Манифест курской федерации анархических групп обращался к крестьянам: «Деревня! Не слушай приказов города, не подчиняйся центру. Устраивай коммуны! <...> Русский Народ! Кому, как не тебе, вынесшему на своих плечах всю тяжесть власти, кому, как не тебе, стремиться к солнцу безвластия! Обручись с пламенным гневом, ибо гнев есть начало свободы... Люди чернозема, люди плуга и вольной степи! Опояштесь бурей и сметите с лица земли всех, кто покушается на вашу свободу! Ваше время настало. <...> Творите Анархию!»⁴⁶⁰ Принципы анархизма были идейной базой нескольких крестьянских армий на юге и западе России, и на них намекает Кутузов, ссылаясь на свои деревенские корни.

⁴⁶⁰ Анархисты. С. 261–262.

Будучи в Москве, наш герой «слушал лекции анархистов при их клубе», возлагал большие надежды на «известного анархиста Поссе». Владимир Александрович Поссе на самом деле был заметной фигурой. Когда-то он учился в Санкт-Петербургском университете, но увлекся революцией и в связи с делом 1 марта 1887 года был исключен. Уехав за границу, Поссе консультировался с Лениным при их встречах в Женеве, используя свое бывшее знакомство с казненным народовольцем Александром Ульяновым, старшим братом большевистского вождя. После Февральской революции Поссе вернулся в Россию и весной 1917 года создал «Союз имущественного и трудового равенства». На Кутузова пропаганда Поссе впечатления не произвела – он распознал в ней весь эклектизм анархизма. «Кроме хороших, красивых фраз ничего не видел», – суммировал он услышанное. Разочарование в анархистских планах на общественное устройство толкнуло автобиографа «окончательно и бесповоротно» перебраться к большевикам. У Кутузова неоднократно спрашивали, что побудило его вступить в партию в апреле 1920 года. «Убеждение, – отвечал он. – Тактику партии знал, до вступления в партию был с уклоном к анархизму, что теперь изжито»⁴⁶¹.

19 мая 1920 года «Правда» опубликовала открытое письмо анархиста Я. Новомирского, мотивирующего свой переход в РКП, – политическая мысль Кутузова явно двигалась по тем же рельсам.

На одном публичном митинге один интеллигентный анархист мне задал вопрос: «Как вы могли войти в Коммунистическую партию? Я привык глубоко уважать вас как теоретика анархизма и хотел бы понять вас». Это было сказано искренно, и я обещал объясниться. Я вполне понимаю недоумение спросившего. <...> Он не понимает роли и значения РКП, и он не уяснил себе природы и эволюции анархизма. РКП не состоит из одних ангелов и гениев. Она делала ошибки, и очень досадные. Но, во-первых, она своих ошибок не скрывает и никого не уверяет в своей непогрешимости. И, во-вторых, ее ошибки были полезнее революции, чем безгрешная декларация анархистов, которая привела к такому прелестному бутону, как Махно, грабеж советской казны и взрыв в Леонтьевском переулке. РКП спасла революцию от Колчака, Деникина и Юденича. И теперь, разбив контрреволюцию, делает сверхчеловеческие усилия восстановить наше хозяйство. А что делают анархисты? Не стоит отвечать. <...> Во время социалистической революции нет, и не может быть, многих групп, а есть только две силы: одна стоит за революцию, другая – за контрреволюцию; одна – за пролетариат, другая – за буржуазию; одна за труд, другая – за капитал. Потому возможны теперь только две партии – Труда и Капитала. Такова железная логика. Что показала история последних лет? РКП – единственная политическая сила, беззаветно связавшая свою судьбу с судьбой рабочего класса, а все остальные партии путались между двумя лагерями, шатались и, конечно, падали в грязную и кровавую лужу контрреволюции. Поэтому Российская Коммунистическая Партия стала единственным и надежным убежищем для всякого честного революционера⁴⁶².

Знаком «принятия большевизма» в таких текстах являлось использование специфических партийных названий-маркеров: анархист 1920 года никогда не говорил бы о «грабеже советской казны» или «взрыве в Леонтьевском переулке», это определения большевистских газет, как и ниже упоминаемая «керенщина», – небольшие так не говорили. Освоение официальной лексики было важнейшим признаком обращения.

⁴⁶¹ ВКР. 326. 10.

⁴⁶² Правда. 1920. 19 мая.

Еще один выходец из смоленских анархистов Никифоров Иван Иванович родился годом раньше Кутузова (в 1898 году) в семье слесаря. Этот студент также затруднялся с выбором политического пути. Посланный «учиться на стипендию в Смоленскую гимназию», он проморгал революцию. «Эпоха Керенщины прошла мимо, не затронув меня вполне». Во время устного опроса Никифоров вдавался в некоторые подробности: «Керенского не любил за слабоволие и болтовню». Уважал коммунистов, но мало был знаком с их программой, «познакомиться с нею мешали скверные материальные условия». В 1917 году в разных городах возникли анархистские группы, такие как Союз анархо-синдикалистской пропаганды, Петроградская и Московская федерации анархистских групп. Перед Октябрем, вспоминал автобиограф, «судьба столкнула меня с кружком анархистов, где я начал знакомиться с литературой этой партии». Так как собственно «партии» как чего-то единого, объединяющего «всех анархистов», у анархического движения как таковой не было, перед нами очередной знак принятия неявной логики дискурса большевиков – если есть анархисты, то у них должна быть партия анархистов, издающая партийную прессу. Довольно-таки далекие друг от друга по программам, печатные издания анархистов «Анархия», «Буревестник», «Дело труда» выходили в то время большими тиражами, и там Никифоров читал высказанные на разные лады призывы идти в рабочее движение, создавать профсоюзы или фабрично-заводские комитеты, организовывать самоуправление в рамках предприятий.

В 1917 году анархисты лучше всего относились к большевикам: те для них были наименее оппортунистическими сторонниками коммунизма, хотя и считавшими, что для достижения цели нужно использовать государственное принуждение. Государство Советов виделось анархистам как самоуправление, похожее на федерацию производителей, о которой они так мечтали. «Будучи слегка знакомым с теорией социализма, я принял коммунизм как неизбежную форму общезжития, хотя и переходную в общемировом масштабе».

В видении анархистов социализм большевистского толка был лишь стадией на пути к анархии. «Мы говорим... что трудящиеся еще не освободились от гнета капитала, что революция еще далека от своей конечной цели, – утверждала в мае 1920 года листовка Группы анархистов. – Мы не протестуем против труда, так как только трудом будет создано всеобщее довольство. Но мы протестуем против принуждения! И напоминаем трудящимся о необходимости дальнейшего развития революции до ее конечной цели, то есть до полного освобождения трудящихся от ига капитала и власти»⁴⁶³. «Анархизм – это не программа, а мечта», – писал уже знакомый нам Новомирский. Но он прекрасно понимал: «Для того, чтобы анархизм стал живым учением, движущим людей в их практической повседневной работе, а не в часы поэтического досуга, нужны некоторые предварительные условия, а именно... организация общезжития, способного обеспечить каждому сносное существование... К такому обществу идет наша великая революция под руководством Российской Коммунистической партии»⁴⁶⁴. «Коммунизм – путь к анархизму», – объяснял свои прежние воззрения Никифоров.

Главное для анархиста было высвободить личность. «Самое наивысшее из всех благ есть свобода человеческой личности, – утверждали в 1917 году анархисты-коммунисты. – Эта свобода возможна только тогда, когда не будет никакой власти, законов и опеки демагогов и непрошенных „благодетелей“, которые бы могли налагать на личность цепи рабства. Вот идеал анархии»⁴⁶⁵. Московская федерация анархических групп обещала немедленно приступить к осуществлению главного принципа: «...Вольная личность в свободной коммуне... Революционеры, немедленно подавляйте... варварское угнетение личности!»⁴⁶⁶ М. Вольный развивал

⁴⁶³ Анархисты. С. 379.

⁴⁶⁴ Правда. 1920. 19 мая.

⁴⁶⁵ Анархисты. С. 25.

⁴⁶⁶ Анархия. 1917. 6 ноября.

эту мысль в 1918 году: сущность общего принципа анархизма – «осуществление максимума индивидуальной свободы личности». Вольный предлагал формулу: «Наибольшая степень максимума свободы личности достигается, когда данная свобода и в форме и в содержании соответствует индивидуальным особенностям личности, когда эта свобода субъективно оценивается с точки зрения специфических интересов и вкусов данного индивида»⁴⁶⁷.

Своевольный нрав Никифорова, его уважение к собственной личности объясняли, почему политическое крещение он получил именно у анархистов. «По душе, и мысленно, я подходил к этой партии. <...> Еще в гимназические годы ссорился за свои мысли с товарищами и воевал с администрацией, за что подвергался репрессиям. К тому же, у меня весьма крутой характер. Я всегда открыто шел к цели, не считался ни с какими препятствиями. Будучи прямым и искренним, я подходил всегда с доверием к людям и не любил и всегда восставал против величия». Революционное меньшинство, предписывающее свои желания народу, могло оказаться, по мнению Никифорова, столь же авторитарно, как и правящее меньшинство при царском режиме, и поэтому он держал большевиков в некотором подозрении.

Последовала полоса неопределенности. «В сентябре [1917 года] наш кружок распался, товарищи разошлись. <...> Я остался один». Поиск средств к существованию и безработица заставили автобиографа «уйти в самого себя». Его чуть не засосала среда, но Октябрьская революция разрядила обстановку. «Вихрь событий перевернул все общество. Но сильная воля большевиков прев<зошла> по силе слабую волю Керенского». «Рабочие и солдаты знают власть и действия этого Маленького Наполеона, – утверждали анархисты в июле 1917 года. – Знают его декларацию „бесправие солдата“ и „карательно-каторжные законы“. И, вопреки призыву Совета Рабочих и Солдатских Депутатов кончить эту братоубийственную бойню без всяких захватов, аннексий и контрибуций, Керенский, по желанию капиталистов, снова объявил войну...»⁴⁶⁸ Никифоров понял, что надо было делать, воспрял духом. «Борьба с буржуазией, открытая и беспощадная, нравилась мне». Автобиограф напомнил товарищам во время чистки 1921 года, что анархисты поддержали свержение Временного правительства и ленинский декрет о рабочем контроле выработывался вместе с ними, а вот то, что декрет этот затем был, по сути, положен под сукно, уже не упоминал, тогда как товарищи-анархисты на этот счет довольно-таки много беспокоились. В институте помнили, что в решающие дни 1917 года у большевиков и анархистов отношения ладились: анархистские газеты продавались у входа в Смольный, и этому никто не препятствовал.

В июле 1918 года Никифоров вступил добровольцем в 16-й Смоленский полк Красной армии – его готовность защищать революцию говорила о приятии им Октября. Он читал в анархистской прессе, что, когда на страну Советов нападала со всей своей силой «вооруженная до зубов буржуазия, готовая ежеминутно пустить в ход армию и флот, танки и газы, полицию и церковь, желтую печать и желтые профсоюзы, в такое время... совершенно недостойной со стороны анархистов тактикой является... критика Красной Армии как агрессивно-милитаристической силы...»⁴⁶⁹ Об упразднении милитаризма не могло быть и речи: «принимая далее во внимание, что С<оветская> Р<оссия> находится в состоянии обороняющейся от нападающих на нее хищников, контрреволюционеров, несущих ей монархию и частное владение», анархисты приветствовали победы, одерживаемые Красной армией, считали их «победами нового над старым, зарождающегося над отжившим»⁴⁷⁰. «В 1919... наша рота экстренно высылается против поляков, – вспоминал Никифоров. – Здесь я стал старшим гренадером роты. За три месяца

⁴⁶⁷ Анархия. 1918. 3 марта.

⁴⁶⁸ Анархисты. С. 55.

⁴⁶⁹ Правда. 1923. 7 сентября.

⁴⁷⁰ Анархисты. С. 383.

сражения нам приходилось вести непрерывную борьбу с польскими бандами»⁴⁷¹. Автобиограф заболел, вернулся домой в Смоленск, где по выздоровлении дослужился до секретаря военкома.

Официально Никифоров примкнул к большевикам «довольно поздно», 5 мая 1920 года. «Хотел раньше, но, будучи на фронте в боевой обстановке, говорить о партии не приходилось. Мне хотелось работать по поддержанию партии в борьбе с капитализмом, дабы не вернулась реакция. Как партия – она [РКП] левее всех других, а потому я вступил в нее».

Вскоре последовал рецидив. У всех на памяти еще был свеж Кронштадтский мятеж, всколыхнувший студентов, симпатизировавших анархизму. В первых числах марта 1921 года до Никифорова дошли известия, что на Якорной площади Кронштадта прошел митинг против «самодержавия коммунистов» под лозунгом «Власть Советам, а не партиям!». Известен в институте был текст обращения к Ленину с требованием обеспечить свободу слова, собраний и союзов, провести тайные выборы в Советы, упразднить комиссаров. «Мы, анархисты, приветствуем революционных кронштадтцев, свергших ярмо исполкомов и комиссаров, – гласило воззвание анархистов весны 1921 года. – <...> Рабочие и работницы. <...> Нынешняя власть, называющая себя рабочей, смотрит на вас как на трудовую машину, прикрепив к казенным профсоюзам. Принудительный труд – вот лозунг „рабочей“ власти. <...> Довольно слушать пустую болтовню казенных партийных агитаторов. Довольно сытых речей и господских угроз»⁴⁷². Окружающие интересовались у Никифорова, солидарен ли он с такими заявлениями. Его приятель, Бушинский Федор Евгеньевич, подался было в РКП, но события сильно его испугали: «Бушинский струсил, приходил спрашивать, как обстоят дела в Кронштадте и прочее... просил Никифорова сказать в ячейке, что его записали случайно и подал заявление случайно»⁴⁷³.

Бушинскому было на кого равняться. Целый ряд кронштадтских большевиков публично объявил о том, что совесть не позволяла оставаться в партии «палача Троцкого». Выборочные заявления о выходе из РКП публиковались в местных «Известиях». Хотя эти заявления вряд ли дошли до Смоленска, они выражали общий настрой Бушинского или, по крайней мере, партийное бюро подозревало его в этом. Так, военный командир Л. Королев писал в кронштадтскую газету: «Признавая создавшееся положение критическим от действия наглой кучки коммунистов, свивших себе прочное гнездо вверху коммунистической партии, и входя в партию коммунистов под давлением, как рядовой работник – я с ужасом смотрю на плоды дел их рук. Доведенную до разорения страну может восстановить только рабочий и крестьянин, которых партия коммунистов, как правящая, ощипала до последнего пера. Поэтому я выхожу из партии и отдаю свои знания на защиту трудовой массы»⁴⁷⁴. «Ввиду того, что в ответ на предложения тов. Кронштадтцев прислать делегатов из Петрограда, Троцкий и верхи коммунизма послали первые снаряды и тем пролили кровь, – прошу меня с сегодняшнего дня не считать членом Р. К. П., – вторил ему некий Андрей Браташев. – Речи коммунистических ораторов затуманили мне голову, но сегодняшний прием бюрократов-коммунистов освежил ее. <...> Благодарю бюрократов-коммунистов за то, что они открыли свое лицо и тем самым вывели меня из заблуждения. В их руках я был слепым орудием»⁴⁷⁵.

Преподаватель 2-й Трудшколы Кронштадта Т. Денисов отрекался от партии в своем крайне выразительном письме:

⁴⁷¹ ВКР. 326. 17.

⁴⁷² Анархисты. С. 415.

⁴⁷³ ВКР. 326. 8.

⁴⁷⁴ Известия Временного революционного комитета матросов, красноармейцев и рабочих гор. Кронштадта. 1921. 9 марта.

⁴⁷⁵ Там же.

<...> Широкий взмах просветительной волны, брошенный коммунизмом, классовая борьба трудящихся с эксплуататорами, Советское строительство вовлекло меня в партию коммунистов, кандидатом которой я состою с 1 февраля 1920 г. За время пребывания в партии предо мною открылся целый ряд существенных недочетов среди верхов партии, обрызгавших грязью красивую идею коммунизма. Среди последних отталкивающе действовали на массы бюрократизм, оторванность от масс, диктаторство, большое количество так назыв. «примазавшихся» карьеристов и т. п. Все эти явления порождали глубокую пропасть между массой и партией, превращая последнюю в бессильную организацию по борьбе с внутренней разрухой страны.

Настоящий момент открыл глаза на самое ужасное. Когда многотысячное население Кронштадта предъявило ряд справедливых требований к «защитникам интересов трудящихся», обюрократившиеся верхи Р. К. П. отвергли их и вместо свободного сговора с трудящимися г. Кронштадта открыли братоубийственный огонь по рабочим, морякам и красноармейцам революционного города. Мало того, метание бомб с аэропланов в беззащитных женщин и детей Кронштадта вплело еще один из новых шипов в венец коммунистической партии.

Не желая являться сторонником варварских поступков товарищей коммунистов, а также не разделяя тактики «верхов», вызвавших кровопролитие и большие бедствия народных масс, открыто заявляю перед Вр. Революционным Комитетом, что с момента первого выстрела по Кронштадту я не считаю себя более кандидатом Р. К. П., а всецело присоединяюсь к лозунгу, выдвинутому трудящимися Кронштадта: «Вся власть Советам, а не партиям!»⁴⁷⁶

В течение короткого времени Никифоров, очевидно, соболезнавал мятежникам, но из РКП не вышел. Вместе с тем даже после подавления восстания он оставался центром притяжения для критиков партийной иерархии. Узнав, что бюро комячейки собирается «выбросить» его из партии, он отказался сочинять новую автобиографию к чистке или оправдываться как-либо еще. «Это для меня было обидно, так как меня мало кто знает» – а вот вешать ярлыки умел всякий. Никифоров понимал, что в случае потери партбилета будет «выбит из определенной колеи и лишится возможности общественной деятельности». Но, уверял он, его выбор большевизма был принципиален: «Будучи исключен, я бы не изменил своим убеждениям, партийный билет еще не доказывает коммунистичность <так!> того или иного лица. Не задумывался о том, мог бы я после исключения добиваться зачисления снова. Партия сильна своей дисциплиной. Не будь ее – ничего бы не было, так смотрю я на дисциплину»⁴⁷⁷.

В момент народных возмущений анархисты, усвоив абстрактную формулу «дух разрушения есть дух созидания», стремились к расширению и углублению «революционной стихии». Однако опыт Кронштадта убедил их, что побеждала та сила, которая была в состоянии овладеть революционной стихией, превратив последнюю в организованную энергию. Никифоров и его единомышленники признали принцип «суровой товарищеской дисциплины», направленной против распыленности и ложного индивидуализма⁴⁷⁸. Им стало ясно, что только сильная организация может творческой волей обуздать стихию и руководить революционным пролетариатом, отражая удары справа и не поддаваясь домогательствам темперамента слева.

⁴⁷⁶ Известия Временного революционного комитета матросов, красноармейцев и рабочих гор. Кронштадта. 1921. 12 марта.

⁴⁷⁷ ВКР. 326. 242–243.

⁴⁷⁸ Анархисты. С. 318.

Рядовые партийцы бросились на защиту прозревшего Никифорова: «Тов. Григорьев: Преступно было бы лиц с анархическим уклоном исключать из партии. Тов. Носырев: Никифоров – горький пролетарий, умеющий говорить прямо все в глаза. В нем, пожалуй, меньше анархического, чем бунтарского». В пику партийному бюро товарищи единогласно посчитали Никифорова «достойным членом партии»⁴⁷⁹.

А вот Редков Виктор Дмитриевич, наш третий и последний анархист из Смоленска, был исключен. Даже Никифоров признал, «что Редков не может быть коммунистом, потому что политически не созрел». Ходили слухи, что Редков участвовал в ноябре 1918 года в восстании крестьян Бельского уезда Смоленской губернии против политики продовольственной диктатуры, в результате которого по постановлению Бельской чрезвычайной комиссии было расстреляно 28 мятежников. «Чувствуя, что здесь все раскроют», – так гласила стенограмма, Редков «разоткровенничался».

Выступление [было] организовано крупными Бельскими помещиками, цель которых известна. Они говорили, что в центре советская власть давно пала, почта и телеграф закрыты и только поэтому нет известий об этом. <...> Меня это навело на размышления. Я пошел против советов с лозунгом «Долой все, что нас стесняет». <...> Строгого отчета в участии в восстании я себе не отдавал. <...> Я не виноват, потому что не поставил разницы, кто я и кто те, с кем пошел на восстание. <...> Немного утешает меня то, что мной на восстании не выпущено ни одной пули.

Автобиограф признавался, что избежал ареста благодаря тому, что успел скрыться из уезда. «Ни в одной анкете о своем участии в восстании не указывал».

Партию коммунистов Редков долгое время не понимал: «...не считал, что она станет правительственной, и не знал я разницы между другими партиями. <...> На партию и на программу раньше смотрел, как на две разные вещи – пишется одно, а делается другое. Лозунг „кто не с нами, тот против нас“ я понимал, что если я буду работать вместе с Советской властью, то останусь тем же бандитом, как и раньше».

Редков переродился и пришел в партию только лишь в 1920 году. «Раньше в ячейку РКП поступить не мог, ибо тогда много говорили о примазавшихся элементах контрреволюционного настроения: я имел за собой недоброе прошлое». К тому же автобиограф считал долгое время, что Октябрьская революция «не достигнет своей цели»: «Я так понимал тогда, что место царя теперь занял комиссар». «Понасажали комиссаров, которые на митингах идут явно не за полное завоевание рабочих, а за Учредительное собрание, – жаловались анархисты-коммунисты в 1918 году. – «Все комиссары ведут свою линию, занимаются развратом, пьянством и не стали даже бояться рабочего ока»⁴⁸⁰. Анархисты ставили себе задачу в октябре 1919 года «стереть с лица земли строй комиссародержавия и чрезвычайной охраны»: «Красноармейцы! Будьте наготове и по первому предложению Всероссийского Повстанческого Комитета революционных партизан откажитесь исполнять приказы своих комиссаров»⁴⁸¹. «Врагами трудового народа являются... советские комиссары, члены карательных отрядов, чрезвычайных комиссий, разъезжающие по городам и селам и истязующие трудовой народ», – кипятился Махно годом позже⁴⁸². «Мы не пойдем добиваться комиссарских привилегий, мы зовем вас на бунт, чтобы разогнать их и уничтожить все эти привилегии!» – подчеркивала Всероссийская организация анархистов подполья в августе 1919-го. Когда-то такие призывы нравились ему, но теперь Редков анархистов разлюбил, «с тактикой коммунистов согласен».

⁴⁷⁹ ВКР. 326. 17.

⁴⁸⁰ Анархия. 1918. 1 мая. С. 3.

⁴⁸¹ Анархисты. С. 374.

⁴⁸² Махно Н. И. Воспоминания. Материалы и документы / сост. В. Ф. Верстюк. Киев: Дзвін, 1991. С. 154–155.

Несмотря на свои заверения, автобиограф не умел себя держать правильно, путал анархизм с бандитизмом, только и умел повторять, что царя надо было убрать. Казалось бы, его революционному настрою было своеобразное доказательство: в революцию Редков купил револьвер системы Нагана. Сделал он это, однако, из самых тривиальных соображений – «потому что имел интерес к оружию... с детства обращаясь с револьвером отца». Правда, «во время Кронштадтских событий» он вырыл револьвер, «который зарыл в 1918 с тем, чтобы идти при случае подавлять мятеж». В то время как вокруг Редкова студенты бросали партбилеты, он намеревался участвовать в штурме форпоста мятежников. Лучшего доказательства политического роста, ухода из анархизма и искреннего сочувствия РКП найти было невозможно.

Такой жест, однако, сработал как бумеранг. «Редков не может быть коммунистом и, пожалуй, при первом случае обернет оружие на коммунистов», – сказал один «чистильщик». Другой уничижительно добавил, что «называя анархистом себя, постыдно бежал, значит, трус». У Редкова не было замечено «никакого революционного сознания». Стало понятно, что он «вошел исключительно только из-за корыстных целей» – чтобы получить паек, и его из партии исключили⁴⁸³.

Главный вопрос, мучивший разбиравших биографии анархистов, состоял в том, что для них важнее – партийная дисциплина или дух вседозволенности? Готовы ли они к ограничениям, которые накладывает работа в партии? Как показывают случаи Никифорова и Кутузова, большевики признавали, что при достаточной работе над собой стихийность анархизма могла быть поставлена на службу борьбе за коммунистическое будущее. Кутузов смог показать, что к большевикам он присоединился по убеждению, серьезно разобравшись в тактике партии, а не по личной прихоти или обстоятельствам. В случае Никифорова «чистильщики» увидели, насколько ценна была для него партийная дисциплина, смогли разобраться в психологических нюансах личности ответчика: анархист, сознательно принявший дисциплину, становился не бесконтрольным безумцем, а честным бунтарем, способным принести партии только пользу своей бескомпромиссной прямоотой. Редков же выдержкой не отличался. Его тяга к свободе выразилась, в частности, в том, что он присоединился к первому попавшемуся восстанию, не разбираясь и не задумываясь о его контрреволюционном характере. Понятно, что тем, для кого бунт был важнее политических сил, за ним стоящих, в партии места не было.

Сложность с анархистами заключалась не только в их личных качествах и былых прегрешениях. Большевики боялись, что у многих из них сохранились подозрительные личные привязанности, опасный круг общения. Студент Петроградского университета, известный под псевдонимом Бунтарь, столкнулся с проблемами из-за того, что, даже распрощавшись с анархистскими иллюзиями, он продолжал симпатизировать бывшим товарищам.

Автобиография Бунтаря от июня 1922 года говорит о том, что он тоже боролся с соблазном анархизма и очень хотел встать в ряды партийного строительства. Люмпен, пролетарий чистой воды, автор был подвержен влиянию деклассированных элементов. В 1915 году ему попала в руки особенно впечатляющая подстрекательская листовка, которая призывала примкнуть к организации анархистов-коммунистов. Анархо-коммунисты проповедовали децентрализацию, то есть замену централизованного государства и управления свободной федерацией самоуправляющихся территориальных коммун (общин) и производственных союзов; равенство в смысле отсутствия иерархии, одинаковой для всех возможности удовлетворения индивидуальных потребностей и нужд; взаимопомощь – замену эгоизма, который разделяет людей, солидарностью. Отрицая различие понятий «индивидуализм» и «коллективизм» как игру слов, Бунтарь мог утверждать, что человек, жертвующий своими интересами для пользы большинства, – это иллюзия, так как общество составлено из отдельных людей, а вовсе не является монолитным единством.

⁴⁸³ WKP. 326. 15.

Сразу после свержения монархии анархо-коммунисты стали создавать отряды «черной гвардии», забирать и свозить на свои пункты продовольствие и одежду. Бунтарь признавался в своей автобиографии в участии в знаменитом разгроме дворца герцога Лейхтенбергского в апреле 1917 года. Сообщая о тщательном осмотре особняка последнего флигель-адъютанта Николая II, «Русская воля» писала о погромщиках как о криминальном элементе: «Выясняется, что помимо похищенного платья исчезло значительное количество буфетного серебра и других дорогих принадлежностей. Из кабинета герцога исчезло ценное оружие, в том числе и сабля герцога»⁴⁸⁴. Выброшенные из особняка правительственными силами, анархо-коммунисты поехали в захваченный ими особняк бывшего министра Дурново на Полюстровской набережной. Бунтарь был и там среди группы максималистов, занявшей несколько комнат и устроившей митинг, на котором присутствовала многотысячная толпа. Временное правительство решило отнять у анархистов особняк. 7 (20) июня 1917 года был предпринят штурм, погиб один человек. Попытка выселить анархистов вызвала массовое возмущение и забастовки рабочих Выборгского района, которые требовали «оставить дачу в руках трудового народа». Бунтарь понял, что без поддержки рабочих реакция восторжествует. Вокруг него распевали песню рабочих анархистов:

*Смело поднимем мы черное знамя
Над угнетенною силой труда.
Пусть разгорится анархии пламя
И сокрушит рабский гнет навсегда.*

Припев:

*Мы анархисты и коммунисты,
Смело на бой, товарищи, идем.
Наша свобода – благо народа,
Счастье и радость мы миру несем.*

<...>

*Братья, не нужны нам власть и законы
Тюрем, дворцов и роскошных палат
И ненавистной проклятой короны
Пушек и ружей, штыков и солдат*⁴⁸⁵.

Бунтарь знал, что живет в преддверии социальной революции, знал, что только она может дать рабочим и солдатам настоящую волю и хлеб, знал, что в данной ситуации только радикализм приблизит народ к достижению своих идеалов. Знал он и что нельзя вступать в борьбу с большевистским правительством в то время, когда завоеваниям революции грозит серьезная опасность от контрреволюционных сил русской и международной буржуазии. Анархисты говорили себе: подрывая материальные силы буржуазии, «правительство коммунистов-большевиков облегчает нашу работу в деле создания одной из важных предпосылок для перехода к строю вольного рабочего социализма, то есть к анархо-коммунистическому общежитию»; большевики, разрушая старые формы государства, «не имея возможности создать такие новые формы его, которые были бы признаны народными массами своими формами... разрушают, в сущности, самую идею государственности и, в лице своих искренних революционеров-идеологов, сами стремятся к безгосударственному социализму». В борьбе с контрреволюцией Бунтарю необходимо было идти вместе с Лениным, тем более что, ведя эту борьбу, большевики

⁴⁸⁴ Русская воля. 1917. 30 апреля.

⁴⁸⁵ Анархисты. С. 118.

подготавливают некоторым образом почву для того общественного устройства, которое ему мечталось. Многие анархисты решили «сложить свои мечи», повторял известные факты автобиограф, и его взгляды также «ушли от анархизма». На заключительном этапе Гражданской войны Бунтарь уже служил в рядах Красной армии. Партийная ячейка «приняла меня без всякого кандидатского стажа», хвастал он.

Но прошлое Бунтаря преследовало его, и в период чистки 1921 года он был исключен из партии. Протокол работы Петроградской контрольной комиссии указывает, что исключение мотивировалось симпатией, которую Бунтарь продолжал проявлять к анархизму. В то время шла зачистка анархистов, подозреваемых в том, что они кооперируются с повстанческими элементами. Хуже того, Бунтарь отказался сотрудничать с ЧК, несмотря на прямые приказы сделать это. Еще на Всероссийском съезде анархистов-коммунистов в декабре 1918 года отмечалось, что со стороны ВЧК «бывают случаи... произвольных арестов, даже разгромов анархических организаций». Бунтарь мог помнить увещевания Махно, что врагами являются чекисты, особисты и другие вооруженные представители власти. Наконец, он мог быть под влиянием анархистов-универсалистов, которые соглашались работать во всех советских учреждениях «за исключением дисциплинарных и репрессивных (ВЧК, МЧК, тюрем, трибуналов, милиций и проч[его])»⁴⁸⁶.

Бунтарь озвучивал в университете подобные мнения, говорил о святости личности. «И в данное время он симпатизирует организации анархистов „идейного толка“», – говорили о нем в 1922 году. «Анархизм – мечта (и благородная мечта) о полном торжестве человеческой личности над косностью и тиранией среды, как физической, так и социальной, – воодушевлял Бунтаря Новомирский. – Анархизм – мечта о цельной, свободной и сильной человеческой личности»⁴⁸⁷. Не то большевизм, «краеугольным противником» которого является понятие личности, «возрастающей в своей силе и творчестве до утверждения себя в бессмертии и в космосе»⁴⁸⁸. Вместо сохранения личности, «здоровых исканий свободной мысли» анархисты видели слепую подчиненность большой фантазии «главков» и «центров» политических группировок⁴⁸⁹.

В надежде на реабилитацию ответчик отмежевался от таких формулировок: «Что касается моих прошлых взглядов, то я от них уже отрешился давно и не мог быть анархистом, командуя частями Красной Армии». Прозрение анархистов было постепенным: «Работая руку об руку с большевиками, мы не считали, однако, до последнего времени целесообразным слиться с ними в единой партии, – говорили анархо-коммунисты от имени Бунтаря. – Мы верили в близость наступления анархической революции во всем мире, которая должна была завершить дело освобождения пролетариата и всего человечества вслед за временным переходным периодом государственного социализма». Только недавно стало понятно единомышленникам Бунтаря: «[Лишь после] подавления всех попыток буржуазии к реставрации можно говорить о ликвидации государства и власти вообще. Кто оспаривает этот путь... тот прямому действию и организации победы фактически предпочитает жалкое кружковое кустарничество, внутреннюю пассивность и неосуществимые иллюзии – все это под прикрытием революционной фразы»⁴⁹⁰.

Это правда, что, работая до университета в Тверской губернии, Бунтарь проявил слабость по отношению к некоторым «идейным анархистам» при их аресте и просил партию «использовать меня где угодно, только не там, где у меня еще остались уязвимые пункты». Может быть,

⁴⁸⁶ Анархисты. С. 384.

⁴⁸⁷ Правда. 1920. 19 мая.

⁴⁸⁸ Известия ВЦИК Советов рабочих, крестьянских, казачьих, красноармейских депутатов и Московского Совета рабочих и красноармейских депутатов. 1922. № 3 (1442). С. 3.

⁴⁸⁹ Биокосмист. Орган организации: Креаторий Российских и Московских анархистов-биокосмистов. 1992. № 1. С. 19.

⁴⁹⁰ Правда. 1923. 7 сентября.

Бунтарь еще не излечился от столь свойственного анархизму индивидуализма полностью, но он знал, где его слабость, и обещал наконец дисциплинировать себя. Но в ячейке сомневались: Бунтарю не удавалось полностью перебороть себя, выдать своих бывших «идейных» единомышленников – он продолжал с ними общаться. Как показал Кронштадтский мятеж, его окружение могло превратиться в ядро другой, антипартийной организации в любой момент⁴⁹¹.

Итог по делу Бунтаря вряд ли был благоприятным. Судя по характеристике 1924 года на студента Ашенбаха Г. Г., партячейка Ленинградского государственного университета могла простить анархизм, но никогда его не забывала: «За период с 1918 по 1921 т. Ашенбах состоял в РКП(б), затем перешел в партию Анархистов», после Кронштадта снова связал свою судьбу с большевиками. Группа анархистов-коммунистов, в которой он состоял до вступления в РКП(б), интересовала его. Вот как ее кредо звучало в устах Аполлона Карелина, избранного от анархистов в члены ВЦИК:

Анархия! – мать порядка и гармонии!

К тебе мы стремимся, и никакие соблазны власти и богатства не собьют нас с верной дороги. Все, что ведет к тебе, мы поддержим. Все, что мешает твоему воплощению, мы отбрасываем. Если нам предстоит выбор между двумя общественными организациями, мы станем на сторону того строя, который менее враждебен тебе.

Миллионы искр летят от вольно-общинного, от анархо-коммунистического, мир освещающего пламени и, если такая искра попадет в голову и в сердце рабочего, он делает несколько шагов к рабочему социализму – другими словами – к анархическому коммунизму. <...>

Товарищи рабочие, крестьяне, интеллигенты, и вы, вышедшие из рядов трудового люда, солдаты и матросы! Смелее вперед к счастью, к вольной воле!

Ни хозяев! Ни правителей!

Да здравствует свобода, братство и равенство!⁴⁹²

Многое тут было созвучно политическим идеалам Ашенбаха, не видевшего особых противоречий между анархизмом и большевизмом. В ячейке думали иначе: товарищи находили у него «рецидивы анархистских наклонностей», выявившиеся на примерах «пренебрежения к партийной целесообразности». До поры до времени, однако, «активное участие в Гражданской Войне», за что он имел «ряд наград», и прилежное участие в партийных собраниях позволяли Ашенбаху считаться годным большевиком⁴⁹³.

Недолгое время анархисты и большевики действовали единым фронтом. Анархисты считали большевиков в какой-то степени авторитарными оппортунистами, большевики же с трудом терпели анархистскую стихийную революционность. «Сознательные рабочие понимают, что господский социализм или коммунизм с его призывами к замене буржуазных правителей членами социалистических или коммунистических партий является еще большей изменой социализму и коммунизму, чем инквизиция являлась изменой христианству, – уверяли анархисты. – Народ определенно и ясно не хочет диктатуры, но если большевики, называющие себя коммунистами, уйдут от власти, она будет захвачена... монархически настроенной частью буржуазии и старого чиновничества – и эти господа свирепо исковеркают народную жизнь, стремясь восстановить старый режим»⁴⁹⁴. В зеркальном прочтении ситуации большевиками анархист видел перед собой огромное восстание города и деревни, подлинный бунт угнетенных масс, в котором кроме рабочего класса принимало участие и отсталое крестьянство, жители

⁴⁹¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 1. Д. 126. Л. 66, 69.

⁴⁹² Волна: Ежемесячный орган Федерации анархо-коммунистических групп. 1924. № 49. С. 25–26.

⁴⁹³ ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 5. Д. 15. Л. 17.

⁴⁹⁴ Волна. 1924. № 49. С. 19–20.

городских трущоб, безработные, словом, «люмпены» – термин, введенный Карлом Марксом для обозначения деклассированных слоев пролетариата. Отстраняясь от социальных норм, люмпен, он же анархист, уверяли они, деградировал. Взамен разрушенных ценностей у него не всегда формировались новые. О нем никогда нельзя было знать, кем он окажется завтра, случайным ли союзником РКП или патриотическим героем черной сотни⁴⁹⁵. Из-за своей принципиальной враждебности к политической власти как таковой студенты, падкие на анархизм, с легкостью кочевали между партиями, группами и течениями. Партийные пропагандисты отмечали, что даже смелейшие, наиболее преданные революции бывшие анархисты затруднялись выполнять политическую работу, возложенную на них бюро ячейки, – часть их удавалось выправить и обучить, но со многими приходилось расставаться.

Ячейки РКП хотели видеть в своих рядах только выдержанных товарищей, которые понимали, что рабочее движение нуждается в организационном центре, вырабатывающем правильную тактику и развивающем коммунистическое сознание. Особенно важным в случае студентов с анархическим прошлым считалось, что этот организующий центр должен быть не просто признан как легитимная инстанция, находящаяся вне субъекта, но полностью внутренне воспринят им самим. Именно поэтому тема дисциплины раз за разом поднималась в ходе обсуждения кандидатур в члены партии. Требовалось, чтобы бывшие анархисты признали продуктивную природу власти над собой, – чтобы власть не просто сковывала их, а направляла буйство энергии, которой их начинил проделанный путь политического становления, на пользу строительства коммунистического общества. Не желая признать, что время для полного освобождения личности еще не пришло, не понимая, что приближение коммунизма требует труда над собой и выдержанности, анархист мог поддаться первому же стихийному импульсу. Не будучи способным отличить партийную дисциплину от партийной репрессии, он готов был обратить свою энергию против товарищей в любой момент. Большевики старались направить его против распыленности и ложного индивидуализма, против перманентного критицизма, против кустарничества и подпольного бомбизма. Бывшего анархиста раз за разом требовалось проверять на понимание партийной линии и на способность действовать в ее русле. Но даже если он систематически проходил все проверки, партия не могла быть уверенной, что бацилла борьбы со всеми ограничениями не заявит о себе снова.

В силу аморфности и принципиальной децентрализованности анархистского движения большевики никогда не могли рассчитывать на то, что перед ними «правильный» анархист, т. е. приемлемый для РКП анархист-коммунист, а не, например, упоминавшийся выше биокосмист, сторонник НАБАТа или даже правый анархист – последних было мало, но они вполне лояльно воспринимались анархистской средой. Знатоков анархизма у коммунистов не было, поэтому вывод «их сам черт не разберет» всегда был уместен. А вот в меньшевиках и в меньшей степени в эсерах большевики разбирались лучше.

3. Меньшевики и эсеры

Отношения большевиков с конкурирующими социалистическими партиями были сложными и противоречивыми. Обоюдное прочтение смысла этапов революционного процесса играло решающую роль. Все зависело от оценки конкретного исторического момента, расклада политических сил и, соответственно, определения главного врага. Эсеры и меньшевики много враждовали с большевиками в предыдущие годы, и аппарат РКП(б), как правило, не трактовал бывшее членство в этих партиях как естественный пролог к обращению. Громкие эмигрантские организации «мелкобуржуазных партий» и множество подпольных публикаций в Советской

⁴⁹⁵ Эйдман Р. Повстанчество и его роль в современной войне // Армия и революция. 1919. № 3–4. С. 96; Белаиш А. В., Белаиш В. Ф. Дороги Нестора Махно. Киев: РВЦ «Проза», 1993. С. 444.

России (по крайней мере до середины 1920-х годов) представляли в глазах аппарата серьезную угрозу. Большевики и эсеры в 1918–1921 годах были неоднородны, и, соответственно, отношение коммунистов зависело в немалой степени от того, к какому партийному течению принадлежало то или иное лицо. Большевики из плехановского «Единства» входили в Союз возрождения и были даже в савинковском Союзе защиты родины и свободы. С точки зрения большевиков, это были враги советской власти, и им в РКП(б) не место. В ПСР, после откола левых эсеров осенью 1917 года, были правые, были правоцентристы (они доминировали в партии), левоцентристы, возникли также народовцы, ставшие потом и организационно обособленными, – Меньшинство ПСР. Последние уже отказались от идеи Учредительного собрания, разделяли идеи не парламентаризма, а «трудовластия», считались советской партией, легальной до роспуска партии эсеров в 1922 году. Из них очень многие ушли в РКП(б)⁴⁹⁶.

С точки зрения большевиков, их оппоненты сильно отличались по темпераменту. Самыми рассудочными, осторожными, склонными больше к словам, чем к действиям, в революционном движении считались меньшевики. Так, например, с точки зрения ортодоксального большевика А. Голубкова, меньшевики-ликвидаторы «к подпольной работе относились не только скептически, но и с нескрываемой насмешкой, как к какому-то кустарничеству, как уже к изжитому этапу движения, как „взрослый“, „серьезный“ человек относится к забаве и увлечению молодости»⁴⁹⁷

⁴⁹⁶ Морозов К. Н. Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1922–1926): Этика и тактика противоборства. М.: РОССПЭН, 2005. С. 32.

⁴⁹⁷ Там же. С. 31.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.